

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 35 АВГУСТ 1987

КИТАЙ, НАШ СОСЕД

НАРКОМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В СТРОЙ...

ВСЛЕД ЗА СТРОКОЙ ПУШКИНА

ХУДОЖНИК
АНДРЕЙ
ЮМАШЕВ

**ДЕНЬ ЗНАНИЙ —
КРУГЛЫЙ ГОД!**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 35 (3136)

29 августа —
5 сентября

© Издательство «Правда», «Огонек», 1987.

Главный

редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

Д. В. БИРЮКОВ,

Л. Н. ГУЩИН

[первый заместитель
главного редактора],

К. А. ЕЛЮТИН,

В. П. ЕНИШЕРЛОВ,

Н. А. ЗЛОБИН,

Д. К. ИВАНОВ

[ответственный
секретарь],

А. Ю. КОМАРОВ,

Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,

В. Д. НИКОЛАЕВ

[заместитель
главного редактора],

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

В первый раз, в первый класс...

Фото Александра Чумичева (ТАСС)

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ
БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ
СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИС-
НОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на
полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб.
19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммуни-
стического воспитания — 251-89-83; Междуна-
родный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Писем и массовой ра-
боты — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформле-
ния — 212-15-77; Литературных приложений —
212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских ли-
стов не рассматриваются.

Сдано в набор 07.08.87. Подписано к печати
25.08.87. А 00419. Формат 70×108½. Глубокая
печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд.
№ 2387. Заказ № 1045.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Револю-
ции типография имени В. И. Ленина издатель-
ства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва,
А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

РАССКАЗ
О МЕЖДУНАРОДНОМ
КРУИЗЕ
ПО ДНЕПРУ

ЧУДЕН МИР ПРИ ТИХОЙ ПОГОДЕ

В силу понятных причин я никогда
в жизни не встречался с Марком Твен-
ом. Поэтому можете представить
мое изумление,
когда на пристань города Черкассы,
которому исполнилось 700 лет, вышел
человек 150 лет от роду, и они стали
приветствовать друг друга.
Город (в лице лучших
своих представителей,
собравшихся на митинг) не скупился
на аплодисменты, ну а Марк Твен,
приняв хлеб-соль, тоже за словом
в карман не лез...

Олег
ПЕТРИЧЕНКО,
Александр
НАГРАЛЬЯН
(фото).

Удивление мое было вполне искрен-
ним, поскольку в составе участников
международного круиза мира по
Днепру — представителей 60 анти-
военных организаций и движений
стран Западной Европы, США и Кана-
ды, а также активистов советского
движения за мир — великий америка-
нец не значился. И лишь на митинге я узнал, что
он и Уильям Маклинн — одно лицо.

У. Маклинн — известный актер, писатель. Так
его представляют слушателям. Но я возьму на се-
бя смелость назвать его проповедником. И не
только потому, что, получив юридическое обра-
зование, он предпочел стать в дальнейшем служи-
телем церкви. Увлечение личностью Марка Тве-
на, которого Уильям называл Шекспиром Америки,
во многом предопределило и его образ жизни,
образ мыслей: он не только популярнейший в

США исполнитель роли С. Клеменса, но и стра-
стный проповедник его гуманистических взгля-
дов, которые не устает утверждать в своих мно-
гочисленных выступлениях.

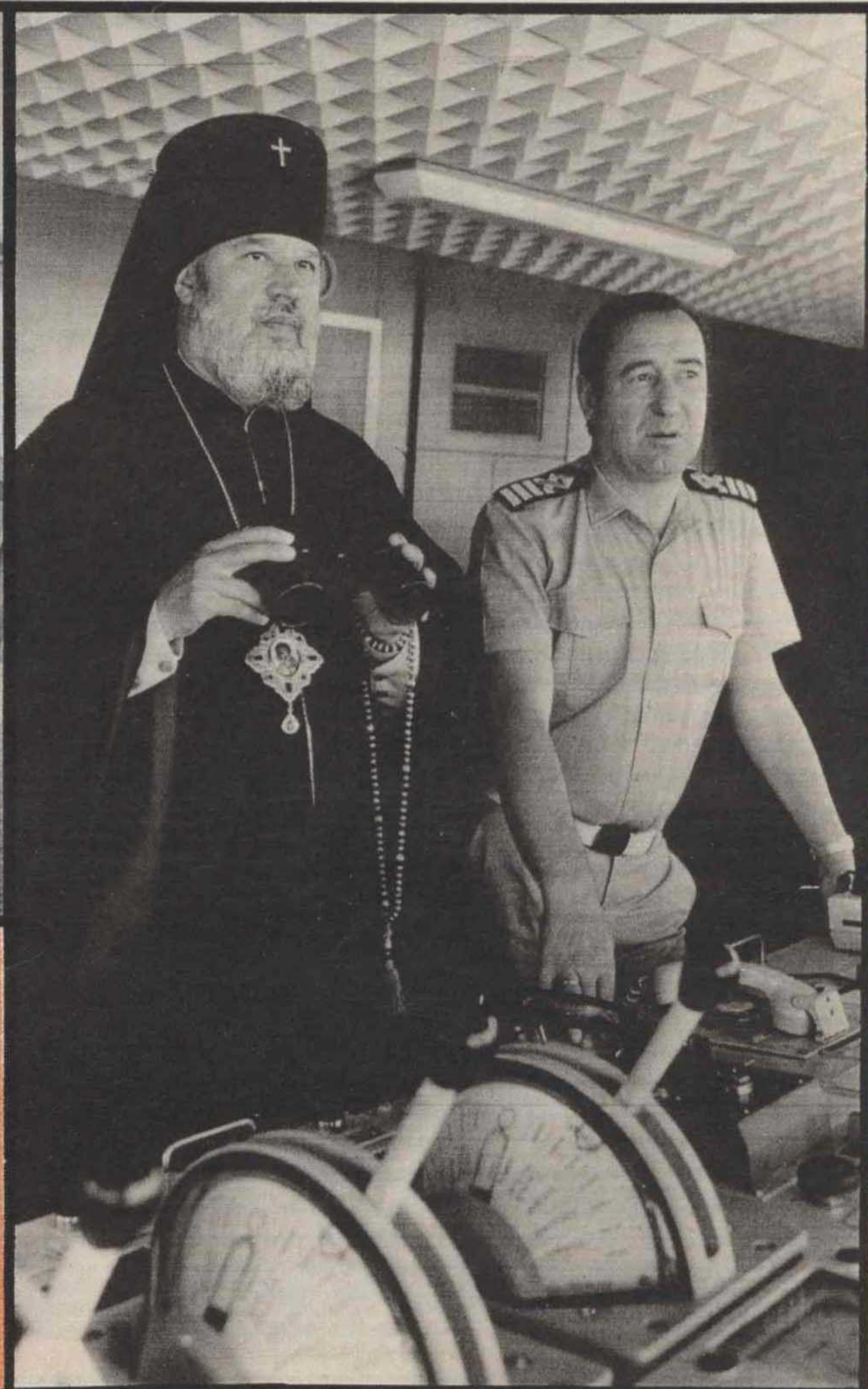
Год назад он принимал советских людей в род-
ных стенах — на старом речном пароходе «Делта
Куин» плывал вместе с ними по Миссисипи. Этим
летом с группой американцев совершил путеше-
ствие по Волге и вот в составе нашего интернаци-
онального коллектива плывет по Днепру.

— Родина Марка Твена — штат Миссури, — ска-
зал Уильям. — Но похоже, что всенародную изве-
стность он обрел у вас. Я не встречал здесь лю-
дей, не читавших его книг, огромные тиражи ко-
торых тем не менее не удвоятворяют спроса. В
Штатах к Твену относятся прохладнее, кое-где он
даже под запретом. И толкуют его по-разному,

Окончание на стр. 8.

● В руках Уильяма Маклинна вода из Миссисипи. ● Знакомятся с художественной самодеятельностью. ● Антивоенный вернисаж. ● Татьяна Коваль, научный сотрудник Института этнографии Академии наук СССР. ● Генриетта Доорн из Голландии вручает альбом Георгию Конкину, сотруднику Украинского республиканского комитета защиты мира. ● Что там впереди! В ходовой рубке архиепископ Винницкий Агафангел и капитан Виктор Иванович Нечитайло.

ПОД ЗАДАЧ

КУЛЬТУРА
НОВОГО ГОРОДА—
КТО ЗА НЕЕ
В ОТВЕТЕ?

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

Юрий МИХАЛЬЦЕВ

Второй раз я приехал в Тольятти ровно через год. В начале июня проводится здесь уже традиционный «День города». Когда я увидел город впервые, он мне понравился, как, наверное, многим из тех, кто остался тут жить.

Тогда праздник проходил под девизом «Превратим Тольятти в город-сад!». Нынешний, юбилейный, посвящен 250-летию Тольятти — Ставрополя.

День и год. Условные, в общем, сроки. Но по привычке укладывая в них наши дела, подводя итоги, я старался рассмотреть, как прошел год, каким стал нынешний день, и главное — что в дне этом заложено на год следующий?

Почему Тольятти послужил отправной точкой для размышлений? Ну, с одной стороны, чистота эксперимента, поставленного 25 лет назад. В строительстве нового города реализовались многие наши противоречия — смелость научных работ и проектов применительно к реальным экономическим возможностям и способностям реальных людей с их уровнем сознания, теоретической, философской, социальной зрелости.

Вот факт. Одновременно с закладкой Волжского автозавода было принято непростое решение: строить много качественных жилых домов. Чтобы отстоять тогда эту позицию, требовалось немало мужества. И по сей день не было случая, чтобы завод не выполнил плана по вводу жилья.

Зато, к примеру, обеспеченность домами культуры в Автозаводском районе составляет 3,3 процента от нормативов, кинотеатрами — 11,8...

Инициатива комсомольцев ВАЗа — отработать четыре свободных дня на объектах соцкультбыта — получила поддержку в Центральном Комитете партии, распространена на всю страну. В самом городе благодаря этой инициативе досрочно открыт новый кинотеатр, строятся Дворец пионеров, Дворец культуры...

Но показательна тревога, которой поделился недавно на страницах журнала «Коммунист» секретарь парткома объединения «АвтоВАЗ» Юрий Васильевич Архипов: «...Когда Михаил Сергеевич Горбачев критиковал нас за упущения в социальной сфере, речь шла в основном о слабом внимании к учреждениям культуры... Раньше больше думали о жилых домах, магазинах, о том, чтобы обеспечить, так сказать, минимум бытовых удобств. За другие социально-культурные объекты особенно и не спрашивали. Сегодня узость такого подхода дает о себе знать, и порой очень остро...»

Дело ведь не только в нехватке учреждений культуры — даже в тех немногих, которые есть, посещаемость низкая. После работы люди замыкаются у себя в четырех стенах, вечера просиживают у телевизора...»

Значит, дело в том, что и потребность в культуре тоже, оказывается, нужно воспитывать.

РАЗГОВОР С ИНЖЕНЕРОМ

— Почему вы считаете Тольятти городом социальных проблем?.. Досуг? И стадион, и бассейн, и Дворец спорта есть. Да, театра нет, но у нас все время гастроли, и артисты к нам самые популярные приезжают — у всех «Жигули». И чем вам новый город не нравится? Не знаю, не знаю. Может, конечно, с точки зрения архитектуры. А

по-моему, надо спросить самих людей. Если им хорошо жить в удобных квартирах, когда с балкона в соседскую кухню не заглядываешь, когда на улицах просторно, так не все ли равно, как там с архитектурой...

Не будем придирчивы к мнению инженера. Он человек, увлеченный своей работой, постоянно в командировках. Что-то проходит мимо его внимания, какие-то подробности бытовые. Жаль, я с женой его не поговорил... Но его точка зрения существует, она реальна, и я еще раз спрашивал себя и тех, с кем довелось говорить: а может, и нет особых проблем в городе? Нет, не разубедили меня, есть проблемы. Существуют уже и растут новые жители, которые не ощущают своей обездоленности духовной средой, культурной своей обделенности, не сознают дефицита общения.

Впрочем, поздно вечером вдоль пляжа и на набережной собралась настоящая толпа. На барже у берега была оборудована сцена, рядом проходил водноспортивный праздник, а потом выступали рок-группы, танцевальные коллективы, театр моды, о котором я еще расскажу, — словом, шла весьма обширная программа, не очень ровная, а главное, плохо видная и слышная тем, кто стоял сбоку или сзади. Приблизительно 80 тысяч было в тот вечер на набережной. И никаких эксцессов или хулиганства при весьма, заметим, высоком уровне правонарушений, особенно среди несовершеннолетних. Только на четырех осветительных мачтах, на самом верху, вместо отсутствующих фонарей сидело по мальчишке. Не знаю, что им было видно с такой высоты, но зато уж их видели все.

Время было позднее, с Волги дул холодный ветер, а люди стояли, и даже после программы, после фейерверка все никак не расходились по домам, словно радуясь возможности побыть в гуще людей, объединенных общим настроением.

ЗАВЕТ МАКЕДОНСКОГО

Да, да, того самого, великого. Решительный император и полководец, он думал о своих подданных. Говорят, ему принадлежат слова: «Я заставлю их быть счастливыми!»

Увы, насильно мил не будешь. К чему это я? По ассоциации. Разговаривая с некоторыми ответственными за культуру товарищами, я заметил в их интонации благородное ощущение своей миссии — нести культуру в массы. И одновременно некоторое недоверие к возможности самих масс как-то поучаствовать в этом процессе. Но ведь культуру нельзя ввести сверху, она должна вырасти в самой людской общности, как растет в своей рановине жемчужина.

«День города», как в капле воды, отразил общее состояние культуры и отношение к ней. В кабинете секретаря горкома партии Клавдии Михайловны Гордеевой я видел сводный план — график проведения праздника. Бумажная простыня необъятных размеров, где помечены все «точки», все выступления, расписаны по минутам транспорт, ответственные... Что и говорить, работа была проделана огромная, сил потрачено немало. Но предусмотреть все невозможно, любая схема дает сбои... И напрасны тут огорчения, иначе и быть не могло.

Главная же — самая светлая, благородная задача — устроить праздник — невозможна без участия празднующих. В штабе можно готовить сражение, но решить, кто как будет веселиться, нельзя.

Боже упаси понять эти слова как упрек организаторам «Дня города» — и ним это относится в той же мере, как и ко всем нам. Просто снова чистота эксперимента позволяет на этом примере сделать общие выводы. Самим организаторам можно выразить лишь одно сожаление: невысокий профессиональный уровень сценария и режиссуры.

В штабе праздника мне не без гордости заметили: «Поймите, ведь мы все сделали сами, своими силами, ни на чью помощь не рассчитывая». Позиция эта должна вызвать уважение, если результат хорош. А если нет? Да и как отделить «свои силы» от «чужих» в городе, где население выросло за 25 лет с 80 до 650 тысяч, в городе, на семь восьмых состоящем из приезжих? В городе, где старожилы считают те, кто приехал сюда 10 лет назад? Гордиться своими силами замечательно, если они есть, но зачем же следовать принципу «хоть плохонькое, но свое». Ведь нас уже давно

плохонькое, хоть чье, не радует. Особенно, если это касается культуры, которая, как ни крути, часть идеологии.

Еще в прошлом году слышал я сетования, что в городе мало специалистов-гуманитариев. А что делается для того, чтобы их привлечь? Да и для того, чтобы удержать тех, кто есть, это ведь тоже, оказывается, проблема. Л. С. Пахута, тогда заведовавший отделом культуры горисполкома, а теперь вернувшийся на ВАЗ, чтобы возглавить управление социального развития (там масштаб оказался покрупнее, да и средств не в пример больше), так вот, Леонид Станиславович, зная, о чем говорит, констатировал: «Культура в Тольятти — не та сфера, где интересно, престижно работать».

Авторы комплексной программы эстетического воспитания, главный художник города Николай Александров (это сейчас он главный, а был долго исполняющим разные обязанности) и социолог Александр Золотарев, в должности методиста отдела культуры, — люди одержимые и необходимые городу, шесть лет живут вместе с женами и детьми в одной двухкомнатной квартире. Деталь показательная. Тем более что на глазах примеры совсем иного рода: футболист, приглашенный в команду «Автомобилист», не слишком радующую болельщиков в своей второй лиге, получает квартиру без проблем.

Все сознают, хотя бы на словах, что беда города в том, что 15 лет назад мало заботились о культуре. Но серьезно ли думают нынешние руководители о том, что будет 15 лет спустя? Для будущего надо работать сегодня, тем более что предметные уроки небрежения налицо.

Организаторы считают, что в главном праздник достиг своей цели — воспитания чувства патриотизма. Этому были посвящены центральные мероприятия, представление на стадионе. Кроме того, к празднику пустили фонтан перед городским Домом культуры (правда, сам дом с 1979 года на ремонте, сроки завершения которого туманны), открыли экспозицию картинной галереи в помещении краеведческого музея, шашлычную в Центральном районе, концертную эстраду и клуб «Спутник» в Комсомольском...

Надеются сохранить детские городки, элементы оформления — кстати, это отметили сразу, очень нарядного, легкого, лишнего помпезности и действительно праздничного по настроению.

И все же я спрашивал себя: достаточный ли это итог одного «Дня», стоившего городу полтора миллиона?

МИР ХИЖИНАМ, ВОЙНА ДВОРЦАМ

— Конечно, праздник можно было организовать дешевле, силами районов, — горячится Александр Золотарев. — Объявить заранее соревнование на лучшую идею, конкурсы провести, например, конкурс масок. Средств было бы затрачено меньше, а праздника было бы больше. Но об этом никто не подумал. Практика культуры никак не связана с теорией. Философы, социологи копыя ломают в спорах о целях и средствах эстетического развития, но этими сломанными копыями никто не интересуется. Ученые — они там где-то, а культура, которая «мероприятия проводит», — она здесь. Расходуем много денег, и почти всегда бестолково, потому что не знаем заранее, какого результата хотим достигнуть. Для чего? Ради чего?

Вот строят и никак не достроят ДК ВАЗа. А я и не уверен, что его надо было строить. Лучше, мне кажется, на те же деньги было построить общественные центры в микрорайонах. Ведь задачи развития культуры решает не только ДК...

— Мы работали в школе Щетинина, разрабатывали обучающий комплекс, там и возникла концепция эстетического развития, — вступает в разговор Николай Александров. — Когда эксперимент Щетинина стали прикрывать, мы попытались в какой-нибудь обычной тольяттинской школе провести программу по всестороннему развитию личности. Но горону на это не пошло. А попробовав сделать это в одной из школ искусств, мы поняли, что без одновременного воспитания родителей и работы с детьми после окончания школы ничего не выйдет. Эстетическое воспитание должно быть непрерывным, на всю жизнь...

— Еще в 1983 году горсовет принял решение о разработке комплексной программы эстетического воспитания, — вздыхает Золотарев. — Недавно ее одобрили на зональном совещании работников культуры. Вроде бы дело сдвинулось. Но ведь тут так: надо жизнь положить на решение любой задачи. И тащить, тащить... А время проходит и спрашиваешь себя: а хочешь ты на это — жизнь? Нынешний «День города» — по-моему, критическая точка. Форма всесоюзного торжества, но сообразно скромным средствам. Праздник сегодня вступил в противоречие со временем. Люди ждали перемен, но их не увидели. Ждали чего-то особенного — увидели то, что уже было...

ЧТО У ВАС, РЕБЯТА, В ШПР!

Сначала я думал — они шутят. Потом понял: всерьез. Долго выяснял — что это. Ну, Ш — шкаф, П — платяной, а Р... — может, разборный. Ладно, пусть ШПР — вроде, шифоньер в эпоху НТР. Так что там у вас?

Одеваются в Тольятти пестро. Молодежи очень много, за модой следят, правда, распространяется она путем подражания, то есть с заметными потерями. В магазинах никакого режима наибольшего благоприятствования молодежи нет. Существует свой «черный рынок», где цены на модные сегодня вещи весьма внушительны. Но престиж группы требует — и в личном, а то и в семейном бюджете пробивается заметная брешь.

Год назад Дом мод трикотажных изделий проводил зональный семинар. Участников съезжалось из разных областей России немало, и их решили порадовать театрализованным показом новых моделей... Легко сказать — «порадовать». Пригласили в Тольятти молодого московского художника Рафа Сардарова. За три месяца он набрал группу показа, сделал эскизы коллекций, проследил за изготовлением моделей, перестроил демонстрационный зал и поставил спектакль «Шел по городу художник». Сюжет незамысловат, но обаятелен: ищет художник свою мечту, и его влюбленный взгляд преображает всех вокруг — от детишек до старушек. Кончается все счастливо, соответственно блестящей коллекцией белых свадебных платьев — все из трикотажа. Конечно, модели делал не только Сардаров — просто он сумел объединить художников Дома мод, да не только художников, но и мастеров, которым пришлось отвлечься от привычной работы. В результате было сделано, кроме коллекций, несколько очень удачных образцов молодежных моделей, не слишком дорогих, но совершенно разных.

Праздник прошел «на ура». Спектакль хвалили, завидовали по-хорошему, говорили о необходимости сохранить коллектив, а на его основе развивать новые формы обслуживания, сделать салон мод, где можно будет и показ посмотреть, и понравившуюся модель заказать, и получить консультацию косметолога, и сделать новую прическу, а после даже выпить чашечку кофе!

Увы, милые модницы... Праздник прошел, и выяснилось, что новые модели не вписываются в ГОСТы и прейскуранты, а сам Сардаров — в сложившийся коллектив объединения.

И все-таки театр моды в Тольятти появился. После восьми месяцев мытарств и поисков, стойкий коллектив принял под свою крышу самый, пожалуй, динамичный культурный организм в городе — Молодежный центр ДК ВАЗа. Вот где не только чувствуют перспективу, но и работают на нее! При известной автономии Центра решения принимаются и выполняются здесь с минимальным разрывом. Тут умеют тратить деньги с толком. И масштаб соответствует автогиганту: закупает японский видеоцентр, французскую светотехнику... Вот, по привычке написал «чувствуют, умеют» — и подумал: а как бы крутился довольно-таки сложный механизм Центра, если бы не энергия, оптимизм и интуиция его директора Александра Мурашова?

Итак, театр моды «Стиль» получил в городе профессиональный статус. Что в нем привлекает, помимо всегда полных залов? По-своему это уникальный художественно-производственный коллектив. Ведь все модели в театре создаются самими участниками, здесь нет четкого деления на манекенщиц и портных. Днем ты сидишь за машинкой, а вечером выходишь на сцену. Учишься тому, чего еще не умеешь. И, главное, развлекаешь, учишь своих зрителей или гостей, как называют в театре тех, кто приходит на «модные пятницы».

Высокий уровень моделирования, эффектные костюмы — от повседневных до фантастических — и при этом очень доверительная интонация разговора, который ведет с нами Раф Сардаров. Ничего не навязывая, «Стиль» предлагает задуматься о достоинствах и недостатках одежды. Театр учит терпимости к тому, что кажется нам непривычным, но и молодых людей призывает относиться к завихрениям моды с юмором, а главное — искать и сохранять собственную индивидуальность, не подлаживаясь под чужой впуск или стандарт...

Есть надежда, что с осени в мастерских театра можно будет заказать себе «стильную» одежду, научиться самому шить, заняться пластикой в студии, а чашечку кофе по пятницам приглашают выпить уже сейчас.

Я спрашиваю Рафа, что удержало его в Тольятти в эту трудную зиму — без жилья, без зарплаты, ведь в Москве его ждут работа, друзья, коллеги, квартира, в конце концов...

«Знаешь, сначала поверил, что я здесь нужен, больше сделать смогу. Есть в городе размах какой-то. Потом увидел, что размах — на словах, но уже такие ребята хорошие собрались, я ведь их

с места сдернул, не мог же их бросить. И добился своего!»

Верно, добились. Вот только что обидно: все в городе понимают, что нужны культуре свежие силы, энтузиасты, а все же к тем, кто приезжает, увлеченный своей идеей, относятся настороженно: чего это он? Нет ли у него какой-то выгоды? Одним словом, что бросил он в краю родном, что ищет он в краю далеком? Хотя для творческого человека выгода одна — осуществить свою мечту, и выгода эта не ему — всем выгодна, всем необходима.

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

— Не выдержит Сардаров, уедет, — сердится художник Шандор Зихерман, один из тех, кто приехал в Тольятти в 1972 году по приглашению тогдашнего председателя горисполкома Кашунина, чтобы организовать отделение Союза художников и свой худфонд. — У нас дело до сих пор стоит, уже 12 человек уехали. Кажется, любая творческая личность претит этому городу. Здесь любят иметь дело с несостоявшимися людьми, потому что те чувствуют свою зависимость и их можно на все мобилизовать, только скажут — тут же: «Будет сделано»...

Ну, я думаю, тут Шандор Матяшевич преувеличивает. Ведь сам он не уезжает, хочет довести дело до конца. Его в городе знают, к мнению прислушиваются, хотя...

С изобразительным искусством я в Тольятти встретился прямо на улице. Центральная площадь в Центральном районе. Продовольственный магазин. Но в витринах — картины, в основном небольшие пейзажи. Плакат: «Выставка-продажа работ художников-педагогов художественной школы и школы искусств». Рядом маленькое объявление: «Принимаются заказы на исполнение портретов. Книга заявок находится в хлебном отделе».

Подумал: искусство необходимо городу, как хлеб. Но ловко ли торговать им с того же прилавка?

— Дело упирается в непонимание призвания искусства, — продолжает Ш. Зихерман. — Это бич не только Тольятти, а всех быстрорастущих городов: не отличают настоящее искусство от весьма низкопробной самодеятельности. Самодеятельность — это прекрасно как занятие свободного времени, как самосовершенствование. Но нельзя этим заменить настоящее искусство. Это воспитывает полуобразованных людей, тех, что оставляют на всех выставках самые ожесточенные записи — они безапелляционны и не сомневаются в своем вкусе...

Я как-то хотел даже написать о том, что необходимо охранять периферию от низкопробного искусства. Вот ВАЗ миллионы тратит на халтуру, которую списывают через несколько лет. Сделали пляж. Киевский худфонд сбыв сюда свое залежалое добро, а завод сделал подпорную стену с мозаикой, которая через год начала отваливаться. Им что — они уехали. А мы тут живем, мы для себя стали бы делать на совесть, верно? Практически все монументальное искусство в городе, кроме работ Васнецова, — ужасно. В крупном культурном центре откровенную халтуру если и поставят, то там хоть есть с чем ее сравнить, да и не так в глаза бросается, а у нас молодежь видит только это, и это выдают за искусство, и люди начинают думать, что другого не бывает. Юноши и девушки либо получают отвращение к искусству на всю жизнь, либо оказываются во власти искаженных, ложных эстетических представлений...

Я не пророк и не гений, но я говорил об этом еще Кашунину десять лет назад. Он мне: «Ну, что ты нам тут черта рисуешь!». Я говорил, что если мы не будем развивать культуру, то через несколько лет начнется отток квалифицированных кадров, будет расти детская преступность, пьянство, наркомания... Главное даже не то, что специалисты уезжают или рабочие. Смена, которая растет, самые способные — они не остаются в городе. По данным социологов, из выпускников школ Автозаводского района на ВАЗ приходит работать только 15 процентов! А если способный парень окончит институт в большом городе, ноги его в Тольятти не будет.

Трудно. Я, когда ехал в Тольятти, думал наивно: вот молодой город, могучий завод, огромные возможности... Мечтал даже создать первый в стране музей современного советского искусства. Если бы на ВАЗе понимали важность этого! Почему «Фиат» или «Форд» имеют свои огромные культурные центры? Там знают, что нельзя только брать, ничего не отдавая, это скажется через некоторое время...

Знаете, произведения искусства — как радиоактивные элементы. Можно не видеть их, не знать об их присутствии даже, но они все равно оказывают на человека свое действие, только не раз-

рушительное, а облагораживающее, я в этом уверен...

Что же делать с культурой в Тольятти, да и в других городах наших? Ведь современное производство требует высокой культуры, в том числе эстетической. Значит, надо понять, что создание картинной галереи, музыкальной гостиной, клуба любителей кино или театра моды экономически выгодны нам. Потому что воспитывают культурного работника, который нужен сегодня и без которого немислим завтрашний день.

Чувство красоты необходимо и для точной сборки, и для математического уравнения. Никакая добросовестность не восполнит радости от безукоризненного изящества сварного шва и от продуманной элегантности самого движения руки. Эта радость и есть, на мой взгляд, безусловная гарантия качества, лучше любой госприемки. А разбудить эту радость может только эстетическое воспитание, начатое с самого детства.

Я УЧУСЬ В ПЕРВОМ «У»

Еще недавно в Автозаводском районе в школах бывало по двадцать первых классов... Учебники, тетрадки — все проблема. А какая проблема — библиотеки! На три школы — 16 посадочных мест. Крошечные помещения перегородены шаткими стеллажами. Если класс проводит мероприятие — библиотекарь предупреждает: «К полкам не прикасаться». А ведь там книги. Вот и растут ребята, не прикасаясь к полкам.

Преподавательница жалуется: ребята так привыкли к близости города, что даже названия улиц не запоминают. Говорят: «Живу в пятом квартале». Хотя улицы самые обычные — Юбилейная, Революционная, Степана Разина... Есть, правда, название, которое я запомнил, наверное, на всю жизнь — Косой дублер. К счастью, это проезд, где пока никто не живет...

«Пятиэтажки», «малосемейки», «шапезеры»... С чего начинается культура, может, с языка?

К Сергею Дьячкову, социологу ВАЗа, я пришел накануне отъезда, хотя еще в прошлом году мне говорили: «Обязательно надо с ним встретиться, он знает о городе все». Но я тогда не знал о городе ничего и потому не спешил. Теперь жалею...

Разговор наш начался с прошедшего праздника. — На стадионе показали историю Тольятти в живых картинах... И получилось, что со строительством ГЭС город возродился. А мне кажется, что именно тогда и был уничтожен «гумос», плодородный слой культуры. В прежнем Ставрополе не было особых памятников, но был, наверное, свой уют, атмосфера, которая привлекала художников — Сурикова, Репина. А места здесь уникальные, «Волжская Швейцария». Уникальный сосновый бор... Арманд, Кржижановский сюда приезжали лечиться, отдыхать.

Хотя, знаете, уже строительство ГЭС привлекло интересных людей. Потом время строительства химических заводов, потом ВАЗ...

Нужно понять: Поляков, первый директор, был человеком самоотверженным, подвижником даже, умел он заражать людей. С точки зрения экономики он совершил здесь подвиг в духе первых наркомов. Поднял завод. Но ему принадлежит слово, определившие весь комплекс нынешних проблем: «Были бы кости, мясо нарастет». Ни о чем, кроме машин, не думал. Нужны были рабочие руки — построили жилье, много жилья, быстро. Вот он, стоит новый город... А знаете, как это место называлось? «Жареный бугор». Здесь люди никогда раньше не селились почему-то.

Но я считаю, что сейчас даже проблема культуры второстепенна. Первоочередная тревога, как и везде, — экология. Уникальная природная среда пока еще живет, но на нее все время посягают, и чем дело кончится, сказать нельзя. Бич города — химические производства. Атмосфера сильно загрязнена, буквально на пределе. Исследования показывают, что расширять химические предприятия нельзя, а городские власти, ссылаясь на «закрытые нормативы», дают разрешение на новое строительство. А какие могут быть закрытые нормативы, когда речь идет о здоровье наших детей? Вот как разрушается чувство патриотизма, если лишать человека сознания, что он может что-то изменить, повлиять на принятые решения, что может защитить свое здоровье, будущее ребенка своего...

Нужно дать людям возможность самовыражения. Будут здесь сложности? Конечно, и предсказать все их нельзя, но за самоуправлением будущее. Ему надо учиться. Мы, считайте, пошли только в первый класс...

Надо преодолевать, побеждать всяческие попытки администрирования. Оно бывает талантливым, как у Полякова, благородное, как у руководителей штаба «Дня города», бывает безразличное, как в большинстве случаев, но хорошего администрирования быть не может...

Прошел еще один день. Мой последний день в Тольятти. Впереди следующий — один из многих дней нашего беспокойного времени. Времени трудового, когда, по пословице, «день год кормит». И на неоглядном поле нашем надо сегодня успеть распахать пустыри, посеять сильные семена, поддержать добрые всходы. И поторопливаться...

И дорожка в тысячу ли начинается с первого шага

Тянь Цзюнь: — Мы уже имеем некоторый опыт работы в условиях реформы и достигли некоторых успехов. Впрочем, и проблем в нашем продвижении вперед еще предостаточно. Начали мы с перестройки сельского хозяйства. Вначале в нескольких провинциях, в частности, в провинции Сычуань с 1979 года начал вводиться семейный подряд; к 1982 году процесс этот захватил всю страну, развивается сейчас вглубь и вширь. Кое-где в руках более умелых крестьян начинает концентрироваться больше земли, а другие деревенские жители проявляют все больший интерес к работе на промышленных предприятиях. Тенденция к объединению в новых условиях приводит к тому, что создались крестьянские хозяйства, владеющие 100 и больше му земли (7 и более гектаров. — Ред.). Кое-где крестьяне объединяются для сбора урожая, для обработки сельхозпродуктов. Создаются объединения, позволяющие улучшить качество семян, совместно пользоваться преимуществами механизации, улучшать мелиорацию земель. Мы следим, чтобы все виды объединения происходили только на сугубо добровольной основе, на равных правах. Мы не поощряем поспешного объединения в кооперативы, как это бывало раньше. Крестьяне того, что было раньше, боятся, как огня, никто уже не хочет «черпать из общего котла».

Кроме того, более 70 миллионов сельских жителей, почти 10% всего деревенского населения работают на мелких промышленных предприятиях, поселковых и волостных. И это определяет изменение структуры сельскохозяйственного производства: в деревне производят уже и сложные электронные изделия. Главный вопрос сейчас — без поспешности направлять крестьян на новые объединения, искать все лучшие формы кооперирования, вдумчиво осуществлять их.

Такое развитие событий в сельской местности ведет к мобилизации активности крестьянских масс. Производство сельскохозяйственной продукции, в том числе изготовленных на селе промышленных изделий, увеличивается во все большем объеме. Создаются материальные предпосылки для того, чтобы все китайцы были сыты, обуты и одеты. Уровень жизни в стране в 80-е годы быстрее всего повышался у сельских жителей. Впрочем, есть у нас еще районы, где живет примерно 40 миллионов человек, которые остаются бедными. Но даже в этих районах люди видят реальные льготы, полученные крестьянством. В стране царят спокойствие и сплоченность; этого бы не

**ЧЛЕН ПОЛИТБЮРО
И СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПК,
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕМЬЕРА
ГОССОВЕТА КНР
ТОВАРИЩ ТЯНЬ ЦЗИЮНЬ
ПРИНЯЛ
КОРРЕСПОНДЕНТОВ
«ОГОНЬКА»
И РАССКАЗАЛ НАМ О ТОМ,
ЧТО ПРОИСХОДИТ СЕГОДНЯ
В КИТАЙСКОЙ
НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ,
В ЧАСТНОСТИ,
КАК ИДУТ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ.**

было, если бы 800 миллионов китайских крестьян были недовольны. Вот что могу сказать о положении в деревне.

В городах всеобъемлющая реформа началась в 1985 году, хотя эксперименты проводились и раньше. Мы понимали, что наша страна еще довольно отсталая, производительные силы находятся на низком уровне, мы еще только развиваем плановую товарную экономику. Социализм у нас находится еще на самой первоначальной стадии.

Мы допускаем одновременное многообразие форм хозяйствования, помогаем развитию и личного и коллективного хозяйства. Кроме того, быстро развивается волостно-поселковая промышленность, дающая уже 20% объема промышленного производства страны. Растет продукция городских коллективных, артельных хозяйств. Но государственная промышленность составляет все-таки 70% — главную часть. Впрочем, те, кто занимается сегодня индивидуальным хозяйством, составляют немалую группу населения — 18 миллионов; в 1979 году было таких всего 140 тысяч. Мы видим, как индивидуальное хозяйство привлекает к себе немало свободных рабочих рук, решаются многие вопросы, которые мы централизованно решить не могли. Особенно в области так называемой «третьей индустрии» — сфере обслуживания. Это важная тенденция, проявившаяся в последние годы. Валовая продукция личного хозяйства и смешанных предприятий с иностранным капиталом составляет около 2% совокупного общественного продукта, то есть не представляет собой решающей силы и не влияет на характер нашего общественного строя. Но очень помогает оживлению рынка и облегчению жизни народа. Пусть будет больше личных хозяйств, от этого только выгода.

Мы многими способами расширяем самостоятельность крупных предприятий, чтобы предприятия становились самостоятельными производителями товаров. Вначале мы просто оставляли определенную долю прибыли предприятиям, чтобы те обладали хоть какими-то средствами для премирования, для улучшения коллективного благосостояния. Эти отчисления сыграли определенную роль, имели влияние, но весьма ограниченное. С 1982 года мы перестройку на предприятиях углубили. Предприятия сдают государству налог по определенному коэффициенту, а остальное уже оставляют у себя. В среднем у предприятий остается не меньше 30 процентов прибыли. Но возникло несколько проблем, среди них вот такая:

условия хозяйствования на разных предприятиях различны, кое-где оборудование более передовое, отсюда и цена на продукцию повыше, а отдают они государству так, что оставляют себе меньше. Вот мы и ломаем голову над тем, как лучше разрешить вопрос распределения прибыли между государством и предприятием, как поощрять хорошие, передовые коллективы. Сейчас мы считаем, что реформа вступила в новый этап — все предприятия находятся в подрядных отношениях с государством, и сумма их взноса государству стала твердой. Ту прибыль, которую предприятие получает, улучшая хозяйствование, оно оставляет у себя. Права, самостоятельность предприятий все расширяются, но столько еще надлежит сделать усовершенствований в области планирования, управления во многих других областях! Рыночный механизм начинает влиять на наше производство — уменьшается сфера директивных планов, расширяется планирование направляющее. Кстати, и в сельском хозяйстве мы с 1985 года прекратили государственную монопольную закупку сельскохозяйственной продукции. Сейчас государство закупает по договорам только некоторое количество сельхозпродукции главных видов, а остальную свободно продает по рыночным ценам. То есть плановая, договорная часть продукции продается по государственным ценам, только она. То же в области промышленной, особенно в мелких изделиях — на ряд продуктов государство вообще цен не устанавливает. Мы пытаемся полностью выявить и исследовать возможности рыночного механизма.

Одновременно развивается горизонтальное хозяйственное объединение. По всей стране образуются блоки или группы предприятий. Они оказывают активное влияние на развитие экономики. Возьмем, к примеру, автомобильную промышленность. Вокруг первого и второго наших автозаводов образовались группы предприятий, объединенные общим интересом. Кроме того, изменился статус работающих. Раньше, когда человек поступал на завод, он знал, что останется там навсегда. Теперь рабочим дано право выбора места трудоустройства, многие работают по контрактам. Во многом для этого решения был заимствован ваш опыт. Кроме того, мы провели реформу в системе зарплаты, ввели должностной оклад, а остальное поставили в зависимость от эффективности данного предприятия.

Пока что наша реформа, наш эксперимент идет

маленькими шажками, мы нащупываем камни на дне, чтобы перейти реку, все стараемся делать аккуратно, и поэтому, думаю, у нас не было крупных осложнений. Впрочем, гораздо более сложной, чем предполагалось, оказалась система ценообразования. Мы понимали, что наладить ее за короткий промежуток времени будет трудно, но психологический фактор все более приходится вводить в сугубо экономические расчеты. Затем надо реформировать зарплату. Введение системы зависимости заработка от эффективности привело к тому, что появляется все большая разница между заработной платой разных людей, занятых одинаковым трудом в разных отраслях. И еще одно: надо постоянно уточнять, при всем расширении прав предприятий, как сочетать интересы отдельного предприятия с интересами государства, с его нуждами. Получив право распоряжаться денежными средствами, предприятие стремится к своей выгоде, которая не всегда совпадает с интересом государства. Вот вам проблема за проблемой, и все их надо решать в процессе реформы. Уровень жизни растет, но надо предотвращать слишком быстрый рост фонда потребления, надо ведь развивать и средства производства, производительные силы.

Мы очень хотели бы, чтобы читатели «Огонька» правильно поняли происходящее в нашей стране. Многого еще предстоит. Как нам известно, Советский Союз, крупная социалистическая страна, сейчас тоже ведет перестройку. Мы восхищаемся решимостью ваших руководителей вести перестройку. Мы искренне желаем успеха вашей стране на этом пути. И вы и мы — социалистические страны, во многом сходные или одинаковые. В области перестройки мы многое можем заимствовать друг у друга. Мы и в дальнейшем хотели бы обмениваться опытом перестройки. Желаем счастья советскому народу.

«Огонек»: — Нам чрезвычайно важно было услышать все это. Особенно Ваше понимание того факта, что у социалистических стран немало общих задач — это принципиально важно. Мы не говорили о противодействии перестройке, но смею предположить, что противники перестройки в наших странах тоже во многом похожи. Думаю, что одолевая противников и идя к общей цели, мы действительно многого достигнем, ощущая плечо друг друга. Хочется от всей души, от миллионов наших читателей поблагодарить Вас за глубокое разъяснение принципов китайских реформ.

Тянь Цзиюнь: — Да, за то, чтобы целиком заимствовать капиталистический путь, сейчас мало кто выступает. В нашей стране таких людей мало. Препятствия слева более серьезны, и легче побороться на них, как на удочку. Поэтому мы прилагаем много усилий для одоления препятствий со стороны леваков. Но и консерватизм, бюрократизм приходится ломать. Из ваших публикаций мне известно, что подобные же препятствия есть и у вас.

«Огонек»: — Китайские руководители четко видны на фоне современного китайского общества, как его вершины. Видны и руководители перестройки в нашей стране, советские руководители. Это разные, воспитанные и работающие в разных условиях люди, но, главное, — коммунисты, выделяющиеся в современности. Но зато противостоящие перестройке, пытающиеся ее блокировать — очень похожи. Можно, наверное, сказать, что наши мудрецы различаются, но зато китайский лодырь или китайский дурак — родные братья наших дурака и лентяя. Поэтому хочется, чтобы обратили большую силу и стремились к солидарности прежде всего умные люди, люди ответственные, честно выполняющие свой долг перед временем, народом, страной. От этого и общее дело коммунизма и конкретное дело каждого из наших народов только выиграют.

Тянь Цзиюнь: — От сплочения и решимости руководителей, авангарда перестройки зависит многое. Искренне желаю успеха перестройке в Советском Союзе. Давайте помогать друг другу и поощрять друг друга.

«Огонек»: — Спасибо Вам за беседу.

- **ЕСТЬ В РОССИИ ДЕРЕВНЯ МЕЛЬНИЦЫ...**
- **ПОЧИН — ИСТОЧНИК НЕПРИЯТНОСТЕЙ?**
- **БЕГ ТРУСЦОЙ В ПРОТИВОГАЗЕ**
- **ХОРОШИЙ ХЛЕБ НИКТО НЕ ВЫБРОСИТ**
- **ЧИТАТЕЛЬ — ЖУРНАЛ — ЧИТАТЕЛЬ**

Как и многие, я думаю о своем личном вкладе в перестройку. Работаю сверловщицей печатных плат 12 лет на одном участке. Решила взять на обслуживание два станка с ЧПУ и выполнить задание двух лет к 70-летию Октября. Все рассчитала, даже отпуск хотела перенести с лета на зиму.

Целый месяц администрация не отвечала на мое предложение, ждали начальника цеха В. Глазнова. Приехал он, и вопрос мой решили... отрицательно. Я в дирекцию завода «Тензор». Собрали бригаду. Мастер К. Голубев и бригадир Л. Кирюшина были категорически против почина. Аргументы приводили нелепые: пусть, мол, заводу выгодно, а участку-то нет, и зарабатывать я буду много, условия создавать надо. И все-таки повышенные обязательства, хотя и в измененном виде, мне разрешили взять: вместо двух станков с ЧПУ — один с ЧПУ и один с ножным (педальным) управлением.

Начала работать. В первый месяц на станке с ЧПУ дали работать шесть дней, во второй — три. Я в партком, профком. Стали возникать неприятности: некоторые наряды, закрытые ОТК, «исчезали», расценки занижались, коэффициент трудового участия тоже. Получалось, что и работать я не умею.

Но несмотря на это, я ежемесячно выполняла план на 120—130 процентов. А с 1 июля Голубев снял меня со станка с ЧПУ, объяснив это тем, что оставляю я его без присмотра. Это несправедливо: все не выключают станок (специфика работы позволяет), когда идут менять сверла, за чертежами и т. д.

Сегодня пришла со смены, устала, на душе тяжело. Видимо, и правда, инициатива наказуема. Хотела работать во всю силу, и вот что получилось. В чем же я не права?

Г. КОРОВИНА
Дубна Московской области

Разрешите представиться: я Синди Сиборг, преподаю русский язык в школах штата Аризона. Рассказываю о вашей культуре, истории, быте. Наша программа по изучению русского языка быстро растет. Мы с моим женихом (я лучше знаю русский, он еще занимается) работали с группой украинских музыкантов, которые приехали в наш город. Американцы наконец-то начинают смотреть на советский народ не как на врага, а как на людей, очень похожих на нас. Пишу потому, что только сотрудничество поможет нам лучше узнать друг друга.

Синди СИБОРГ
Таксон, штат Аризона, США

Взволновало меня письмо жителей деревеньки Мельницы в журнале № 29. Весной этого года я был в тех местах, чтобы вспомнить и без того незабываемый март — апрель 1944-го, когда семнадцатилетним автоматчиком 108-го погранполка освобождал Мельницы, Середки, Елизарово.

Это мои родные места, отсюда я писал письма родителям в освобожденный от блокады Ленинград. Знаю, что привезенная партизанским обозом сушеная картошка в голодающий город была выращена именно здесь, на Псковщине.

Беседовал с жителями и так и не понял, кому нужна центральная усадьба в селе Середки. Там и строится негде. Уверен, что SOS дойдет до областных кабинетов. Деревня Мельницы должна жить. Этого требует и память солдат, лежащих в братских могилах у этих деревень.

А. ЯКОВЛЕВ,
полковник в отставке
Киев

Считаю своим долгом принять участие в обсуждении Основных направлений развития нашего здравоохранения. Мое внимание привлекли слова о взносах трудовых коллективов и граждан, поступающих в Советский фонд здоровья. А кто знает о том, что этот фонд существует?

Вношу такое предложение: возродить незаслуженно забытую систему пожертвований. Сделать доступными расчетные счета всех больниц и поликлиник, чтобы каждый спасенный врачами человек имел возможность, если захочет, внести на эти счета толику денег: сколько сможет! Они пойдут на оборудование, белье, продукты для столовой. Можно будет и ставки повысить для нянечек и сестер... Вы видели, как работают медсестры? В больнице, откуда я недавно вышла, они по коридорам нормальным шагом не ходили — они бегали.

И днем, и ночью. Кому обезболивающий укол, кому температуру померить или давление, кого — после операции — с ложечки покормить... А ставка — 80 рублей!

Честное слово, я бы с превеликой радостью перевела деньги ленинградской больнице № 26, что на улице Костюшко, дом 2, а конкретнее, на счет урологического отделения, где меня возвращали к жизни в течение 18 дней (воображаю, в какую копеечку это обошлось...). И я уверена, что под этими словами подписался бы всякий, кто там лечился.

Лично у меня зарплата 140 рублей — лишних нет, но я внесла бы деньги с удовольствием.

М. СЕМЕНОВА,
младший научный сотрудник, 28 лет
Ленинград

Ничего не стирает время

Надежда Петровна Федченко принесла в редакцию письмо сама. На другой же день, как прочитала № 32 «Огонька».

— Больно задела меня строки Я. Гамаюна у вас, в подборке писем. Особенно эти: «... в период коллективизации большинство крестьян пострадало от репрессий. Но время стерло все... Так зачем же травить сердца»... Нет, ничего не стирает время. И сейчас остро и близко и, видно, никогда не отболит. А почему отболит оно, если в одной моей родне столько безвинно загубленных жизней... Одна вот эта фотография и осталась. — Надежда Петровна протянула фотографию и письмо. Письмо, которое она писала как ответ Я. Гамаюну.

Родилась я в большой семье, девять детей нас было. Назову по старшинству: Мария, Алексей, Николай, Иван, я — Надежда, Дмитрий, Захар, Екатерина, Татьяна. Отец с матерью да еще трое стариков (им далеко за семьдесят) на их иждивении: бабушка — мать отца и бездетный его дядя с женой. Итого семья в четырнадцать душ. Жили мы в селе Воронцовка Степанаванского района в Армении, ныне село Калинино. Испокон веков деды и прадеды наши были крестьянами, а мы крестьянские дети и внуки. Держали корову и лошадь, работали в поте лица.

Стоял холодный февраль 1929-го, мне десять лет. Отец поехал в Тифлис (в 123 километрах от нашего села) продать или променять картошку на крупу. Дома одни. Помню, вдруг крики: одежонку мать просит оставить, хлеба. Плачет, младшую, Татьяну, ей еще и месяца не было, спустила на пол, а сама пытается отобрать, что удастся. Вот так нас в 24 часа раскулачили. Посадили на чужую подводу и повезли в Тифлис. Каким-то образом отца мы разыскали. Деть нас некуда, кормить нечем. Только к осени обосновались в небольшой конюшне над Курой, спасибо добрым людям.

Надо было идти в школу. Тогда-то отец и написал М. И. Калинину заявление, перечислил, что имел, и просил ответить, правильно или нет его раскулачили. Пришел ответ с резолюцией Калинина: «Как неправильно раскулаченному, все движимое и недвижимое имущество вернуть гр. Болотину Петру Дмитриевичу. Копия ЦК партии Армении, г. Эривань». С этой резолюцией отец поехал в Ереван. Потом только и успел рассказать, как на него кричали: ах, ты, мол, осмелился еще и жаловаться, радуйся, что жив остался. Но мой отец считал себя правым, настаивал на справедливости, вытребовал корову, правда, чужую. О доме веле-но было забыть. Корову там же продал на мясо,

есть нечего было. А к вечеру пришли двое милиционеров и его забрали. Осудили на пять лет исправительных работ в ереванской тюрьме. Первого июля 1932 года мы получили телеграмму, что П. Д. Болотин скончался трагической смертью.

Мать боялась, что его не дадут похоронить, поэтому взяла нас всех с собой, чтобы мы могли с отцом проститься. Начальник тюрьмы, увидев нас, сам ходатайствовал о перевозе гроба в Тбилиси. Было страшно и от горя, и от людской ласки: соседи дали хлеба, приодели. Фотограф позвали. Вот и осталась одна-единственная фотография, где мы все вместе с отцом.

Как дальше жили, лучше не вспоминать. Умерла старшая сестра, оставив трехлетнюю дочку. Умер отцов дядя-старик, он хоть советом мать поддерживал. В 1937 году арестовывают старшего брата матери, Павла Ивановича, он нам помогал. Его реабилитировали в 1957-м посмертно. Арестовывают и мамину сестру, Анастасию Ивановну. Сослали ее на Соловки полить лес на десять лет. Чудом выжила, вернулась в 47-м. Она, вернувшись, рассказывала, как заставляли ее подписать протокол, что двое неизвестных ей людей — враги народа. Она не подписала, ее бросили в каменный мешок, где нельзя было сидеть. Через семь дней открыли дверь, она упала, отекшая, полумертвая, кровь шла из носа, рта, ушей. Реабилитировали ее только в 1957 году со словами: «По тому делу вы единственная женщина, не подписавшая протокол допроса».

...Пришла война. У наших ворот встал Гитлер. Пятеро из нас ушли на фронт. Брат Николай — на второй день войны, хотя у него была броня. В Керчи попал в плен и домой пришел стариком, пройдя лагеря. Брат Иван — участник Сталинградской битвы, ранен, вернулся по демобилизации. Дмитрий погиб после взятия Варшавы, в 1945-м. Захар ушел на фронт после девятого класса. Я тоже всю войну на фронте, в железнодорожных войсках. Дети получили высшее образование, родили мне пятерых внуков. Как видите, я счастливая мать и бабушка, жаловаться мне не на что...

Да, уважаемый товарищ Гамаюн, во время войны мы ни на кого не обижались, а просто, не жалея жизни, защищали свою родную землю, своих детей. Я свято храню память о погибшем на фронте брате. Но я также всегда помню и буду помнить отца и родных, пострадавших безвинно.

Не надо кивать на врагов за рубежом, у нашей гласности находятся враги и дома.

В конце статьи «Человек и экономика» («Огонек» № 30) есть слова академика АМН СССР Л. П. Казначеева о нашем Кузбассе. По этому поводу хочу сказать, что живется-то в Кузбассе, даже в областном центре, весьма и весьма неважно.

Мне 44 года, я родилась в Кемерове, окончила здесь художественное училище, преподаю в детской художественной школе. У меня дочь 17 лет. Чувствую себя виноватой перед ней, что вернулась в 1970 году в этот задымленный город, население которого больше полумиллиона.

Знаете, какая здесь загазованность?! Жить невозможно. На XXVII съезде наш секретарь обкома говорил об этом. Вот и новый секретарь (прежний умер) в интервью газете «Кузбасс» сказал: «Да, положение сложное, и в ближайшее время, и на долгое время изменений не предвидится».

На что после этого надеяться? А в начале учебного года берут за горло: пиши сообразительства. Ворочит от этой показухи. По радио передают: «Сегодня в городе сложная обстановка, предприятиям рекомендуем перейти на режим работы такой-то». Ноль внимания на эти рекомендации, как выпускали газ, так и выпускают... И ни о каком оздоровлении в нашем городе не может быть речи. Я имею в виду физкультуру. Бегай трусцой, не бегай, а воздух чище не будет, если газ выходит.

Н. МАЛЫХИНА
Кемерово

Много разговоров об экономном расходовании хлеба, а хлеб все равно выбрасывается.

Представьте себе: человек пришел в столовую. Для взрослого два-три кусочка не так уж и много. Он столько и берет. Но когда хлебушек не жуется, тут уж дай бог хотя бы один кусок осилить.

Выбрасывается хлеб и дома. И по той же причине — некачественная выпечка. Призывают не покупать хлеба более дневной потребности. А как быть, если у человека нет хлебного магазина близко от дома? Ведь известно: хорошо выхоженный, выкисший, пропеченный хлеб не теряет своих вкусовых качеств и два, и три дня. Ну а если хлеб не прожевать? Вечер перебились, а завтра другой покупают.

В Орле под видом улучшения качества хлеба повысили на него цену. Какое-то время хлеб действительно выпекался качественный: корочки никто не выбрасывал. Но прошел месяц. Теперь хлеб продается по новой цене, но качество его стало хуже. И опять в ведрах для пищевых отходов, что расставлены по лестничным клеткам, стали появляться не только куски, но и целые буханки.

Так что агитировать за бережное расходование хлеба надо не призывами, а качеством его изготовления.

А. УСТИНСКИХ
Орел

Ну и ну! Открываю «Огонек» № 32, смотрю рубрику «Читатель — журнал — читатель». И что же? Вижу фото и заметку о многодетной семье Житниковых, которой дали микроавтобус. Слов нет, дело хорошее. Но об этом я уже читала в «Неделе» № 31, если не ошибаюсь, и еще в какой-то газете. Видно, вся пресса испытывает недостаток в такой вот положительной информации, раз одну и ту же заметку напечатали.

И. НЕЧАЙ
Химки
Московской области

ОТ РЕДАКЦИИ. Прежде всего приносим извинения нашим читателям. Информация В. Богатова с фотографией В. Эмерика прислана из газеты «Советский Армавир» на наборном бланке. У нас не было оснований не доверять своим коллегам-журналистам, которые, мы в этом не сомневаемся, должны знать, что посылать корреспонденцию следует только в одно издание. Доверие — это основной принцип, по которому мы работаем. Кстати, в редакционной почте есть еще один снимок В. Эмерика, который нам нравится, но теперь мы засомневались: а не обойдет ли и он все газеты и журналы!

Письмо из осажденного Ленинграда

Дорогая редакция! Так случилось, что совсем недавно я обнаружил собственное письмо, посланное мной из блокадного Ленинграда в 1942 году брату Эмилю — одному из зачинателей советской эстрады — в Ташкент, где его застала война во время гастрольной поездки. Оно возвратило меня на 45 лет назад, ко времени героических и тяжелых испытаний. Лицу себя надеждой, что старые читатели «Огонька» помнят Владимира Коралли. Тогда я был художественным руководителем Ленинградского фронтового джаз-ансамбля, в котором еще в предвоенные годы начала свой творческий путь знаменитая Клавдия Шульженко. «Синий платочек» родился здесь...

«Здравствуй, дорогой Эмиль! О многом можно писать и есть о чем писать, но все же будем ждать скорой встречи и вот тогда вдоволь обо всем наговоримся. 3 июня мы с нашим ансамблем благополучно вернулись в Ленинград после трехмесячной командировки по Ленфронту. Так и хочется каждого встречного обнять, крепко пожать руку — за героизм и мужество. Неповторимый народ! И сколько бы поганый фриц ни бомбил и ни обстреливал наш город, он все равно сгниет под Ленинградом, города ему не видать и не нюхать.

О нашей работе писать нет надобности, так как из статьи, которую посылаю, тебе ясно, как мы работаем. Одно могу сказать: никогда у нас еще не было такого творческого подъема, как в эти 12 месяцев на Ленинградском фронте. Все делаем, чтобы разгромить эту коричневую сволочь, и будем работать еще лучше. 12 июня я был принят в кандидаты ВКП(б).

Дорогой Эмиль, мы чувствуем себя хорошо. Наша маленькая семья уже достаточно обстреляна и закалена, чтобы вынести трудности фронтовой жизни. Моя неповторимая подружка Клавусенька, так зовут ее родные и близкие, — подлинный герой. Если бы ты только знал, как она мужественно и стойко все переносит. Гошка — какой молодец, орел! Только заниматься пока не может, думаю, наверстает при первой возможности. Говорил о тебе с командованием ЛДКА, все очень сложно, да и вообще, дорогой братец, думаю, что не нужно тебе сейчас приезжать. Не испытывающему ленинградской жизни будет тяжело.

Будь здоров, дорогой Эмиль! Верю в нашу радостную встречу. Верю в радостный день Победы! Целую и обнимаю тебя крепко. Клавуся и Гогочка тебя также обнимают и целуют.

Твой Володя».

«ОГОНЕК» ОТВЕЧАЕТ

Послал вам письмо полтора месяца назад. Обсуждали мы на работе «Огонек» № 28. Вздуроразили А. Боровик — «Встретимся у трех журавлей», В. Набоков, мало мы его читали, спасибо. Особенно запомнилось выступление Ч. Айтматова, вот уж поистине «монолог о самых жгучих проблемах нынешнего дня» (так названа одна глава). Как всегда, перешли на обсуждение дел на своем предприятии. Никогда раньше не писал в редакцию, а тут пришел с работы и... на четырех страницах. Выждал положенное время, как мальчишка, в ящик заглядываю, а от вас ни слова.

Что же, дорогая редакция, просите писать, обсуждать, принимать участие в разговоре, а сами? Стало быть, у вас только все на словах, видимость создаете, что мнение читательское интересно?

А. КУЗНЕЦОВ, инженер
Новосибирск

Уважаемый Александр Васильевич! Ваш упрек справедлив. Но в то же время приятно узнавать, что наши материалы продолжают встречать растущий интерес, находить сердечный отклик. Об этом свидетельствуют и такие цифры: год назад за первое полугодие редакция получила 6445 писем, а сегодня за этот же период их 18 200. Кроме того, хотелось бы напомнить, что со многими письмами требуется долгая, а подчас кропотливая работа: мы обращаемся в министерства и ведомства, институты, библиотеки. Откровенно говоря, мы не готовились к такому росту почты, оттого и задержки наши с ответами, за что приносим извинения.

Спешим заверить, что явление это, безусловно, временное. Пишите нам, дорогие друзья! Ваши мнения, предложения, критические замечания (ведь далеко не каждое письмо начинается лестными словами: «Читаю «Огонек» от корки до корки») очень помогают нам. Да и сами письма,

К. И. Шульженко и В. Ф. Коралли с сыном Игорем.
Ленинград, зима 1941 года.

Пятьсот концертов только за первый год войны было дано в частях действующей армии Ленинградского и Волховского фронтов при участии Шульженко. Для певицы подобная нагрузка немаловажна, но Клавдия Ивановна была неутомима. Я ни разу не слышал от нее жалоб, даже когда мы выступали на ледовой Ладожской трассе — «Дороге жизни», как ее с надеждой называли ленинградцы. Можно только удивляться, откуда у этой нежной, тогда еще худенькой женщины брались силы для столь трудной работы.

Клавдия Ивановна носила военную форму, как и весь ансамбль. Но уже в начале войны комиссар Балтфлота сказал мне как руководителю ансамбля: «То, что весь оркестр в военной форме, нам понятно, а вот Клавдия Ивановна — хотелось бы видеть ее в платье». И всю войну выступала она в скромном костюме с белым воротником.

В. КОРАЛЛИ,
заслуженный работник культуры РСФСР
Москва

как вы должны заметить, получили теперь постоянную прописку на наших полосах.

Всегда хочется знать, кто вы, наш читатель. И поэтому, обращаясь в редакцию, не забывайте, пожалуйста, сказать о своей профессии, возрасте, написать адрес, фамилию, имя (на анонимные письма «Огонек» не отвечает). Это облегчит нам работу, освободит от дополнительных телефонных звонков, да и почта быстрее справится со своими обязанностями.

Уважая вас, дорогие читатели, мы вправе требовать уважения к сотрудникам редакции. Со всем не обязательно печатать письма на машинке, но писать разборчиво и аккуратно (и не красными или зелеными чернилами) мы вас убедительно просим. Вместе с тем, напоминаем, что рукописи объемом больше двух авторских листов (48 страниц машинописного текста) редакция не рассматривает.

Идет подписка. Получены первые добрые письма от наших новых друзей, которых мы горячо приветствуем, и, как ни странно, рядом с ними ложатся первые жалобы от тех, кто не успел (!) подписаться. Только что раздался звонок из Воронежа: «У нас в отделении связи № 18 подписку на журнал не принимают. Говорят, что она лимитирована. Чье это указание?» Повторяем еще раз ранее сказанное: подписка на «Огонек» принимается во всех отделениях связи без ограничений. Это нам подтвердили в Министерстве связи СССР, куда мы обратились после таких вот сообщений. Как видите, подобные «указания» рождаются не в Москве.

Как бы ни складывались наши с вами отношения, дорогие читатели, «Огонек» всегда ждет ваших откликов, ибо без них работа редакционного коллектива бессмысленна: наши корреспонденты пишут для вас, и прежде всего именно вы даете темы для командировок и выступлений. Ждем ваших писем!

Отдел писем и массовой работы

ПИСЬМО ПРОФЕССОРУ С. Н. ФЕДОРОВУ

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Святослав Николаевич,
Вы у нас — бог,
Во всем, что касается глаз.
Я прошу извинить,
что дыханием строк
от больных
отрываю Вас...
Чтоб из сердца
исчезла, ушла маета,
растолкуйте,
глазной чародей,
отчего эта
массовая слепота
настигает
зрячих людей?
И хотя болезнью
ее не зовут,
получается странный круг:
люди слепнут вдруг.

И слепыми живут.
А потом прозревают.
Вдруг...
Если это закон,
то он глуп и нелеп!
Я под ним
свой хлеб добывал
И три раза
вместе со всеми слеп,
И три раза
вновь прозревал.
Три эпохи.
Три гордости.
Три стыда.
Боли три.
И радости три.
Это все перемешано в нас
навсегда —
страхи,

лозунги,
поводыри.
И того, что мы знали,
малая часть.
И следы
от высоких слез.
Святослав Николаевич,
мы сейчас
верим в то,
что прозрели всерьез.
Будем жить,
продолжая единственный
путь,
от забот и проблем
осмелев...
Может, есть у Вас средство
какое-нибудь,
Чтобы люди не слепли,
прозрев?

ЧУДЕН МИР ПРИ ТИХОЙ ПОГОДЕ

Продолжение. Начало на 2-й обл.

например, политики, сетуя на трудности, любят повторять: «Все жалуется на погоду, но никто не в силах ее изменить».

Уверен, политический климат планеты изменить можно, он будет теплее, если будет больше таких вот непринужденных встреч, во время которых люди учатся лучше понимать друг друга, из первых рук узнают правду о жизни соседей.

Невольно вспомнился афоризм Твена: «Правда — величайшая драгоценность, нужно ее экономить». Если бы в мире столь же старательно экономили на оружии...

Но времена, к счастью, меняются, свидетельством чему стала и встреча на берегах Днепра посланцев 21 страны. Ее главное событие — семинар, посвященный предстоящему 70-летию ленинского Декрета о мире.

— Советский народ, а вместе с ним все прогрессивное человечество скоро будут отмечать 70-летие Великого Октября, — сказал, открывая семинар, заместитель председателя Украинского республиканского комитета защиты мира, поэт, лауреат Государственной премии СССР Б. Олейник. — Символично, что одним из первых актов новорожденной власти был ленинский Декрет о мире. Мы с гордостью отмечаем, что не отступили от него ни на шаг ни в годы военных лихолетий, ни в послевоенном голоде и холоде, ни в нынешних буднях грандиозной перестройки. Советский народ до боли, до сквозных ран знает цену миру, потеряв в минувшей войне миллионы жизней. Вот почему мы так искренни и непреклонны в своем стремлении к миру.

Берега Днепра — живая история бед и радостей нашей страны, и история эта явилась откровением для многих, особенно молодых участников круиза.

Ну а будущее смотрело на нас любопытными глазами мальчишек и девчонок, даривших нам пионерские галстуки, тревожило вопросами, не укладывавшимися в рамки заранее намеченных для обсуждения тем. «Перестройка: элементы и перспективы», «Мир и разоружение», «Экология и мир», «Церковь и движение за мир» — это контуры лишь одного рабочего дня различных секций семинара. Однако уверен: плыви мы месяц — не хватило бы и его, чтобы обсудить все наболевшее. Каждый вечер по инициативе различных делегаций предлагались темы новых дискуссий, и все они, по сути, отвечали на единственный, но главный вопрос: «Кто мы?».

Так, кстати, была названа одна из самых первых встреч, на которой о своей жизни рассказывали ветеран-антифашист из Голландии, английская домохозяйка, детский врач из Симферополя, шахтер из Эстонии...

Рассказ Героя Социалистического Труда Энделя Паапа слушали с особым вниманием, потому что среди присутствующих он был единственным, чья судьба пролегла по дорогам двух миров. Выходец из многодетной крестьянской семьи, он с семи лет начал зарабатывать себе на хлеб пастушеством в чужих хозяйствах, испытал все горести подневольной работы в буржуазной Эстонии.

Выучился, получил образование уже при Советской власти, карьеру свою начал в Кохтла-Ярве, где за 27 лет прошел путь от рядового шахтера до члена советского парламента.

— Мне довелось побывать в разных странах, встречаться с разными людьми, — сказал Паап. — Убедился: все хотят жить лучше, и никто не хочет терять близких, проливать кровь. Но чтобы отвести общую беду, нужны общие усилия. Потому что, с каких бы точек зрения мы ни смотрели на мир, он на всех один.

И бороться за него можно по-разному... Любопытное письмо передала старшему референту Украинского республиканского комитета защиты мира Георгию Конкину представительница Межцерковного совета мира Голландии Генриетта Дорн. Письмо из Роттердама от Яна Ван Керквика и его жены Кори. Пожилая чета — активисты совета, в июне они принимали Георгия у себя дома, сдружились так, что иначе, как «наш дорогой сын», и не называют. Когда зашла речь о размещении в Голландии евrorакет, супруги Керквик вместе с другими активистами движения за мир избрали своеобразную форму протеста — решили не платить соответствующий налог. Ян Ван Керквик не платит 572 гульдена — по числу ракет в Европе, справедливо полагая, что деньги, потраченные на войну, — это деньги, выброшенные зря. Но власти придерживаются на сей счет иной точки зрения. И потому бывший менеджер на старости лет угодил под суд.

«Недавно состоялось второе слушание в суде по поводу моего отказа платить налог в фонд ядерной обороны, — пишет он Георгию. — Приговор объявят в сентябре. Если присудят каторжные работы в Сибири, мы постараемся поехать туда через Киев, чтобы повидать тебя».

Ярких, необычных людей на борту «Генерала Ватутина» собралось немало, и право же, отдельного рассказа заслуживает история прозрения норвежца Эйнара Эдвардсена, порвавшего с карьерой натовского офицера, для того чтобы посвятить себя служению делу мира, и в чем-то схо-

жая — генерала в отставке Р. Капелоса из Греции, представляющего международную организацию «Генералы за мир»; да, собственно, открытием становился почти каждый разговор, открытием непривычных характеров, взглядов, путей, которыми разные люди шли к общему пониманию невозможности жить дальше так, как жили до сих пор.

«Базы вон!», «Встречи за мир», «Призыв ста», «Наш город против ядерного оружия», «Музыканты за мир» — за каждым из десятков названий не просто разные организации, страны, но и свои представления о будущем планеты. И, что скрывать, существовало поначалу опасение, что не так просто будет всем нам найти общий язык. Но хоть и остры были порой клинки дискуссий, обошлось без моральных ран — универсальным оказался язык здравого смысла, не последнюю роль сыграла и атмосфера общей доброжелательности, взаимной симпатии, установившаяся на борту теплохода буквально с первых часов совместного путешествия.

Чуден был Днепр при тихой погоде, неизменно сопутствовавшей нам, искренни люди, встречавшие нас в Каневе, Черкасках, Запорожье, Херсоне, Новой Каховке. Мягко пела по вечерам индейская «флейта любви» американца Ларри Лонга, проникновенно читал Лорку, свои стихи ирландец Грег Деланти, Сильван Бюферн устроил вернисаж антивоенных полотен, рисунков молодых французских художников, поистине неисчерпаем был интернациональный репертуар вокально-инструментального ансамбля студентов Киевского института иностранных языков.

Чуть огорченным выглядел напоследок разве что Уильям Маклинн, которого неотложные дела досрочно отозвали в Москву. «Хотелось еще раз навестить Черное море, — объяснил он. — Как-никак юбилей, Марк Твен был здесь ровно 120 лет назад».

Более того, именно в августе 1867 года Марк Твен вместе с группой американских путешественников на пароходе «Квакер-сити» посетил разрушенный Севастополь. Оттуда они направились в Ялту, где их ожидал прием у российского императора. Ему было адресовано послание, в котором, в частности, говорилось:

«Америка многим обязана России, она состоит должником России во многих отношениях, и в особенности за неизменную дружбу в годину ее испытаний. С упованием молим бога, чтобы эта дружба продолжалась и на будущие времена... Только безумный может предположить, что Америка когда-либо нарушит верность этой дружбе предумышленно несправедливым словом или поступком».

Увы...

И все-таки мы живем с надеждой на потепление наших отношений, на то, что сейчас, «в годину испытаний» для всего человечества, голос разума простых американцев, испытывающих интерес к нашей стране, окажется громче враждебного шума власти предрержащих.

Говард Фрейзиер, исполнительный директор организации «За обеспечение прочного мира» и организатор всех традиционных уже поездок американцев по Волге и прошлогодней поездки советских граждан по Миссисипи, сказал:

— Очень хотелось бы договориться о таком же плавании американцев по Днепру. А если возможно, то и по другим, например, вашим великим сибирским рекам. От желающих нет отбоя, пришлось даже составить специальный список ожидания.

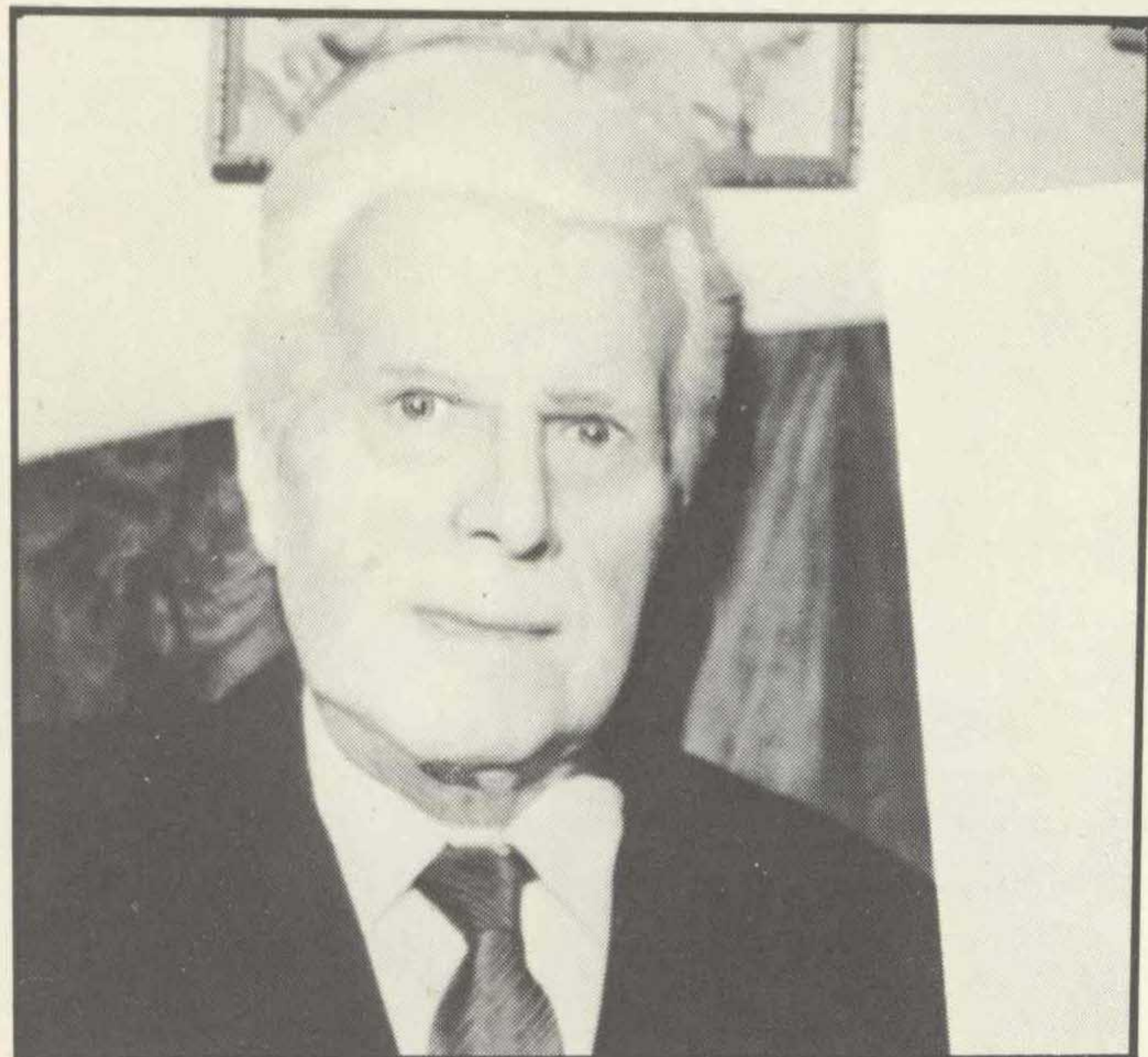
Что ж, добрым гостям мы всегда рады. Нам необходимо чаще смотреть друг другу в глаза.

Наша борьба за мир — это борьба за жизнь. Мы получили планету в наследство от наших родителей, и мы должны передать ее нашим детям в целостности и сохранности.

● Так нас встречали.

...И КАКОЙ НЕЖНЫЙ, КРАСИВЫЙ ХУДОЖНИК

В авиации тридцатых годов особое место занимают имена участников легендарного перелета из Москвы через Северный полюс в Америку: Чкалов—Байдуков—Беляков и Грозов — Юмашев — Данилин. Недавно отмечалось 50-летие перелета. Но каждый из участников перелета оставил заметный след не только в авиации. Мы хотим рассказать о Герое Советского Союза Андрее Борисовиче Юмашеве как о художнике. В этом году ему исполнилось 85 лет.

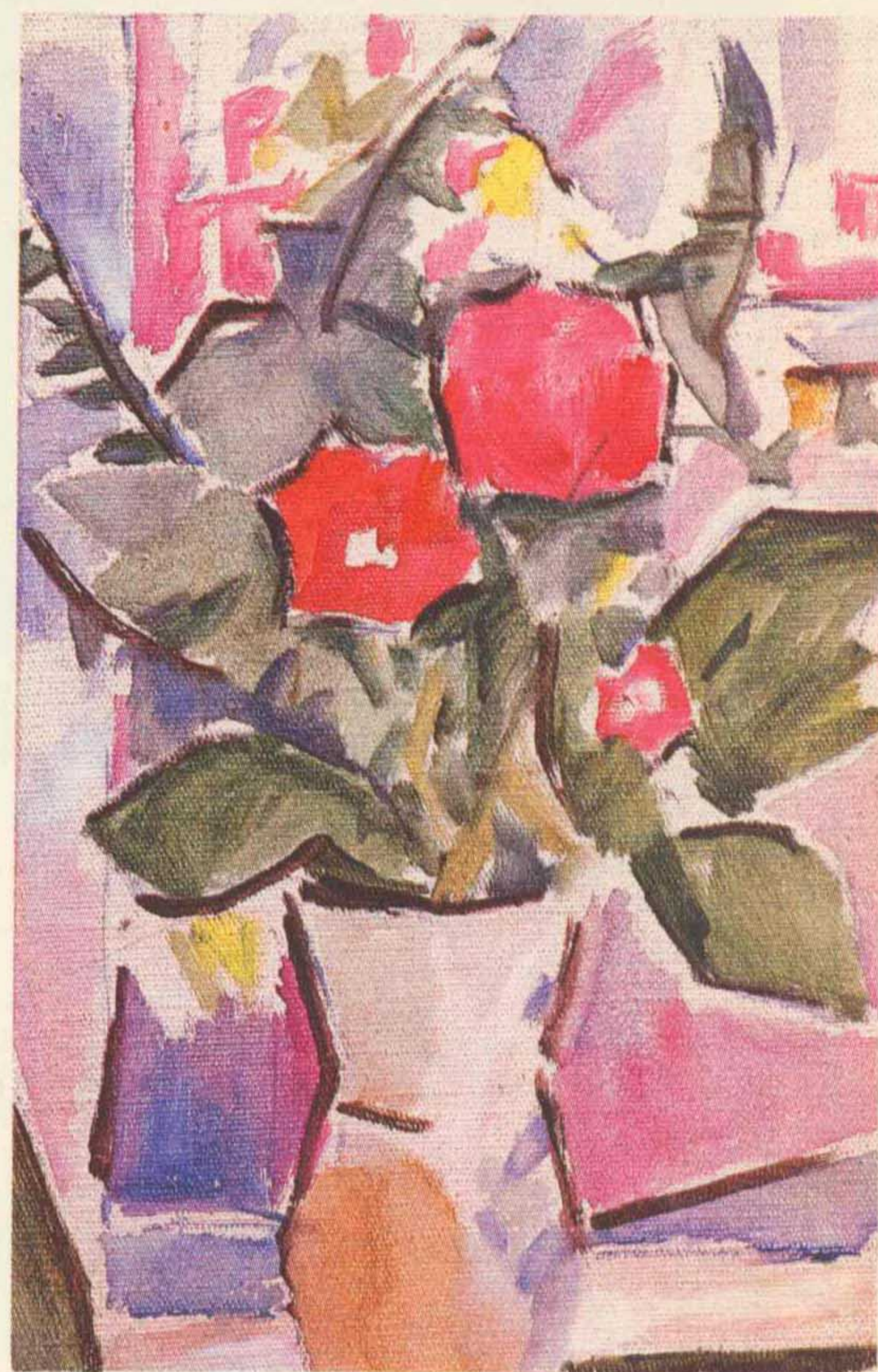
Светлая улыбка, открытое лицо хозяина дома. На стенах много картин, комнаты освещены светильниками, сконструированными и собранными руками хозяина. На рабочем столе в кабинете модель длиннокрылого самолета АНТ-25.

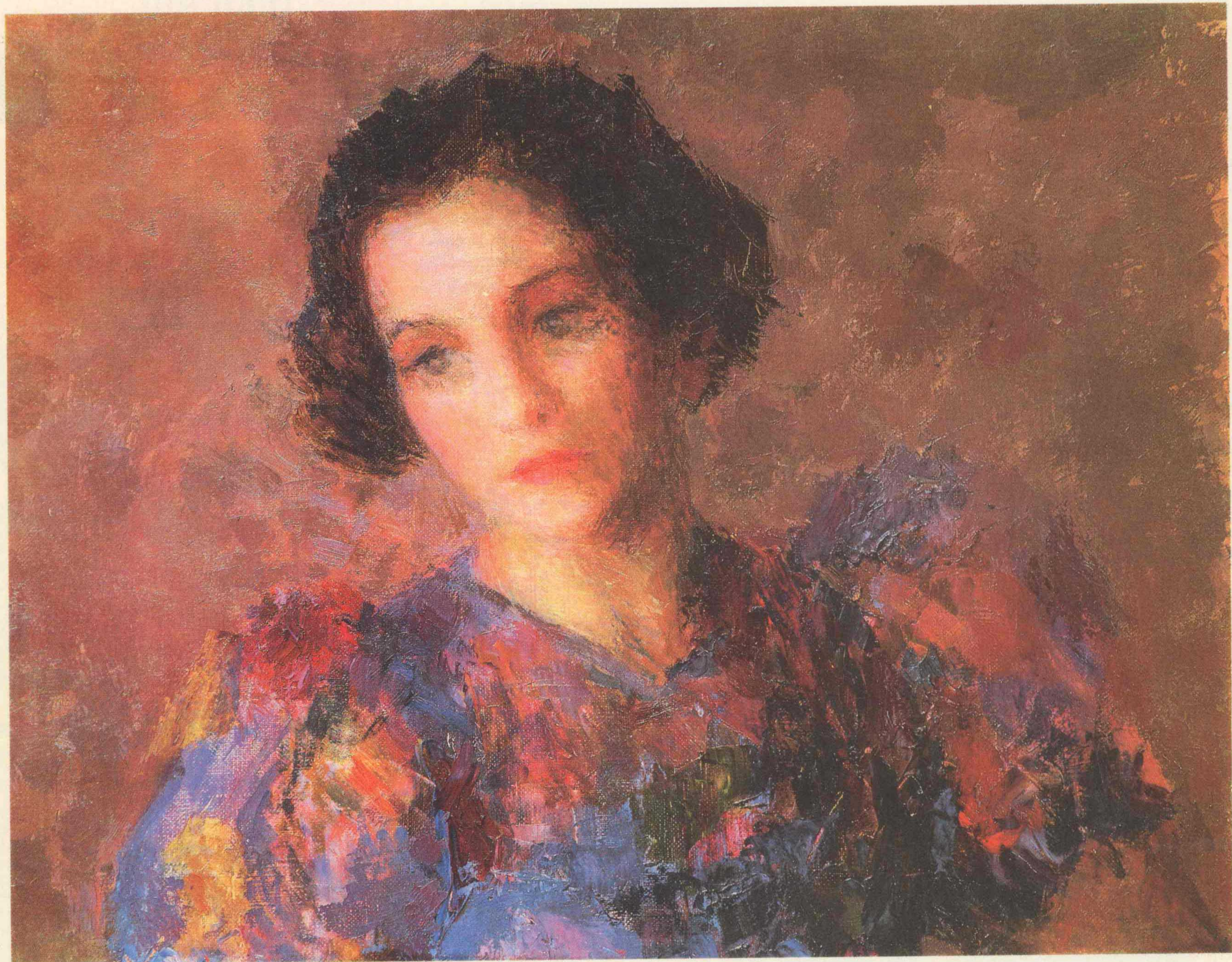
Юмашев-художник — открытие для многих читателей, а для самого Андрея Борисовича это было изначальной целью жизни.

Он родился в 1902 году в Петербурге, рано увлекся искусством. Школьником посещает курсы Общества поощрения художеств, где его быстро переводят из начальных классов в класс живой природы. Он мечтает стать художником-архитектором. Но жизнь складывается иначе. Революционные события в стране изменяют судьбу юноши. В шестнадцать лет, скрывая свой возраст, А. Б. Юмашев

А. Б. ЮМАШЕВ.
Род. 1902.
ЦВЕТЫ. 1966.

ВОРОШИЛОВСКИЙ ПАРК.
1955.

ПОРТРЕТ
О. ЛЕПЕШИНСКОЙ.
1938.

ОКНО. 1965.

вступает добровольцем в только что образованную Красную Армию. Он артиллерист на фронтах гражданской войны, затем курсант летного училища. Здесь начинается его путь в авиации...

Но прежнее увлечение не угасает, молодой человек не расстается с карандашом и блокнотом. Сохранились зарисовки 20-х годов — лица однополчан, сокурсников, орудия, самолеты. И в дальнейшем, занимается ли Юмашев испытанием самолетов, обучает ли летчиков, в свободное время он всегда и везде рисует. Мгновенные карандашные наброски запечатлели Ворошилова, конструктора Мяснищева, рождались портреты маслом летчиков Громова и Байдукова, художника Кончаловского, балерины Лепешинской...

После знаменитого перелета у Андрея Борисовича появляется возможность больше заниматься живописью. В 30-е годы летчик знакомится со многими известными советскими художниками, среди них Машков, Кончаловский, Ромадин, Фальк. Работа и общение с ними, поездки с Фальком в Крым и Среднюю Азию, где Андрей Борисович делает доклады о перелете и пишет Самарканд и Бухару, расширяют его художнический мир.

Война. Для Юмашева она началась на Финском фронте в тридцать девятом. А в сорок первом он командует

эскадрилей ПВО Москвы. Вступает в ряды Коммунистической партии. Он воевал подо Ржевом командиром истребительного полка, затем заместителем командующего армией под Великими Луками. В сорок третьем командовал на Курском направлении истребительным корпусом. Затем Юмашев назначается командующим авиации Восточного и Южного фронтов ПВО страны, участвует в освобождении Крыма...

Как-то, прилетев в Москву с фронта на считанные дни для пополнения своих летных частей, Юмашев навещает художника Кончаловского, который тут же пишет портрет Андрея Борисовича в летной форме (теперь он находится в Русском музее в Ленинграде). Но и Юмашев хочет писать. Художник дает ему холст и краски. И буквально в течение часа, одного только часа, рождается портрет Кончаловского, живой и выразительный. Художник запечатлен в пальто и берете (в мастерской не топлено), на лице приветливая, чуть грустная улыбка.

Вскоре после войны Андрей Борисович увольняется в запас по болезни. Расстаться с небом было бы куда трудней, если бы не увлечение живописью. В 1946 году он принят в Союз художников.

Теперь А. Б. Юмашев подолгу живет в Крыму. Все силы и время отдает живописи. С Крымом связывало многое. Во время войны он участвовал в операциях по освобождению его от фашистских захватчиков. А намного раньше, в 1925 году, стал призером планерных состязаний в Коктебеле на планере, который сам спроектировал и построил. Там же, в Крыму, завязывается дружба с Максимилианом Волошиным. И однажды, пролетая над домом Волошина, Андрей Борисович сбрасывает вымпел, приветствуя гостеприимного хозяина. У летчика сохранилось несколько акварелей и гуашей Волошина с сердечными дарственными надписями.

Юмашев пишет маслом, акварелью, гуашью. Его живопись становится импрессионистической, сдержанная колористическая гамма ранних работ сменяется ярким и гармоничным звучанием, в котором сочетаются энергичная насыщенность и тонкое изящество цвета.

Характерная черта работ Юмашева: он пишет на натуре односеансные вещи, ничего не исправляя и не добавляя в мастерской. Холсты его импульсивны, темпераментны, ему прекрасно удаются пейзажи, натюрморты... Вся жизнь авиатора была связана со сложной техникой, суровым воинским долгом. В живописи он ищет иную сторону бытия.

В командировках во многие столицы мира художник все свободное время посвящал музеям, и эти посещения были незабываемы. А дома ждали поездки в Ленинград, Киев, Владимир, Новгород, Псков — к памятникам русского искусства.

Выставки художника имели заслуженный успех. В книгах отзывов остались сотни теплых откликов:

«...Спасибо за новую встречу с Вами, разносторонне талантливым и добрым человеком, Художником в воздухе и на земле...»

«Наши крылья, наша слава, всемирная слава нашей прекрасной Родины, и какой нежный, красивый художник... Лакоичную запись оставил поэт Етушенко: «Да здравствует Юмашев! Герой, летчик, художник!»

Андрей Борисович удивительно цельный человек. Широкая эрудиция и целеустремленность, умение сосредоточиться и мгновенно принять единственно правильное решение, способность самоотверженно служить избранному делу, высокая требовательность к себе — эти качества Юмашева-летчика также присущи Юмашеву-художнику.

ДВА ЦУВОВА

ГДЕ ПОХОРОНЕНЫ КАЗЕННЫЕ НА КРОНЕРСКОМ ВАЛУ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ ДЕКАБРИСТЫ? ОБ ЭТОМ И О ПУШКИНСКИХ РИСУНКАХ МОГИЛЫ НА ОСТРОВЕ ГОЛОДАЙ РАСКАЗЫВАЛА СТАТЬЯ «СТРЕМЛЮСЬ ПРИВЫЧНОМУ МЕЧТОУ...» («ОГОНЕК» № 23, 1987 г.).

Андрей ЧЕРНОВ

«Безымянная могила на Невском взморье должна была казаться ему почти его собственной» — так писала Анна Ахматова о Пушкине. Так писала она о себе, ведь именно сюда, на Голодаю, на могилу мужа не раз приходила она. Так что ахматовская пушкинистика дань личной беде, а не кабинетным штудиям.

В начале июня, стоя в тесной толпе у немого собора Святогорского монастыря, я понял, что возвращаться в Москву вновь буду через Голодаю. Поэтому уже в Пскове, простившись с коллегами, с железнодорожного вокзала перешел на автодорожный и попал на последний ленинградский автобус. Тот, что проходит мимо Батова (здесь родился Кондратий Рылеев), без остановки проскакивает почтовую станцию Выра, давшую имя пушкинскому смотрителю С. Вырину. И дальше — по тому же тракту навстречу незримой жандармской тройке с телом Первого Поэта. Что ж, в нашей истории все «узор Мнемозины». Вот только всегда ли мы умеем его читать?..

Понимая, что за полтора века до неизвестности изменилась береговая линия Голодая, я уже дважды прошел ее в этом году. И в начале весны, когда плакала, оттаивая, массивная мраморная плита в воротах Смоленского кладбища: «Здесь была похоронена няня А. С. Пушкина Арина Родионовна...» И когда снег уже сошел, но по льду небольшой бухточки (все, что осталось после земляных работ от пролива, некогда разделявшего острова Вольный и Голодаю) я попал на территорию плавшколы, где пожилая ленинградка, здешняя сторожиха, указала мне в сторону реки: «Видишь две льдины? Там коса. Черпают, черпают, а она все равно намывает».

Нет, ничего похожего на пушкинские рисунки тут, на вполне освоенных задворках города — портовые краны, гаражи, промышленные бараки и пр. — отыскать я не рассчитывал. Надеяться — втайне! — мог.

Правда, теперь я ехал как раз ради расчетов. На плане 1738 года отчетливо видны и коса, и ров перед ней. Казалось, это точно соответствует пушкинскому путеводителю к декабристской могиле. То есть той самой странице, вписанной поэтом в начало повести Титова «Уединенный домик на Васильевском»:

«По мере приближения к этой оконечности каменные здания, редкая, уступают место деревянным хижинам; между сими хижинами проглядывают пустыри; наконец строение вовсе исчезает, и вы идете мимо ряда просторных огородов, который по левую сторону замыкается рощами; он приводит вас к последней возвышенности, украшенной одним или двумя сиротливыми домами и несколькими деревьями; ров, заросший высокою крапивой и репейником, отделяет возвышенность от вала...»

Значит, можно установить, где были ров и вал? У меня получалось, что в метрах трехстах от места, где сейчас стоит памятник декабристам.

В Ленинграде разыскиваю заведующего отделом музея истории города Александра Давидовича Марголис. Оказывается, лет десять назад мы встречались: я тогда приезжал в музей с семейными декабристскими реликвиями, и мы говорили о том, как нужен Питеру музей декабристов.

Теперь такой музей открывается. В Аптекарском переулке.

...«Огонек» с моей статьей о пушкинских рисунках у Александра Давидовича на столе. На полях два знака вопроса — две неточности: ахматовская (стих «И я бы мог...») не на черновиках «Полтавы»! и моя собственная ошибка по поводу преобладания в Ленинграде северных ветров (поспешил, не проверил устную информацию. Урок).

Показываю кальки с планов Петербурга. И постпетровский, где коса и ров, и поздние, где ров даже несколько...

— А косы-то не было.

— То есть как?

Марголис раскрывает атлас. Действительно, не коса — цепь островков. Значит, и Пушкин ошибался? Ведь у него же черным по белому в «устном путеводителе»: северная сторона Васильевского «вдаётся длинною косою в сонные ряды залива. По мере приближения к этой оконечности...».

Пушкин не ошибся. Это стало ясно на следующий день.

В этот день мне повезет так, что не то что рассчитывать, даже надеяться на подобную удачу исследователь не может.

Мое везение хранилось в недрах папки (или коробки?) с планом Санкт-Петербурга, изданным в год 1828-й генерал-лейтенантом Федором Фе-

доровичем Шубертом. Генерал с музыкальной фамилией создал уникальную симфонию от картографии: от композиторского его труд принципиально отличается лишь тем, что Шуберт не в пример своим предшественникам-картографам ничего от себя не сочинил. Впрочем, труд был коллективным.

План снимался с 1822 по 1827 год. Голодаю — окраина города. Значит, местность зафиксирована, какой ее увидел автор «Ариона».

В свое время план Шуберта наделал изрядного шума, ведь он отличается от ранних, как леонардовский рисунок от детского. И чтобы разложить рядом двадцать четыре его отдельные таблицы, нужна просторная зала. Вот почему не видел я коробки или папки с планом: Голодаю — это две таблицы Шуберта. Их-то мне и принесли из западных стран.

Масштаб плана 50 саженей в дюйме — в одном сантиметре около сорока метров. Прошу еще третью таблицу, чтобы мысленно проделать весь пятикилометровый путь от стен Петропавловки, где я сейчас нахожусь и откуда ночью 14 июля 1826 года Княжнин повез страшную поклажу.

Телега миновала Тучков мост. Теперь по Малому проспекту Васильевского острова, потом по девятой линии через Смоленку. Еще в начале нашего века ее звали Черной речкой. Другая Черная — не пушкинская, их, декабристская.

Телега едет против часовой стрелки, как это и описано в «Уединенном домике...». До Малой Невы метров 150—200. Но другой дороги тут нет и для пешехода. Справа «Винный городок» — винная таможня. Потом дорога ныряет в узкую щель между канатной фабрикой и рвом «Бывшего сельдяного буяна» (сельдяная таможня и склады). И сразу же, как и в словесном путеводителе, по левую сторону начинаются огороды. Они замыкаются рощами Смоленского кладбища. Развилка. Прямо — к усадьбе, к «мызе Гоноропуло». (Кто он, сей грек, не знает даже всеведущая картотека Модзалевского!) Но везти тела казненных в барское имение не резон. Тем более что основная дорога, украшенная рядом деревьев — они цепочкой на плане, — берет северней.

Но вот деревья — уже аллеей — поворачивают к берегу. И все, как в «путеводителе» из «Северных цветов»: ров между последней возвышенностью и размытые наводнениями очертания вала. Перепутать невозможно. Две выточки друг против друга и ров, разделяющий их. Не только на северной стороне Голодая, но и на всем острове более ни одной возвышенности. (До памятника декабристам не 300, а все 800 метров.)

По Голодаю мы вслед за смертной телегой Княжнина проехали с километр. Дальше еще на километр топкая коса из трех островков: остров Гоноропуло, остров Кашеварова, остров Жадимировского. И отдельно Вольный. Между островами лишь небольшие протоки. Так что это и коса, и архипелаг одновременно.

Одна такая протока, разделяющая Гоноропуло и Кашеварова, и отмечена на плане 1738 года. Ее-то я и принимал сначала за ров.

Но уж если мы воспользовались пушкинским прозаическим путеводителем и пришли на место, откроем наконец стихи и увидим все глазами поэта. Ахматова утверждала, что Пушкин дважды воспел «уединенный остров». Сначала в отрывке «Когда порой воспоминанье...»:

Печальный остров — берег дикой
Усеян зимнею брусничкой,
Увядавшей тундрой покрыт
И хладной пеною подмыт.

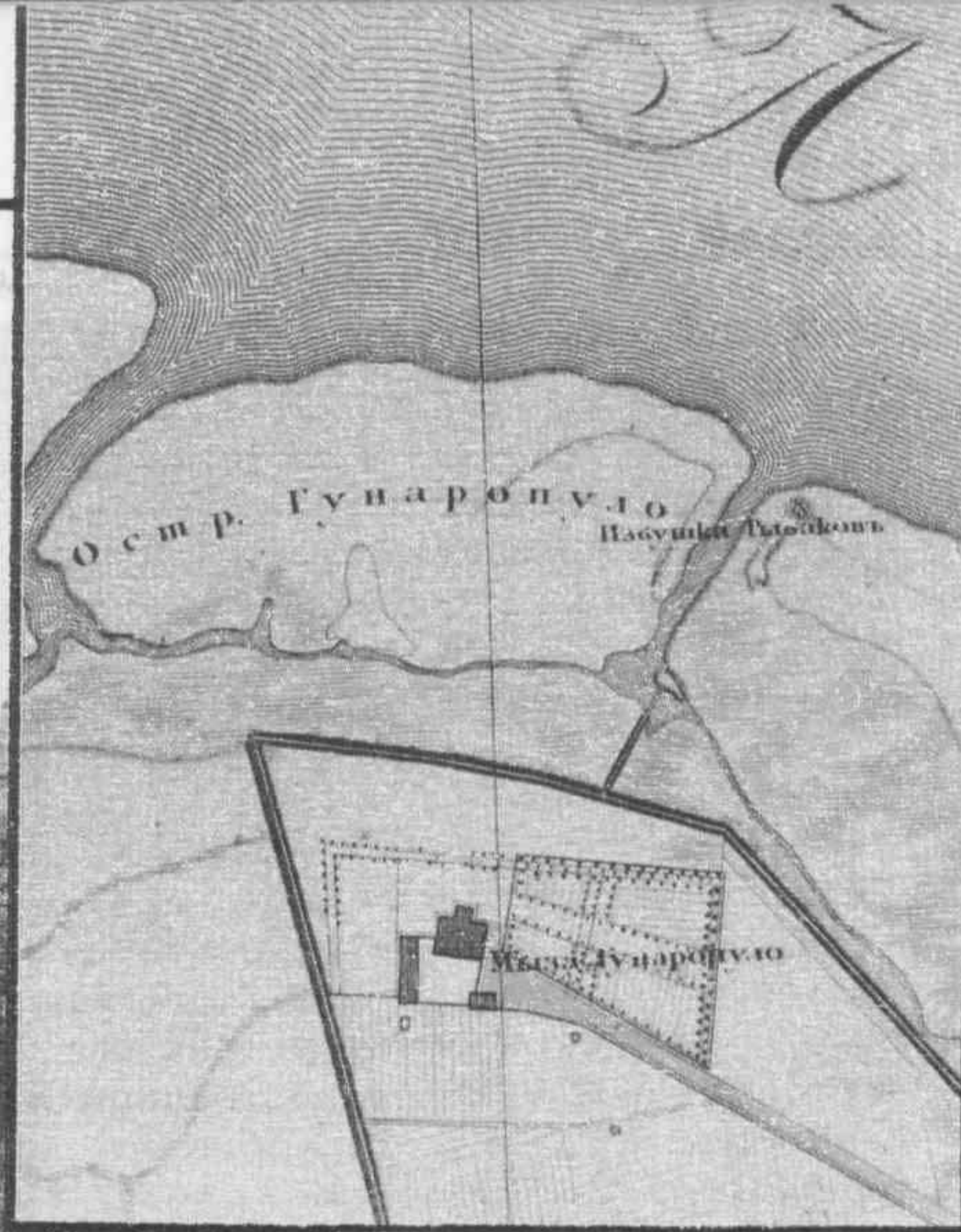
И, если перед тобой план Шуберта, где на всем северном побережье Голодая отмечено (да еще с пояснением!) только одно строение — «избушка Рыбаков» (так! — А.Ч.), от следующих строк, пожалуй, вздрогнешь:

Сюда порою приплывает
Отважный северный рыбак.
Здесь невод мокрый расстилает
И свой разводит он очаг.
Сюда погода волновая
Заносит утлый мой челнок...

Вообще-то мы знаем, что муза Пушкина конкретна. Но чтоб так точно совпало ее дыхание с топографией? Или в 1830-м поэт уже шел за знаменитой картой и для нас, для потомков, недаром упомянул о месте, куда по рою приплывает развести временный очаг (!) невский рыболов? А теперь описание из «Медного всадника»:

...Остров малый
На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит.
Или чиновник посетит.
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров...

Как же мы раньше не замечали! Тут и там Пушкин начинает с приюта рыбака (с «избушки Рыба-

Фрагмент
плана Петербурга.
Съемка 1826—1827 годов.

В окрестностях
острова Гоноропуло.

Фото А. ЛАВРЕШКИНА

ков»), а продолжает в одном случае собственным челноком, в другом — лодкой чиновника.

И вот на что еще мы не обратили внимания в прозаическом «путеводителе» поэта: возвышенность украшена «одним или двумя сиротливыми домами...». Что значит «одним или двумя» домами? Да еще «сиротливыми»?

Тут, у рыбацкой избушки (очевидно, рядом был еще сарай или открытый навес), в XVIII столетии произошла любовная драма с участием черта (см. «Уединенный домик на Васильевском»). И тут был найден труп бедного Евгения. Когда? «Прошедшею весною». Но наводнение было 7 ноября 1824 года. Через год Евгений оскорбил Петра, а весной отыскал обломки дома любимой, выброшенные наводнением на берег острова Гоноропуло. Это было весной рокового 1826 года — такой вывод сделал Андрей Белый. Внутреннее время повествователя словно остановилось в этом году! Евгений и умер здесь же. А домик «сvezли на барке» в порт. Там его раскатают по бревнам, и кто знает, не из этих ли проклятых бревен через два-три месяца соберут виселицу тем, кто будет также «ради бога», но не по христианскому обычаю зарыт рядом с Евгением? Вспомним, как заканчивается повесть Пушкина и Титова: «...уединенный домик Васильевского острова сгорел до основания, и место, где стоял он, не знаю почему до сих пор остается незастроенным». Страшное место.

Есть у Пушкина особая тема, начинающаяся с «Ариона»: тема челнока, бури и таинственного спасения.

31 июля 1827 года в «Акафисте Екатерине Николаевне Карамзиной»: «Земли достигнув наконец, От бурь спасенный провиденьем...»

15 августа того же года поэт бежит, «И звуков и сматенья полн, На берега пустынных волн...» (Последняя строка потом станет началом «Медного всадника».)

17 сентября: «На море жизненном, где бури так жестоко Преследуют во мгле мой парус одинокой...»

«19 октября 1827»: «Бог помочь вам, друзья мои, И в бурях, и в житейском горе, В краю чужом, в пустынном море, И в мрачных пропасть земли!»

Так! Для живых «мрачные пропасти земли» — рудники, а для мертвых — их последние жилища.

6 ноября: «В бурю, в грозный ураган, Головы твоей, мой милый, Не спасет мой талисман».

Наконец, в «Предчувствии», напечатанном рядом с «Уединенным домиком...» в тех же «Северных цветах на 1829»: «Бурной жизнью утомленный, Равнодушно бури жду: Может быть, еще спасенный, Снова пристань я найду...»

Но всего подробнее эта тема звучит все-таки в «Арионе»:

...Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою...

Дата под стихами зашифрована в виде дроби: в числителе 16 июля, в знаменателе одна цифра — 7. Уникальный случай в пушкинских рукописях! То ли это 27-й год, то ли 17-й... А что, если прав Геннадий Невелев и «Арион» написан после

посещения Голодая? Ведь дата почти совпадает с первой годовщиной казни, и мелькают в стихах челн и скала, но именно челнок нарисован в рукописи отрывка «Когда порой воспоминанье...», а скала изображена на рисунке могилы повешенных. Да и обер-полицмейстер Княжнин упоминает о «скальном берегу».

Из Петропавловки иду в библиотеку Академии наук. Она как раз на том месте, где при Пушкине был порт и где можно было взять ялик для прогулки по Малой Неве.

Листаю «Санкт-Петербургские ведомости». 12, 13 и 14 июля 1827 года — солнечные дни. Утром 15-го — «рассеянные тонкие облака и сияние солнца». Ветер южный, слабый. Температура воздуха к полудню +17,6° по шкале Реомюра. Это +22°C.

В полдень картина иная: ветер западный, сильный, а в графе «наблюдение погоды» отметка: «Пасмурно, дождь, молния и гром». Мы нашли, что искали.

Погода испортилась на двое суток. Дует северный ветер — аквилон. Кстати, у Пушкина есть стихи с таким названием и «обманной» датой для печати: 1824. Аквилон разметал тучи, но повалил и дерево. Напомню: на рисунке с могилой казненных обломанное дерево. Оно с двух сторон защищено высотками, а поскольку ров идет с юга на север, вероятнее всего, оно и сломано аквилоном.

Лишь к вечеру воскресенья утихает аквилон и прекращается дождь: «облачно и радуга». И затем неделя без единого дождя. Значит, поэт поплыл на ялике утром 15 июля, в пятницу? И попал в бурю, и волновая погода трепала парус утлого его челнока, а «белоглавая толпа» волн навстречу заставила взяться за весла?

Ситуация для пловца была нешуточной: волны то с залива, да и ширина Малой Невы — треть километра!

Так реальная гроза естественным образом прогромычала как эхо 14 декабря. Романтическая метафора наполнилась автобиографией.

Есть у Ахматовой строки: «Когда б вы знали, из какого сора Растут стихи, не ведая стыда...» Сор — это реалии быта, тщета дня. Для читателя она обыкновенно утаена. Для поэта светится драгоценным воспоминанием.

Что общего у пушкинского приключения с легендой о спасении от пиратов древнегреческого поэта Ариона? Да ничего, кроме разве что острова с греческим именем. На берегу крохотного (100 на 200 метров) островка Гоноропуло, пожалуй, вспомнишь об Арионе, даже если не дельфин (откуда ему взяться в балтийских волнах!), а сама буря и едва не потопила, и спасла.

Реализм лирики — это реальность переживания:

И ризу влажную мою
Сушу на солище под скалою.

Сильный западный ветер, сопровождавший бурю 15 июля 1827 года, помогает не только убедиться, что на развороте пушкинской тетради нарисована именно могила казненных, но и разобраться, как организовано пространство на обоих листах.

На левом зеленом от скалы летит почти горизонтально влево: мы стоим спиной к реке на берегу

Гоноропуло. Внизу скала нарисована крупно. Поэт приблизился к ней.

На правом листе зелень разметана в разные стороны. Значит, прямо перед нами западный склон «последней возвышенности». То есть рисовальщик уселся «на солнце под скалою» (она укрыла его от ветра!) и видит камень на могиле, за ним ров и за рвом — спускающийся к реке откос «возвышенности». Река теперь слева. А солнце должно быть на юге, то есть справа. Так и есть: тень камня и тень на заборе слева от наблюдателя.

Но существует и дополнительный источник света — река. Потому-то ближняя к нам грань скалы на левом листе и скол кручи на правом несколько светлее, чем «спина» скалы и центральная грань обрыва. Когда в Ленинградском Доме молодежи я расскажу об этом художнице Татьяне Гоголевой, она воскликнет: «Ну, конечно!» — и положит на пластилиновую реку (мы переснимали макет, сделанный по пушкинским рисункам) глянец лист бумаги. «Пятисотка» на фотоштативе светила «с юга», и светотени легли строго «по-пушкински».

Так направление ветра и реальная география помогли сориентироваться: на левом листе пушкинской тетради перед нами северный берег Гоноропуло, на правом — вид с него на западный склон «последней возвышенности». Когда бы не строка из «Санкт-Петербургских ведомостей», и по сей день я бы принимал оба изображения за два ракурса одной «скалы» и недоумевал: почему один из рисунков словно зеркально перевернут, один и тот же спуск к реке смотрит в противоположную сторону?

Еще раз мы убедились в реальности пушкинского посещения Голодая 15 июля 1827 года.

На всем побережье острова Декабристов уцелело только это место: две возвышенности и засыпанный ров между ними. Вдоль рва — дубовая аллея. Деревья посажены в честь Победы сразу после войны.

До 1972 года здесь был сад. Ныне это территория очистных сооружений кожевенного комбината «Марксист». И хотя срезанные ножом бульдозера вишни вновь побежали по склону, пахнет здесь не цветами. И в полном здравии чувствует себя только стошестидесятое поколение «высокой крапивы и репейника».

Впрочем, комбинат собираются закрывать. Он отравляет реку. Он нерентабелен.

Огромные, точно в сталкерской Зоне, бетонные чаны врыты в тело вала и последней высотки. Серая гигантская ванна. Искриленные растресканные с рвом изрыгают жижу промканализации. А рядом серые венчики нежного водосбора — садового и кладбищенского цветка.

Начальник очистных сооружений А. Крижинский показывает место, где каждый год проседает земля. Сверяюсь по плану: да, здесь ров заканчивался заливчиком и болотцем. Сверяемся с реальной топографией. Для этого пришлось пройти с рулеткой сто шестьдесят пять метров по Уральской улице и еще — «выйти» на ту же точку с противоположного берега Петровского острова. Мы уперлись в заводскую проходную. Она в трехстах метрах от аллеи, ближе к началу Уральской. Кажется, мы опоздали... Впрочем, пока сюда не придут археологи, доказать, что прах Рылева, Пестеля, Сергея Муравьева-Апостола, Михаила Бестужева-Рюмина и Каховского уже не лежит в этой земле, унесенный одним из наводнений или ковшем экскаватора, никто не в силах.

До холодов, до середины октября, мы должны хотя бы произвести археологическую разведку, выяснить геологические изменения этого места, на которое привел нас Пушкин. Напомним: в той же пушкинской рабочей тетради рисунки с виселицами на Кронверкском валу. Именно они помогли краеведам и археологам установить место вала против северной стены Петропавловки. Теперь там стоит обелиск. Должно быть отмечено и это место. Как — это решать ленинградцам.

Когда хоронят вдали от берега, моряки возвращаются и кладут венки на волну.

Земля не море. Но море слишком близко от этого места, а берег рва — слишком ненадежная защита над теми, кто, сверяясь с «Полярной звездой», вел челн к материку гражданской свободы. И после кораблекрушения стал этой землей, вольной ее зеленью, ее почвой и ее солью.

«Два чувства дивно близки нам — В них обретает сердце пищу — Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам. Животворящая святыня! Земля была б без них мертва...»

В пушкинских собраниях этот набросок публикуется рядом со стихами «Когда порой воспоминанье...».

Олег ХЛЕБНИКОВ

Олегу Хлебникову тридцать один год. Он автор книг стихов: «Наедине с людьми», «Город. Повесть в стихотворениях», «Письма прохожим» и «Местное время». Член СП СССР.

Первые публикации в центральной прессе появились, когда их автору было семнадцать — восемнадцать лет, — тогда Олега представил и напутствовал замечательный поэт фронтового поколения Борис Слуцкий, — а первая книга вышла в издательстве «Молодая гвардия», в то время Хлебникову только исполнился двадцать один год.

О. Хлебников родился и вырос в Ижевске, окончил Ижевский механический институт и аспирантуру по специальности «техническая кибернетика», защитил кандидатскую диссертацию. В настоящее время живет и работает в Москве.

* * *

Из тьмы ноябрьской гуталиновой периферийных городков летит в эфир не звон малиновый — лиловый сонный стон гудков.

И утро каждое, ранехонько, идут мои отец и мать туда, где тяжкий молот, охая, и тишь кует, и благодать.

Им огоньки сверкают ртутные на героическом пути. Им телеогоньки уютные наградой светят впереди...

МОРОЗ

Из цикла «Белокаменная зима»

Стало ясно, что воздух не просто О₂ плюс продукты его загрязненя, а еще наши вздохи, вдогонку слова, в воротник триумфальное пенье.

И воздушный как шар полетит поцелуй, в дирижабль превратится в полете, догоняя тот миг, тот апрель, тот июль, что и в юности вы не вернете.

* * *

На вокзале в Казани — на палочке эскимо, как в ладошке бабушкин гривенник на кино, — в серебристой обертке, пузатое, как снеговик...

Свет в вагоне был желт. Свет вдоль Волги — велик. По теченью помотришь — купается в Каспии взгляд, взглянешь против теченья — во льдах ледоколы пылят, а вокруг так просторно — отлетает дыханье само...

Ах, на палочке эскимо, на палочке эскимо!

У, как нас обижает, что мир обернулся другим! — на волшебной той палочке прежнего чуда хотим.

* * *

Дурыкино, Дубинино, Кресты — я ехал от Москвы к Солнечногорску. И вспомнил я Некрасова,

как ты, Читатель Проницательный и в доску не свой.

И ехал я поговорить о прихотях твоих и о поэте забытом.

День мог не напрасным быть — когда б, о боже, не названья эти!

* * *

И солдатик стриженный державно, точно юный пионер, и ржаво пахнущая талая вода, и студентик с юношеским басом, сам себя признавший ловеласом, и скамьи вороньи — провода, и портфель по лужам волокущий первоклассник, и узревший кущи райские — полуслепой старик, и трамваев зрячие вагоны, и толпа у видеосалона — это я, отвлекшийся на миг.

МУЖСКИЕ РИФМЫ

Тот же пиджак, не помят. Последние лет пятьдесят наденет его — и рад. Ни в чем он не виноват.

Он в булочную идет, а будничный круговорот крутит, несет его, невиноватого.

Последние лет пятьдесят был он почти что свят: работал, ребят кормил и куском не корил,

войну прошел. Прополз. С криком «ура» пробежал. Разве какой вопрос поставить не поспевал.

Зачем же ему теперь этакая канитель? Избавьте его от нее, сознание и бытие!

* * *

Двоешники, ставшие дельцами, школьной неподвластные программе, наши завалившие дела, — как вы закусили удила!

Как смогли без разговоров лишник круглых наших увести отличниц в кабинет, отделанный сукном, с длинным полированным столом?

И теперь решаете годами, что вам делать с нами, мозгляками, в тех — от чтенья лишнего — очках, с барабанной палочкой в руках.

* * *

И я один из тех, кому со света выходить во тьму — на огонек звезды и спички, и скулы сквозняком лепить, и всех оставленных любить по человеческой привычке.

А с этой тьмою — сладить как? Пред нею и звезда — пустяк, а наши фонари — забава. Прижаться и закрыть глаза — все, что придумали, скользя вдоль по истории корявой.

ИЗ ЦИКЛА «ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»

1

Слуцкий жил у железной дороги. Быт его был почти убогий.

Только книги да пара полотен от железнодорожных полотен отделяли его. Но заслон был неплотен: возьмет книгу он —

сразу брешь возникает такая, что в нее — дождь, так дождь затекает, свет — так свет... И всегда гудки — как сладки они, как горьки!

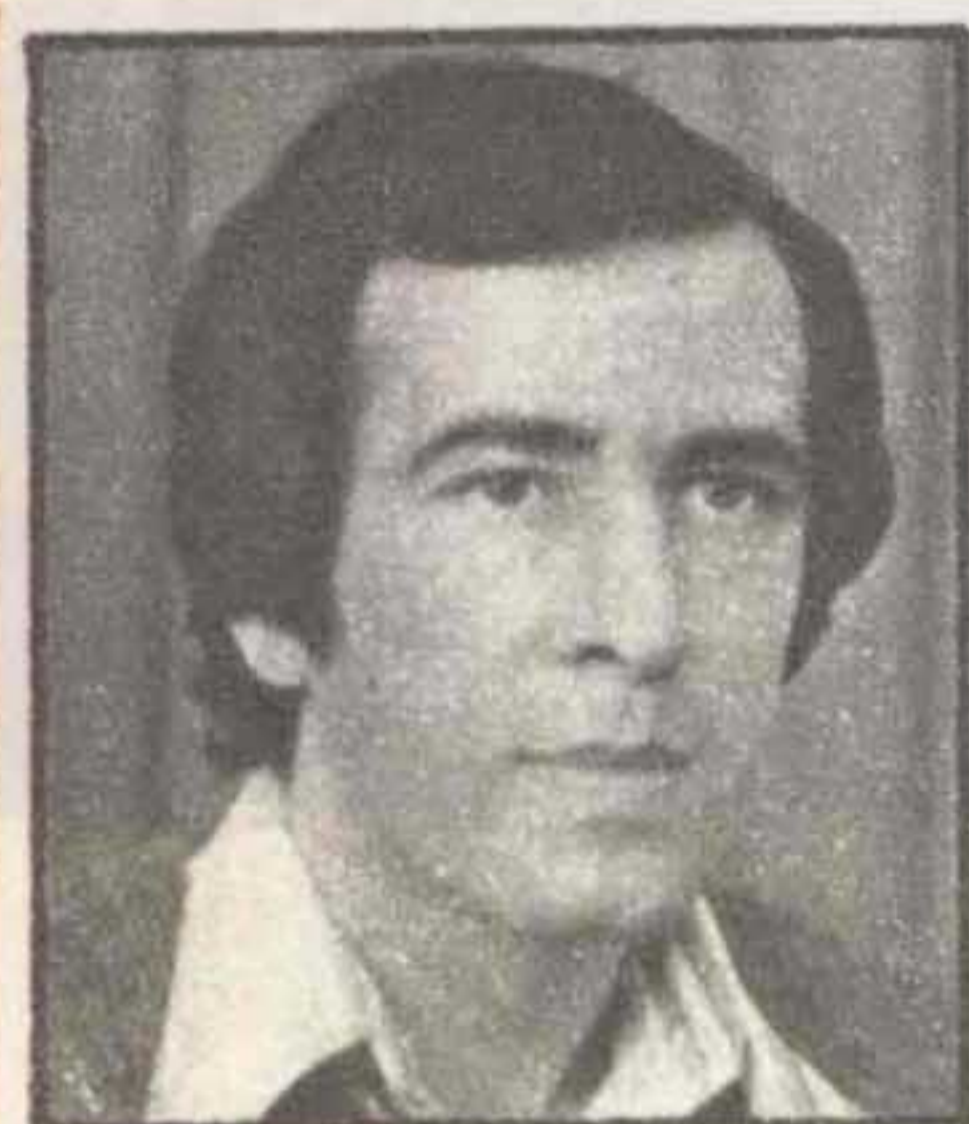
Как любил он, вставая ночами, отпивать их большими глотками.

2

Вот вам положительный герой. Не оттуда он, куда глядели, появился — толстый и седой, как он сам писал.

И в самом деле — вот вам настоящий фронтовик, не из этих, после драки ловких, вот вам, говорю, передовик производства строк металлоемких. Вот твержу, Учитель... Вроде был и ученичок, его продавший, — Не Иуда, так, иудифил, юдофоб, язычество принявший... Вот вам, вот вам, вот вам, говорю, вот вам, вот — кричу.

Глухой тетерей сам себя не слышу. И валю все на время — сам тому не веря.

Ярослав РАТУШНЫЙ

Родился в 1951 году в Казатине Винницкой области, служил в армии, окончил политехнический институт. В настоящее время работает инженером-электронщиком на киевском заводе «Большевик». Автор книги стихов «Заснеженные лица» [«Молодь», 1987 год].

Стихи Ярослава Ратушного журналу рекомендовал известный украинский поэт Л. Вышеславский. Он пишет: «В стихах поэта — судьба человека, который, несмотря ни на что, не может расстаться со своей землей, глубокая вера в правду, пусть горькую, но правду. Поэту сдается, что дерево, продолжающее идти по дороге, это он сам, вобравший в себя корнями памяти величие народной доли. Ратушный — поэт думающий, стремящийся осмыслить свою дорогу в литературе».

КИТЕЖ

Все под снегом дома, но тепло в старых срубках таится с тех пор, как их все занесло, замело, не поймешь, то ли глад, то ли мор, то ли снег — восковой, вековой, все занес, все закрыл до небес.

Древний город лежит предо мной, но я знаю — давно он исчез.

Знаю — триста, четыреста лет, может, больше, назад, все назад, из щелей, в белый замерший свет, очи, многие очи глядят. Все снега занесли, замели, время жгучее, время идет над землей, и не видно земли, и не знаю, какой теперь год.

Как сквозят из щелей их глаза! Что за снег, рыхлый снег, слюдяной.

И к щеке примерзает слеза, и веки не будет другой. Но я чувю — они среди нас, рыхлый снег копошится, живет, и судьбу примеряют на глаз, ожидая впотьмах свой черед.

ДОРОГА

Мокрый хлеб долго-долго жевал, и молчал, и смотрел на дорогу, понимал — все ни к черту, ни к богу, но не все до конца понимал.

Падал дождь на густые поля, на село, на покатые крыши. Становилось вольнее и тише, и казалось, что дышит земля.

Я здесь жил, но годов череда пролетела, нет силы забыться или вспомнить забытые лица! — все затмила слепая вода.

А когда наконец рассвело и туман рассосался немного, встала дыбом кривая дорога, подняла небольшое село.

Кверху, в небо, а там невпопад, словно ворохи спелой пшеницы,

воробьи, камышевки, синицы, рассыпаясь, навстречу летят.

Дорог хлеб, но дорожке земля. Эй, родимая, что ж тебе надо?! Сверху хаты свисали мохнато, опустевшим остьем шевеля.

Не достанешь. Восстала горой, стала камнем распухшим дорога. И стою под горой одиноко, и село в облаках — надо мной.

Но зажгли в крайней хате свечу, это птахи село заселили. Дождь прибил комья сдавленной пыли.

Стало чисто, как в детстве. Лечу...

НАСКАЛЬНЫЕ РОСПИСИ

Раскалились наскальные кони, раскололась скала, а за ней мир лежал, трепетал на ладони, и струился, как гривы коней.

И ударили метко копыта в сердцевину горячей скалы, и восстало, что было забыто, из огня и летящей золы.

И тогда в резком свете, распаде, обозначились лица, глаза, мускулистые руки и пряди смолянистых волос, голоса...

Это всадники! Кони немели, бередили скалу, а потом тяжесть чувствуя в согнутом теле, задыхались оплавленным ртом.

Но метали наотмашь копыта, и кусались, а все же несли победителей в глыбь монолита, вдоль распахнутой жгучей земли.

Эта скачка в сердцах без расчета, без посылок и ложных идей, до тяжелого едкого пота вперемешку — коней и людей.

КАЗАТИНСКИЙ ВОКЗАЛ

А небо в бегущих клочках распахнуто настезь и серо, и падает вниз второпях, сбивая прицел глазомера.

Зависнет над самой землей и рухнет в открытые очи. И путь от вокзала домой покажется вдвое короче.

Поднимется темная пыль большими крутыми кругами. И звякнет осклизлый костыль у рельс, под моими ногами.

Споткнулся и чуть не упал, и дом проплывал над глазами, а рядом слезился вокзал скупыми чужими огнями.

Мой дом проплывал надо мной, махали руками соседи, и рваной сырой чередой шли тучи впотьмах, как медведи.

А я был когда-то влюблен, с девчушкой стоял у подъезда... И вышла она на балкон, как будто чужая невеста.

Ее сухопарая мать рыдала, но не дотянулся я к ним и не мог отгадать: заснул или, может, проснулся?

Здесь все на привычных местах, но путь мой не вышел короче. И небо стояло в глазах, и шел я домой среди ночи.

1917 • 1987

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ ЛИТВИНОВ (1876—1951) —
Один из ближайших соратников Ленина. После Великой Октябрьской социалистической революции был призван партией на дипломатическую работу, с 1930-го по 1939-й — народный комиссар иностранных дел. В одну из майских ночей 1939 года здание Народного комиссариата иностранных дел (находившееся тогда в Москве на Кузнецком мосту) было оцеплено НКВД. Прибывшие уже под утро Молотов, Маленков и Берия сообщили Литвинову о его отстранении с поста народного комиссара. Но очень скоро верный большевик-ленинец и талантливый дипломат вернется в строй... Мы публикуем фрагмент из книги З. Шейниса «Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек», которую готовит к выходу в свет издательство политической литературы.

МАКСИМ ЛИТВИНОВ

Зиновий Шейнис

ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Шодоходил к концу и вынужденный простой Литвинова. 21 июня 1941 года вечером он читал газеты, перед сном пошел гулять — в сопровождении охраны.

Наступило тихое летнее утро. И вдруг все переменялось. Включили приемник. Взволнованный диктор сообщил, что будет передано важное сообщение.

Через несколько секунд началось выступление Молотова. Война!

— Это конец Гитлера, — сказал Литвинов. В тот же день он написал два письма. Одно Молотову, просил доставить работу. Другое — в донорский пункт, предлагал свою кровь для раненых бойцов. Из донорского пункта ответили сразу, тепло поблагодарили за предложение, но сообщили, что кровь шестидесятипятилетних людей пока не нужна, и, если понадобится, ему напишут. Молотов вызвал через несколько дней. А затем позвонили из Кремля. Сталин просил приехать; будет беседа с иностранными дипломатами.

Литвинов прибыл в своей обычной толстовке, которую носил эти послед-

ние годы. Прием дипломатов начался сразу же. Сталин поздоровался с Литвиновым, покосился на толстовку, спросил, почему не в черном костюме. Литвинов флегматично ответил: «Моль съела».

На следующий день после вызова в Кремль Литвинова зачислили в Народный комиссариат иностранных дел.

Зарубежная пресса и радио разнесли весть о том, что Литвинов был в Кремле у Сталина. Начались разные догадки и предположения. Телеграфные агентства Америки и Англии, редакции газет запросили статьи, интервью. Литвинов начал писать. Его статьи появились в английских и американских изданиях.

8 июля поздно вечером в радиокomitee на Путинковский переулок в Москве пришел Литвинов. По поручению Сталина он выступал по радио с обращением к народам, говорящим на английском языке.

Выступления Литвинова по радио продолжались все лето. Работать приходилось в трудных условиях. 15 августа он писал жене в Куйбышев: «Получил на днях телеграмму от редактора «Рейнольдс ньюс», просившего прислать меседж. Послал, но имел затруднения с переводом. У меня ни

стенографистки, ни машинистки английской нет, от руки писать не могу, а потому пришлось послать для перевода в Информбюро, но перевод меня не удовлетворил, пришлось внести много поправок, а переписывать некому, у меня нет даже пишущей машинки. Пишу это все, чтобы ты догадалась, как я вспоминал тебя. Но я и без того вспоминаю и думаю о тебе постоянно».

Наступила первая осень войны. Немцы продвигались по всему фронту. Сосредоточив десятки пехотных и танковых дивизий, Гитлер бросил эти армии на Москву. 16 октября утром в Москве начали закрываться заводы и фабрики. Толпы людей потянулись на восток, запрудив Горьковское шоссе, и без того забитое машинами, орудиями, повозками.

16 октября вечером начальник охраны объявил Литвинову о необходимости немедленно выехать в Куйбышев. Он был очень растерян, торопил Литвинова, сказав, что на сборы осталось только два-три часа, и если поезд, который им определен, уйдет, то неизвестно, когда они сумеют выбраться из Москвы.

Вечером Литвинов выехал в Куйбышев. На седьмые сутки поезд при-

был к месту назначения. В конце октября там уже было много наркоматов и других центральных учреждений. Город был забит эвакуированными. Семья Литвинова жила в крохотной квартирке. Там же поселилась и его секретарь А. В. Петрова, которая тоже эвакуировалась в Куйбышев, и Литвинову снова приказали являться в «присутствие». Ходил он туда нехотя, как бы отбывая повинность, ибо пользы от этого не видел никакой, и это его очень тяготило.

В конце октября 1941 года все круто изменилось.

Эти изменения были продиктованы коренными интересами Советского Союза, необходимостью расширить его политическое и дипломатическое влияние в западном мире.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз руководящие деятели Англии и США заявили от имени своих стран о готовности оказывать ему поддержку. Однако внутри антигитлеровской коалиции сохранилось глубокое противоречие между социалистическим Советским Союзом и его империалистическими партнерами. В этих условиях особо важна была позиция Соединенных Штатов Америки — самой могущест-

венной страны капиталистического мира.

Центральный Комитет партии и Советское правительство сочли необходимым направить в Соединенные Штаты на пост своего дипломатического представителя человека, авторитет которого был признан в мире и, в частности, был бы известен своими контактами с США и лично с президентом Рузвельтом.

Это предопределило изменение положения М. М. Литвинова.

Поздно вечером из Москвы в Куйбышев позвонил Молотов. В Наркоминделе на звонок отозвался дежурный сотрудник. Молотов спросил сотрудника, знает ли он, где живет Литвинов. Тот ответил, что знает.

— Передайте Литвинову, что он назначен заместителем народного комиссара иностранных дел и послом Советского Союза в Соединенных Штатах Америки. И немедленно доложите мне его ответ.

Через десять минут сотрудник Наркоминдела стоял перед Литвиновым. Тот молча выслушал и сказал:

— Ну что ж, обстановка такова, что есть только один выход. Передайте — я согласен!

— Молотов просил узнать, когда вы можете вылететь?

— У меня сборы недолгие, — ответил Литвинов.

Сотрудник передал последнее поручение Молотова: Литвинова просят немедленно вылететь в Москву. Его ждет Сталин. Самолет на аэродроме.

В Кремль Литвинов прибыл в назначенный ему час, и его сразу же принял Сталин. Месяцы войны, видимо, нелегко дали Сталину. Лицо его, и без того суровое, замкнутое, стало еще более сумрачным, под глазами обозначились темные круги. Сталин встретил Литвинова приветливо. Тепло поздоровался. На Сталине был его обычный полувоенный костюм. Литвинов был в той самой толстовке, в которой он пришел на дипломатический прием в первые дни войны. На этот раз Сталин ничего не сказал.

идет перестройка всей промышленности. Подчеркнул, что надо уделить этому вопросу большое внимание. В тот же вечер Литвинов вылетел в Куйбышев. А дальше были тридцать тысяч километров от Куйбышева до Вашингтона, если лететь через Азию, огибая гигантскую дугу, где были Астрахань, Баку, Тегеран, Багдад, Басра, Калькутта, Бангкок, Сингапур, Филиппины, Гавайские острова. От Ирака до Сан-Франциско предстоял перелет на летающей лодке.

Путь на Запад через Атлантический океан был закрыт. Шла война.

...6 декабря Литвинов прибыл в Сан-Франциско. Позади были двадцать два дня и двадцать две ночи. Впереди Вашингтон.

На вашингтонском аэродроме Литвинова встречала огромная толпа. Сюда прибыли не только представители государственного департамента, журналисты и кинооператоры — бывший посол в Москве Дэвис. Чопорный официальный Вашингтон на этот раз не похож на себя. На аэродроме писатели, артисты, бизнесмены, клерки из учреждений и частных контор. Многие с цветами. У Литвинова просят интервью. Он отстраняется от журналистов, подходит к микрофону и сразу дает понять, ради чего он прибыл в США: «Первое мое посещение этой столицы состоялось в весьма важный момент. В настоящее время я прибыл в еще более важный период, когда решается судьба всех народов — всего человечества. Я знаю, с каким огромным интересом и сочувствием следит американский народ за событиями на Восточном фронте, и я заверяю американский народ, что Красная Армия и все Вооруженные Силы Советского Союза и в дальнейшем продолжат борьбу с гитлеровской Германией с тем же упорством и мужеством, которые вызвали одобрение и восхищение всего мира».

Литвинов знает, что изоляционисты встретят в штыки его высказывания, начнут кампанию против него. А через несколько часов после прибытия Литвинова в американскую столицу

ся популярности Советского Союза. Как изменились времена! Восемь лет назад, когда он приехал в Соединенные Штаты, многие американцы имели самые искаженные представления о нашей стране. Теперь Россия спасает не только себя — весь мир! Американцы на улицах останавливают Литвинова, хлопают по плечу: «Ар ю мистер Литвинов?» Восторгаются Красной Армией. Но это начало — Литвинов знает, какая борьба еще предстоит, как трудно будет расшевелить американское общество, заставить отступить недругов Советского Союза.

8 декабря Литвинова пригласили в Белый дом. Он отправился туда исполненный надежды, что ему удастся установить с Рузвельтом тот важный контакт, который не регулируется никакими протоколами, если, конечно, партнер способен хотя бы чуточку приподняться над позициями своего класса. Нечто подобное наблюдал он в Европе, где у него был тесный контакт с некоторыми буржуазными государственными деятелями.

Рузвельт встретил Литвинова дружески. Часы президента были распланы, и официальную церемонию вручения верительных грамот начали сразу же. Корреспонденты осаждают Белый дом, кинооператоры зажгли «юпитеры», радиостанции готовы передать официальное сообщение о первом официальном визите советского дипломата. И он прилагает все усилия, чтобы довести до сознания американцев: война подошла также к их берегам, теперь вести ее придется сообща! Он говорит о «страшной опасности, которую для всех наций представляет осуществление нацистской Германией заранее разработанной Гитлером преступной программы уничтожения политической и экономической независимости всех стран и порабощения всех народов».

Литвинов закончил свою речь. Рузвельт улыбается. Да, он доволен. Теперь очередь президента. К коляске подносят микрофоны. Он сразу скажет, что он думает о советском дипломате. Он с этого и начнет свою речь: «Мне представляется исключительно удачным, что в эти трагические дни, когда сохранение взаимопонимания и доверия между нашими двумя странами имеет столь жизненное значение не только для них самих, но также и для будущего всего человечества, Советское правительство сочло уместным послать в качестве своего представителя в Соединенные Штаты государственного деятеля, который уже занимал такой выдающийся пост в своей стране».

Рузвельт подчеркивает, что Литвинов приступает к исполнению своих обязанностей в день великого исторического значения, заявляет, что Америка будет воевать с Германией.

После официальной церемонии вручения верительных грамот президент долго беседовал с советским дипломатом.

Когда Литвинов собрался уходить, Рузвельт обратился к нему интимно-дружески: «Макс, приходите с женой вечером играть в бридж. Госпожа Рузвельт и я будем рады видеть вас у себя».

Через девять дней после вручения верительных грамот Литвинов напишет сыну и дочери в Москву: «Работы у меня много. Приходится делать много визитов и принимать множество народу. Гулять и отдыхать не приходится. К вечеру страшно устаю, и не успеваю выспаться. У посла в Вашингтоне в два раза больше работы, чем в любой другой столице, да и момент теперь такой ответственный. Иногда думается, что я взял на себя задачу не по силам или не по возрасту... Пробовал было раз сходить на концерт по приглашению Эгона Петри,

но после первого номера меня вызвали к президенту. Я у него уже был четыре раза».

Вскоре после этой встречи Литвинов вылетел в Нью-Йорк. Организация «Уор раша релиф», занимающаяся сбором средств в пользу Советской страны и Красной Армии, устраивала митинг в Медисон-сквер-гарден. В огромном зале заняты все места, люди стоят в проходах. Мысли Литвинова далеко, в подмосковных снегах. Сегодня солдаты генерала Жукова начали наступление.

Литвинов подошел к микрофону. Заговорил по-английски. Без бумаги. Он говорил о страданиях Смоленщины и Украины, о горящих белорусских селах, замученных и сожженных детях, обезбещенных девушках, о советских солдатах, бросающихся под немецкие танки.

В огромном зале стало очень тихо. Потом послышались рыдания. Женщина из первого ряда подбежала к помосту, сорвала с шеи бриллиантовое кольцо, положила у ног советского посла. За ней другая, третья. Помост обступили люди, срывали с себя бриллиантовые кольца, браслеты. В президиум полетели чеки — один, другой, сотни. Гигантский Медисон-сквер-гарден неистовствовал. Литвинов спокойно посмотрел в зал, сказал: «Господа, нужен второй фронт!»

На Западе — и в Англии, и в Америке — были твердо убеждены, что с СССР будет покончено в очень короткий срок. Вскоре, однако, Джозеф Дэвис, бывший посол США в Москве, констатировал, что «сопротивление русской армии более эффективно, чем все ожидали». Но эту точку зрения разделяли немногие. Сложной была обстановка, в которой оказался советский посол. Американский журналист Мильтон С. Майер в статье, озаглавленной «Папаша российский», писал в одной из крупнейших газет Соединенных Штатов: «Если бы вы увидели Максима Литвинова на улице, то никогда не подумали, что он посол Советского Союза в Соединенных Штатах Америки, что это и есть человек, испытывавший невероятные превратности судьбы, и один из тех немногих людей, которые направляют гигантские усилия объединенных наций. Внешне это определить трудно. Скорее Литвинова можно принять за какого-нибудь коммерсанта, который погружен в свои заботы».

Задача «Папаша» состоит в том, чтобы быть представителем Советского правительства и вместе с Рузвельтом и Черчиллем разработать грандиозную стратегию объединенных наций, а также вместе с военным министерством и администрацией ленд-лиза разрешить самую трудную проблему — предоставления Советскому Союзу вооружения. Литвинов, несомненно, один из самых деловых людей в нашей фантастически деловой столице. Почти круглые сутки горит свет в окнах советского посольства. Последними гаснут окна литвиновского кабинета».

Разгром немецких армий под Москвой поколебал миф о непобедимости Германии и показал, что война из молниеносной превращается в затяжную, а это ведет к неминемому разгрому Германии. Но этот факт очень медленно проникал в сознание американцев, не парализовал усилия изоляционистов, «немецкой партии» и других откровенно антисоветских сил в Америке.

Все же первого января 1942 года в Вашингтоне Рузвельт, Черчилль, Литвинов и 23 посла других стран подписали декларацию, которая содержала обязательство сотрудничать в военной и экономической областях и не заключать сепаратный мир или перемирие с врагами. Государства, подписавшие эту декларацию, стали называться «Объединенные нации».

Я В СТРОИ

Кроме Сталина и Литвинова, в кабинете был Молотов. Он в стороне, молчит.

И вот Сталин и Литвинов сидят друг против друга. Сталин не вспоминает прошлое. Как будто не было той майской ночи 1939 года, не было вывода из ЦК. Сталин не привык объясняться с кем бы то ни было. Но не только потому он не говорит о прошлом: Сталин хорошо знает Литвинова. Давно. Почти сорок лет. И он приступает к делу. Глуховатым голосом формулирует задачи дипломатической миссии Литвинова. Главное — это торопить американцев со вступлением в войну. Он, Сталин, знает трудности, с какими сталкивается в этом вопросе Рузвельт, понимает, что президент не горит желанием помочь Советскому Союзу, но он человек умный и не захочет прийти без козырей к концу войны с Гитлером.

Литвинов слушает молча, глядя Сталину в глаза. Просит, чтобы Сталин информировал его о делах, о положении на фронтах. Ему придется в Америке много выступать, он должен быть в курсе дела.

Сталин пообещал. Поговорили о военных поставках. Сталин сказал, что эти поставки важны, особенно пока

произошло нападение японцев: все радиостанции Соединенных Штатов Америки прервали передачи и начали передавать экстренные сообщения: японцы напали на Пёрл-Харбор, топят американский флот, бомбят Гонолулу.

В декабре 1941 года официальные круги Соединенных Штатов Америки и весь американский народ пережили тревожные дни.

События развивались стремительно. Морской министр Нокс сообщил предварительные данные о потере в Пёрл-Харборе: потоплен линкор «Аризона» и еще пять военных кораблей, убито около трех тысяч офицеров и моряков. Американское военное командование отдало приказ затемнить все побережье вдоль Калифорнии до мексиканской границы, началось минирование подступов к нью-йоркскому порту.

Американцам предстояло понять, что Тихий и Атлантический океаны больше не дадут им отсидеться в стороне от войны.

...В Америке Литвинов получал горы приветственных писем и телеграмм. Писали рабочие, кинозвезды, миллионеры, журналисты, писатели, фермеры, рыбаки. Литвинов радовал-

О СТУДЕНТАХ, ПРЕПОДАВАТ

Министр высшего и среднего специального образования СССР Геннадий Алексеевич ЯГОДИН отвечает на вопросы читателей «Огонька»

Мы просим у читателей извинения за задержку с публикацией беседы, мы ведь давно уже пообещали ее вам. Виноват в отсрочке не министр (как только пришли телеграммы с вопросами, Геннадий Алексеевич тут же дал согласие на встречу) и не редакция. Дело в том, что в различных инстанциях готовились директивные документы по развитию высшей школы; в документах тоже было немало ответов на вопросы, присланные читателями. Мы ожидали.

В стране высшее образование сегодня имеют около 15 миллионов человек. Казалось бы, какая сила — 15 миллионов! Сколько образованных людей! Как они реализуют те знания, которые получили в высшей школе, как используют свой багаж?

Сегодня вопрос качества подготовки специалистов, как неоднократно указывалось, самый важный. Практика доказывает, что многие наши беды в том, что ответственные решения принимают порой люди, основывающиеся не на знаниях, глубоком владении профессией, а на полужнаниях, на примерных знаниях.

Давайте вспомним, как в вузах сдают экзамены. Формально процедура происходит просто: преподаватель спрашивает — студент отвечает. Но вдруг студент задумывается и просит: «Подождите, я сейчас вспомню...»

Вспомню! Не подумаю и в результате размышления приду к ответу, а — вспомню! Заучивание — мы должны это учитывать — всего лишь тренировка памяти, но отнюдь не показатель овладения знаниями.

Вся перестройка высшей школы и направлена на то, чтобы повысить качество подготовки специалистов.

— Кстати, абсолютное число телеграмм читателей сводилось к одному: почему в институты поступает много людей, не осознавших своего призвания?

— Мы порой действительно растрчиваем интеллектуальный потенциал страны тем, что плохо помогаем юношам и девушкам в выборе профессии. Знаю ситуации: человек решил поступать в институт, потому что сам институт через дорогу от дома; учатся приятели — и я пойду туда же. А такой случай: в институте прекрасная школа по самбо, вот человек через самбо и поступает. Это плохо! Нужно поступать только по одному принципу — по призванию. Бывает, конечно, что молодой человек вроде не знает, чем заниматься, что его больше влечет, но, поступив в институт, соприкоснувшись с настоящим делом, увлекается будущей профессией. Он замечательно учится, и из него получается прекрасный специалист.

Нам всем надо больше работать по профориентации. Здесь большие надежды мы возлагаем на семью, внешкольные учреждения — станции технического творчества, на кружки и секции при домах пионеров, дворцах культуры.

Сегодня пытаются использовать специальные тесты с применением электронно-вычислительных машин. В Томске я видел подобную машину. Тестовая система полезна, только не надо ее принимать как жесткую схему, как высшую инстанцию по определению способностей.

— Геннадий Алексеевич, много телеграмм, связанных с приемными экзаменами. Как быть тем, кто поступает не после школы, а спустя три-четыре года? Спрашивают, почему родителей не допускают на экзамены?

— Я не против того, чтобы родители приходили в институт. В то же время думаю, если человек решил стать студентом, он должен быть самостоятельным, пусть учится отстаивать свои права. И потом, какая картина получается? Вот, скажем, идут приемные экзамены в престижном столичном институте. Родители москвича могут прийти на экзамен. А родители абитуриента с Дальнего Востока? Мы за то, чтобы гласности было как можно больше в работе приемных комиссий.

Теперь о протекционизме. Говорим об этом много, а надо решительно и активно пресекать явление на корню. В печати были опубликованы дела, связанные со взяточничеством в высшей школе. Но и без взяток протекционизм сам по себе — социальное зло. Он приобрел изощренные формы. Человек позвонит, извинится и так, между прочим, скажет, что он ни о чем не просит, но, при прочих равных условиях, хотел бы, чтобы в приемной комиссии проявили внимание к одному из абитуриентов... А по положению тот, кто звонит, выше ректора института или состоит с ним в родственных отношениях... Протекционизм преступен. Мы обязаны с этим бороться бескомпромиссно. Строго соблюдать правила приема. Равные условия для всех. Льготы талантливым — это пожалуйста.

Мы за то, чтобы совершенствовались подготовительные отделения, на которые поступают, не сдавая экзаменов, проходя лишь собеседование. Государство стипендию платит для того, чтобы каждый поступивший на рабфак мог подготовиться к обучению в институте. Экзамены по окончании курса на подготовительных отделениях — переводные экзамены на студенческую скамью.

— Геннадий Алексеевич, много пришло телеграмм о том, чтобы незачисленные студенты, не получившие положительные отметки (имеются в виду не прошедшие по конкурсу), зачислялись кандидатами в студенты.

— Я против этого. Зачем? Что это даст? Могут ли быть четкие правила, когда и кого зачислять кандидатом, а кому и почему отказать? Это все внесет сумятицу, создаст предпосылки для злоупотреблений.

Любой человек в нашей стране, желающий получить образование, имеет такую возможность. Кто хочет получить знания, тот получает. У нас есть форма заочного обучения, вечернего. На многих факультетах для лиц, уже имеющих высшее образование и желающих получить второе, созданы специальные отделения. На эти отделения принимаются имеющие направления от предприятий, подтверждающие, что поступающему по роду деятельности необходимо второе образование.

Как известно, можно направлять на обучение в высшую школу заводских стипендиатов. Отличившихся на производстве, желающих получить высшее образование заводы, фабрики, строительные организации могут направлять в институты. У заводских стипендиатов стипендия на 30 процентов больше. Это значит: на первом курсе инженерного вуза студент может получать 60 рублей, а если он отличник, то после первого семестра ему будут платить 90 рублей. Целевой прием позволяет увеличить число людей, знающих производство, среди студенчества. И мы — за это.

— Во многих телеграммах задаются вопросы об учебном процессе. Мнения при этом разделяются; одни авторы утверждают: студенты — бездельники, ничего не делают, нужно ужесточить требования, другие, наоборот, сетуют — мол, как следует учиться сегодня практически невозможно, велика перегрузка.

— По-моему, в своем большинстве представления о том, что студенческие годы — это беззаботная, разгульная жизнь, в корне неверны. Такие студенты есть, но их меньшинство. Мы должны от подобных студентов избавляться. Наверное, говорю резко, но так нужно поступать. Если человек не способен заниматься в институте, выполнять все задания, учебный план, сдавать вовремя экзамены, то какой из него получится профессионал? На производстве тоже план, различные поручения, задания, и их надо выполнять.

Современный студент работает много — 60 часов в неделю. Но мы за то, чтобы как можно больше оставлять времени студентам на самостоятельную работу. Мы — за сокращение лекционного курса. Это просто беда, когда каждая кафедра в институте слезно уделное княжество. Идет ли речь об учебниках, созданных руководителями кафедр, — учиться, мол, нужно только по этим учебникам, касается ли это направления в науке, дисциплины, курса... Поймите меня правильно — это беда, когда кафедры между собой плохо взаимодействуют.

— Вспоминаются слова покойного ректора МГУ академика Рема Викторовича Хохлова. Он как-то сказал: «Воспитание студентов — дело штучное. Индивидуальная работа может принести значительно больше результатов, чем сотни прочитанных лекций...»

— Он совершенно прав. Кто же может возражать против индивидуальной работы? Приветствовать ее надо! Нужно научить студентов трудиться самостоятельно. Просто говорить: учитесь,

друзья, учитесь самостоятельно — это не даст результата. Если кто-то не хочет заниматься, его нужно отчислять. Отчисление не самоцель. Лучше сменить профессию на втором, третьем курсах, чем после получения диплома испытывать неудовлетворенность на всю жизнь...

Мы издали приказ — отменить условный перевод. Раньше в ноябре, а то и в декабре студенты пересдавали за прошлые курсы. Таких условных переводов, бывало, доходило до 20 процентов. Другое дело — заболел человек, семейные причины, пожалуйста, берите академический отпуск, лечитесь, а потом снова можно учиться.

— Геннадий Алексеевич, есть мнение об оторванности подготовки специалистов от реального производства. Исключение составляют заводы-вузы, например, при ЗИЛе...

— В этой области проводилось много экспериментов. Я имею в виду эксперименты, связанные с соединением высшей школы и производства. Необходимо, чтобы производительный труд был не просто мускульным, а чтобы это был труд, требующий знаний, образования и был связан с будущей профессией. У нас есть опыт ряда высших учебных заведений, когда обучение совмещается с производительным трудом. После трех лет учебы в институте, бывает и больше, в течение года студент работает на производстве. При этом он получает зарплату. Производительный труд без получения зарплаты — это безнравственно. Подчеркиваю: получение заработной платы — условие обязательное. Пусть будет полставки, четверть, но непременно — заработная плата.

(Если бы я был министром, то придумал бы систему организаций различных производств-предприятий при институтах, чтобы была практическая отдача от этих опытных производств, чтобы высшая школа могла получать и деньги. Студент-директор, студент — главный инженер учебного производства. Каждый будущий специалист, как мне кажется, со второго курса должен заниматься и профессиональной деятельностью. Пусть по два-три часа через день, но производительной работой.)

Из беседы с Вячеславом Лисовским, кандидатом технических наук.)

— Много телеграмм о стипендиях. Вот одна из них: «Почему стипендия студентов много лет остается на прежнем уровне; жизнь меняется, прожить студенту на стипендию сложно».

— В педагогических вузах повысили стипендию многим математикам... С первого сентября отличники будут получать на 50 процентов, а «хорошисты» на 25 процентов больше. У многих студентов в результате стипендия поднимется до 100 рублей, это немало. И подработать можно в случае необходимости. В институте, в общежитии всегда есть такие возможности. Органы студенческого самоуправления, комитеты комсомола и профсоюз должны помочь студентам найти работу во внеучебное время.

— Геннадий Алексеевич, несколько коротких телеграмм. Вот первый вопрос: почему в справочниках для поступающих в высшие учебные заведения СССР не указаны Московский государственный институт международных отношений, Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы и Академия внешней торговли?

— В наших справочниках нет Академии внешней торговли — это второе образование, нет и ряда других учебных заведений... Это связано с тем, что там особые условия приема.

— Какие льготы предусматриваются для инвалидов, прикованных к постели годами, но желающих получить высшее образование?

— Специальных льгот нет. Но если такой человек обращается в Министерство высшего и среднего специального образования своей республики или к нам, то в каждом случае мы стараем-

ЕЛЯХ И НЕ ТОЛЬКО О НИХ

ся помочь. Конечно, если речь идет о выборе профессии, которую можно выполнять, получив образование, будучи хронически больным человеком.

— Будет ли пятидневная система обучения?

— Не планируем.

(Если бы я был министром, то один раз в месяц по специальной программе выступал бы по телевизору перед студентами. Пусть бы с экрана прозвучало: «Студенты, ваши предложения по улучшению высшей школы, пожалуйста, присылайте». Авторов интересных, пусть и спорных предложений вызывал бы для участия в самой передаче. А передачу прямым эфиром — зрителю. Была бы польза. Виктор Карюкин, студент МГУ.)

— Ваше отношение к совместительству в институтах. Хорошие практики должны преподавать?

— Все верно. Полностью разделяю эту точку зрения. Мы за совместительство. Ведущие инженеры, конструкторы, люди, хорошо знающие производство, должны и могут учить тому, что знают сами. Без них высшая школа будет задыхаться. Чтобы привлечь специалистов в высшую школу, мы существенно подняли заработную плату почасовикам.

— Не следует ли при аттестации преподавателей учитывать мнение студенческой группы?

— А оно учитывается. Разработана краткая методика проведения опроса «Преподаватель глазами студента». Только делать это надо тактично.

— Что вы можете сказать о расширении участия студентов в управлении высшими учебными заведениями?

— Министерством совместно с секретариатом ВЦСПС и секретариатом ЦК ВЛКСМ принято постановление «О первоочередных мерах по расширению участия студентов в управлении высшими учебными заведениями». В этом постановлении говорится о значительном расширении прав студентов, расширении демократических начал. Так, например, одна четверть ученого совета института должна быть из студентов.

— Ваше отношение к укрупнению кафедр?

— Если есть научная школа на кафедре, нужно стараться ее сохранять. А если нет научной школы и лучше две специализации соединять в одной кафедре, то так надо и делать. Тут надо действовать не по приказу, а по здравому смыслу.

— Ваше мнение о кураторах групп?

— У кураторства есть, конечно, положительные качества — взрослый опытный человек в молодежном коллективе. Но мы этим снимаем ответственность со студентов. Это неправильно. И нужно убрать дежурных преподавателей из общежитий. Это унижает и для преподавателя, и для студента. Пожалуйста, пусть в общежития преподаватели ходят в гости, с лекциями, с семинарами, но не с повязками.

— Ваши пожелания абитуриенту, студенту и выпускнику.

— Абитуриенту я пожелал бы правильного выбора профессии, вуза. Студенту — хорошо учиться, а выпускнику — найти свое место! Счастье — это когда человек полностью реализует заложенный в нем потенциал!

— Геннадий Алексеевич, телеграмма короткая, но вопрос интересует многих: «Зачем ректору, декану вторая должность — работа заведующим кафедрой?»

— Странный вопрос. Ректор, декан — это не просто администратор, руководитель, это и исследователь. Если такого человека, говорю о профессоре, чей вклад в науку очевиден, только деканом назначить, ректором, отобрав у него возможность заниматься наукой, то это же для него наказание. Хороший ректор должен обязательно, как, впрочем, и декан, вести педагогическую и научную деятельность. Как это так — только декан, только ректор! А вот чтобы ректор мог направлять, возглавлять институт, а в то же время был освобожден от мелочей, ему полагаются заместители: по научной части, хозяйственной, учебной работе... Хороший ректор — это мое убеждение — непременно хороший преподаватель, руководитель кафедры. Хотя, допуская, можно быть ректором, вести цикл лекций, но при этом не быть заведующим кафедрой. Все решает конкретная обстановка.

— Когда будет произведено точное нормирование второй половины рабочего дня преподавателя? Речь идет, видимо, о том, что у профессорско-преподавательского состава массу времени отнимают заседания кафедры, методические совещания...

— Мы никаких норм по этому поводу давать не будем. Как планировать вторую половину дня — дело каждого. Сколько профессору нужно часов для занятий в библиотеке? Сколько понадобится времени для написания научной статьи? Сколько потребуются сил для проведения того или иного эксперимента?..

— Вот телеграмма: «Закончила институт. Школу не терплю. Распределяют в школу. Помогите!»

— Ничем помочь не могу. Распределение есть распределение. Когда человек поступал, скажите, он что — не знал, на что идет, чем предстоит заниматься после окончания педагогического института?

— Много телеграмм было об общежитиях: жить в них тяжело, самих общежитий мало. Все сводится к одному вопросу — когда же решат проблему общежитий. К этим телеграммам примыкают и вопросы о семейных общежитиях. Одновременно, Геннадий Алексеевич, я хотел бы поговорить о проблемах, связанных с материально-технической базой высшей школы...

— В ближайшие пятнадцать лет нам предстоит построить учебно-лабораторных зданий общей площадью примерно 18 миллионов квадратных метров. Мы планируем в четыре-пять раз сократить цикл переоснащения учебного процесса оборудованием, собираемся создать новые крупные объекты коллективного пользования — межвузовские центры обслуживания научных исследований. Конечно, хочется, чтобы каждый институт имел благоустроенное общежитие, чтобы каждая студенческая семья располагала комнатой. Но думаю, что многие институты и местные власти должны в этом направлении проявить больше инициативы. Можно и нужно строить хозяйственным способом. Мы это всячески поддержим. Я за то, чтобы в каждом общежитии было настоящее студенческое самоуправление.

— Довольно трудная, как мне показалось, телеграмма: «Учим иностранный язык в школе, учим в институте, а в результате — не знаем. Как быть?»

— Да, действительно трудный вопрос. Для огромного большинства выпускников триста часов, которые отводятся для изучения иностранного языка, — бросовое время. Время уходит, а знаний нет. Что делать? Увеличить количество часов мы не можем. Сконцентрировать изучение на первом курсе не позволяют другие предметы. И мы решили пойти на эксперимент. Медицинским институтам разрешено перевести иностранный язык на факультатив. Кто хочет, пожалуйста, занимайтесь. Будет на одного преподавателя три студента — и хорошо, пусть занимаются три. Конечно, кто думает об аспирантуре, куда вступительный экзамен по иностранному языку обязателен, кто планирует свою жизнь в науке, тот сам для себя должен решить, как он будет относиться к этому предмету.

— Ваше мнение о системе повышения квалификации у преподавательских кадров?

— Это сложный вопрос. То, как происходит повышение квалификации наших кадров сегодня, — недопустимо. Вызывают людей в Москву на курсы повышения, но эти командировки для многих превращаются в дополнительно оплачиваемый отпуск, используемый для покупок, посещения культурных мероприятий. Должна быть стройная система, чтобы повышение квалификации было действительно повышением квалификации.

— Многие аспиранты не защищаются. Как быть?

— А никак. Не надо предъявлять никакие претензии к научному руководителю. Получилась диссертация — хорошо. Не получилась — ничего страшного. Мы уже пришли к тому, что научный руководитель под давлением ректора, ученого совета, порой парткома чуть ли не диссертацию за своего аспиранта пишет. Это никому не нужно! Ни аспиранту, ни стране.

— Что будет нового в кадровой политике Минвуза?

— Мы вводим конкурсную систему переизбрания. Подчеркиваю — конкурсную. Мы совершенствуем переаттестацию преподавателя. Раньше ВАК занимался присуждением звания доцента и профессора. Теперь это в ведении Минвуза СССР.

— Геннадий Алексеевич, два вопроса, связанных между собой. Первый — когда прекратят привлекать на сельскохозяйственные работы студентов; второй — о деятельности студенческих строительных отрядов, в которых, судя по почте, в последнее время возникает много разного рода конфликтов.

— Начну со студенческих строительных отрядов. Их нужно сделать профессиональными: строителям — строительные, медикам — медицинские, педагогам — педагогические. Мы должны пересмотреть практику студенческих строительных отрядов, вернув им принцип добровольности.

А самое главное — не должно быть бесплатной работы. Студентам должны платить деньги!

Мы собираемся изменить график обучения в педагогических институтах, чтобы летом вожаками могли работать студенты. 700 тысяч пионерских вожаков в стране работают ежегодно. Отвлекаются лучшие рабочие, инженеры. Им сохраняется заработная плата лишь для того, чтобы они работали пионерскими вожаками. В то же время у студентов педагогических институтов нет возможности работать в лагерях — они работают на стройках. Мы собираемся многое изменить в этом отношении и в сельскохозяйственных институтах, чтобы они были ближе к производству, жизни села.

Привлечение студентов на сельхозработы — мера временная. Опыт Таджикистана, где не привлекались студенты в прошлом году, — положительный опыт. И я обращаюсь к общественным организациям, администрации институтов: изымайте деньги за работу у хозяйств, овощных баз. Пусть товарищи считают, пусть думают о том, во что обходится привлечение студентов к сельскохозяйственным работам...

— Довольно категоричная телеграмма: «Когда устранят несоответствие программ школ и требований при поступлении в институты?» С этой телеграммой переключаются письма о репетиторстве. Ваше мнение по этому поводу?

— Заявляю официально: никакого несоответствия программ школ и требований вступительных экзаменов нет и быть не может. Если это где-то есть, то это очень серьезное нарушение.

О репетиторстве. Закон об индивидуальном труде его разрешает. Было бы хорошо, если бы студенты занимались репетиторством: и подработать можно, и кому-то помочь овладеть знаниями, свои педагогические способности развить. Конечно, мы должны расширять сеть консультационных пунктов, подготовительных курсов, выпускать больше учебных пособий для самостоятельных занятий. Словом, сделать все возможное для того, чтобы каждый абитуриент имел возможность подготовиться к поступлению в институт.

— Ваше отношение к критическим публикациям в прессе. Телеграмм на эту тему пришло много. Вот только три примера: «Каждый день ругают высшую школу. Прекратите это безобразие. Подрыв авторитета недопустим», «Пишут, пишут, пишут — есть ли реальный результат, какие меры принимаются по критическим публикациям», «Высшая школа нуждается в помощи. Массовые средства информации ставят вопрос остро. Ждем результата!»

— Наше отношение к критическим публикациям в прессе деловое. Надо привыкать жить в условиях демократии. Порой бывают спорные публикации, но ведь в споре, как известно, рождается истина. Я считаю, что пресса — наш союзник, к ней так и относиться. Внимательно читаю центральную прессу, слежу за журналом «Студенческий меридиан». Недавно я довольно долго говорил с Юрием Ростовцевым, редактором этого журнала. Намечена интересная программа, и, мне думается, именно в этом журнале надо ставить наиболее актуальные проблемы студенческой жизни. О литературе, искусстве, спорте пишут во многих изданиях. А вот студенческий журнал у нас один. И в нем нужно больше писать о студентах и студенческих проблемах.

— А почему бы не собрать все предложения по высшему образованию, советы, рекомендации студентов, ученых, которые были опубликованы в печати, звучали по телевидению, радио, и поставить задачу все ценное обязательно, как бы трудно ни было, воплотить в жизнь?

— Очень хорошее предложение. Демократия и заключается в таком отношении к предложениям. Давайте и мысли, высказанные в этой беседе, считать поставленными на обсуждение. А следующая беседа — после новых писем...

Беседу вел
Владимир ШАХИДЖАНЫН.

В самом конце поездки по Китаю нас подвезли к Великой стене. Невероятное, циклопическое сооружение, бегущее по вершинам невысоких гор, отъединяющее Китай от человечества. Рассказать о нем? О том, как немислимо трудно взойти к стене, как ее сегодня отстраивают для туристов, собирая реставрационные средства среди китайцев во всем мире: «Это наши с вами общие предки строили!». Начать с этого?

Или начать с рассказа о знаменитой, самой большой в мире, пекинской площади Тяньаньмынь, что в переводе означает Ворота Небесного Спокойствия. Над Небесными Вратами висит портрет покойного «великого кормчего» Мао Цзэдуна, который глядит прямо перед собой на собственный мавзолей в противоположном конце площади. Между портретом и мавзолеем высится памятник Народным героям, почти сорокаметровый обелиск с патетическими фигурами с двух сторон. Здесь же дом Всекитайского собрания народных представителей, Музей истории Китая. С этой же площади — прямо под портретом Мао — парадный вход в Гугун — бывший зимний дворец китайских императоров, а теперь — комплекс музейных зданий, рассеянных в парке за стеной.

Но самое интересное на Тяньаньмынь — человеческий океан. Движущийся — на велосипедах, пешком, как угодно; скапливающийся вокруг улочных фотографов и экскурсоводов; просто гласящий.

Огромно желание — постоять здесь подольше, среди величия и суеты столицы населеннейшего государства на свете. Но еще более велико желание уйти с площади для парадов туда, где люди повседневно работают и живут, понять все, что удастся понять за полмесяца.

За этим и ехали.

Китай стремительно меняется, пытается сохранить свою традиционность; Китай демократизируется, полутно сокрушая попытки «буржуазной либерализации»; Китай улучшает отношения с нашей страной и не забывает о старых конфликтах. Все вместе. И тем не менее о Китае писать интересно — на глазах все это меняется и вершится — будто волна за волной катятся по океанской глади.

**Виталий КОРОТИЧ,
Д.М. БАЛЬТЕРМАНЦ (фото),
специальные корреспонденты
«Огонька»**

**МОЖЕТ БЫТЬ,
МЫ ЧЕГО-ТО И НЕ УВИДЕЛИ.
ПРОГРАММУ ПОЕЗДКИ
ДЛЯ КОРРЕСПОНДЕНТОВ «ОГОНЬКА»
СОСТАВЛЯЛИ КИТАЙЦЫ, И МЫ
НЕ ВЫХОДИЛИ
ЗА ПРЕДЕЛЫ ТОГО,
ЧТО НАМ ПРЕДЛАГАЛИ ПОСМОТРЕТЬ.
НАДО СКАЗАТЬ,
ЧТО ПРЕДЛАГАЛИ НАМ МНОГОЕ
И С ДОСТАТОЧНОЙ ОТКРОВЕННОСТЬЮ.
ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ,
ЧТОБЫ ЧИТАТЕЛИ «ОГОНЬКА»
ОЩУТИЛИ ОТКРОВЕННОСТЬ ХОЗЯЕВ
И ОТКРОВЕННОСТЬ ГОСТЕЙ —
ВСЕ ВЕДЬ УСТРАИВАЛОСЬ ДЛЯ ВАС,
УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ.
ИТАК:
КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
ИЮНЬ — ИЮЛЬ 1987 ГОДА.**

ственный гимн старой Германии, оставшийся гимном ФРГ.

Позади в сто струй хлестал роскошный фонтан с неизмерно роскошными фигурами в центре; в разноцветных клетках пели птицы; счастливые дети, свободные от музицирования, вели хоровод. Родимая наша советская показуха оживала в ее китайском варианте, и нельзя было не думать о том, сколько уже научились мы друг у друга — хорошему и плохому.

Только что мы проехали по этой подпекинской деревне, где, как во всех китайских деревнях, людей на улицах не было — все трудились в поле или на фабрике, шьющей халатики и легкие летние платья для универмагов ФРГ (время от времени приезжают заказчики, для которых и разучен гимн на аккордеонах).

Когда, повинувшись строгому распорядку, мы выходили из детского сада, в ворота уже входила новая группа иностранцев, и музыкальные дети поправляли инструменты, как заправский военный оркестр.

— Это у вас везде так? — спросил я у переводчицы Чжэн Яохуа.

— Ну что вы, — ответила та. — Это мы вам показываем самое лучшее. Здесь по нескольку десятков зарубежных делегаций в день бывает...

— А как на самом деле?

— У нас китайская специфика, — сказала переводчица Чжэн. — Здесь надо все воспринимать как есть. Иначе запутаетесь, и многое вам покажется совсем непонятным.

Выйдя следующим утром на центральную пекинскую улицу, мы вспомнили эти слова.

Утренний город и вправду выглядел странно. Не то чтобы он был совсем тих, но многое казалось непривычным, потому что велосипедный поток был густ и почти бесшумен — голоса не долетали с молчаливого полотна велогонки. Я разглядывал катящуюся в обе стороны человеческую волну, думая, что китайские велосипедисты столь заметны не только потому, что их вообще много. Их еще относительно много. В стране сегодня один автомобиль приходится на четыре тысячи населения; на те же статистические четыре тысячи китайцев — восемьсот велосипедов. Если в ФРГ или США количество автомобилей и велосипедов примерно равно — один на двух граждан; если у нас

ЖИЗНЬ КИТАЙСКАЯ

В процессе обновления сложились четкие правила почти на все случаи жизни. Может быть, и не на все до единого, но кое-что надо обязательно знать. Хотя бы усвоить основополагающий факт, что в Китае можно критиковать все что угодно, но нельзя при этом нарушать «четыре основных принципа». А именно: нельзя сомневаться в социалистическом пути развития Китая, в демократической диктатуре народа, в руководстве Коммунистической партии, в истинности марксистско-ленинского учения и идей Мао Цзэдуна. Перечисляя в том порядке, в котором эти принципы должны наизусть знать каждый. После студенческих волнений в конце прошлого года принципы формулируются и напоминаются постоянно как барьер, за которым ядовито колышутся болота буржуазного либерализма. Во всяком случае, студенты, о которых в официальных документах говорится, что они «повреждали общественную собственность, поджигали транспортные средства и продавали конфиденциальную информацию иностранцам», впрямую обвиняются в забвении указанных принципов.

Мы, корреспонденты «Огонька», не собирались нарушать китайские законы и правила и не советовали этого делать другим. Сама возможность побывать в Китайской Народной Республике была столь дорога и важна нам, что агентство Синьхуа и журнал «Ляован», взявшие на себя заботу о путешествии представителей «Огонька» по стране, получили в свое распоряжение на полмесяца визитеров столь же любознательных, сколь послушных. И заметки эти начинаю с благодарности всем, организовавшим огоньковское путешествие по КНР. От первого дня до последнего. От самого первого нашего визита в детский сад под Пекином.

...Дети играли на аккордеонах. Великолепно одетые маленькие мальчики и девочки с богато инкрустированными большими аккордеонами.

Другие дети разучивали марш шотландских стрелков на установленном здесь же, рядом с аккордеонистами, фортепьяно, а третьи дети пробегали мимо нас туда-сюда, нежно прижимая к себе скрипки. Такой детский сад вполне мог функционировать в одном из давних наших фильмов, скажем, «Кавалере Золотой Звезды» или «Кубанских казаках», потому что после этого посещения сомневаться в том, что предъявленные нам дети и взрослые самые счастливые в мире, было бы просто неприлично.

Дети решили сделать нам приятное еще раз. Они дружно двинули аккордеоны, грянув государ-

в Тбилиси 90 личных автомобилей на тысячу жителей, а в Москве — 50, то в сегодняшнем Китае частных автомобилей практически нет и двухколесный транспорт преобладает со всей категоричностью гегемона. Китайская специфика...

Надо сказать, что на самые сложные вопросы в Китае существует ответ, который дают, не задумываясь. Мальчишка под колесами автобуса шмыгнул через улицу, в городах почти нет птиц, законом запрещено держать собак и кошек, замалчиваются преступления полпотовского режима, не поощряются ранние браки, в субботу рабочий день. На все один ответ: «Китайская специфика!».

Детский сад под Пекином.

Первое знакомство...

Улица утреннего города.

СПЕЦИФИКА

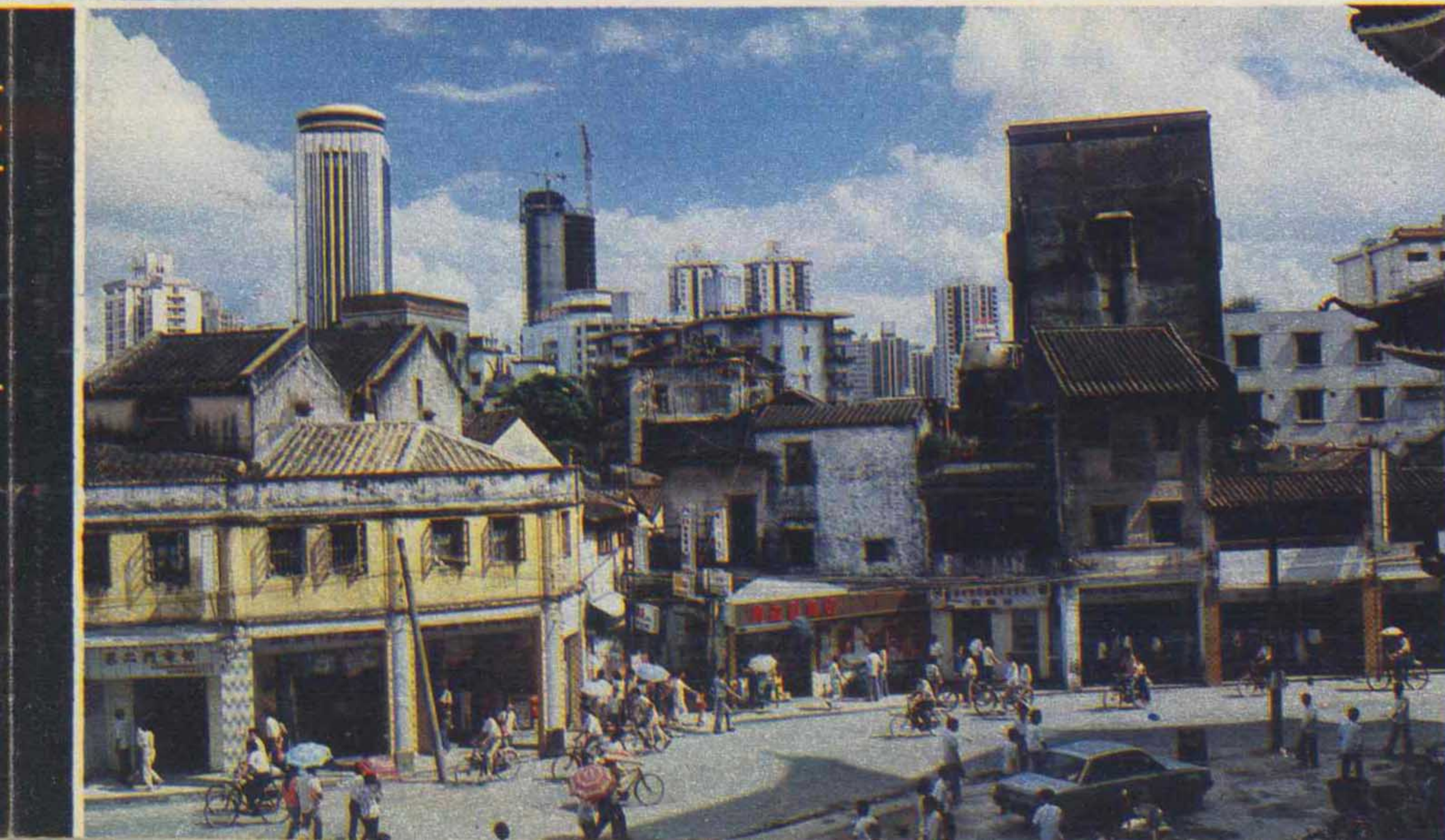

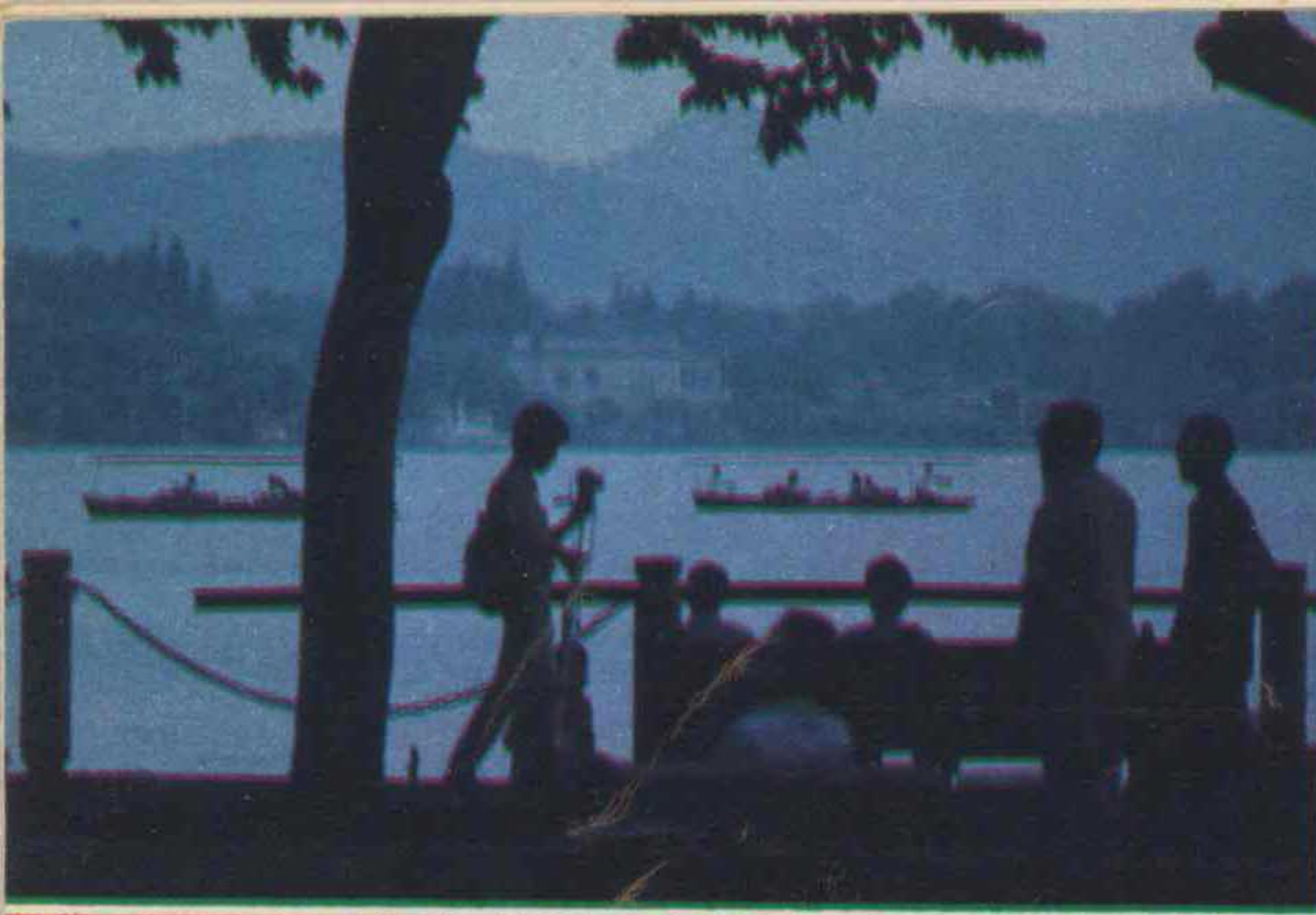
За пятилетку Шэньчжэнь превратился из поселка на двадцать пять тысяч жителей в шестисоттысячный город. Строительство продолжается.

Привокзальная площадь. Пришел поезд.

Последние здания бывшего поселка Шэньчжэнь.

Внутренний дворик гостиницы в Гуанчжоу.

На этой странице — маленький калейдоскоп из фотографий.

Вечереет... Многолюдно становится на озере в городе Ханчжоу.

В скалах вырублена скульптура «Смеющегося Будды». Здесь всегда очередь желающих сфотографироваться.

Отсюда хорошо виден новый город Шэньчжэнь.

Улица — часть квартиры.

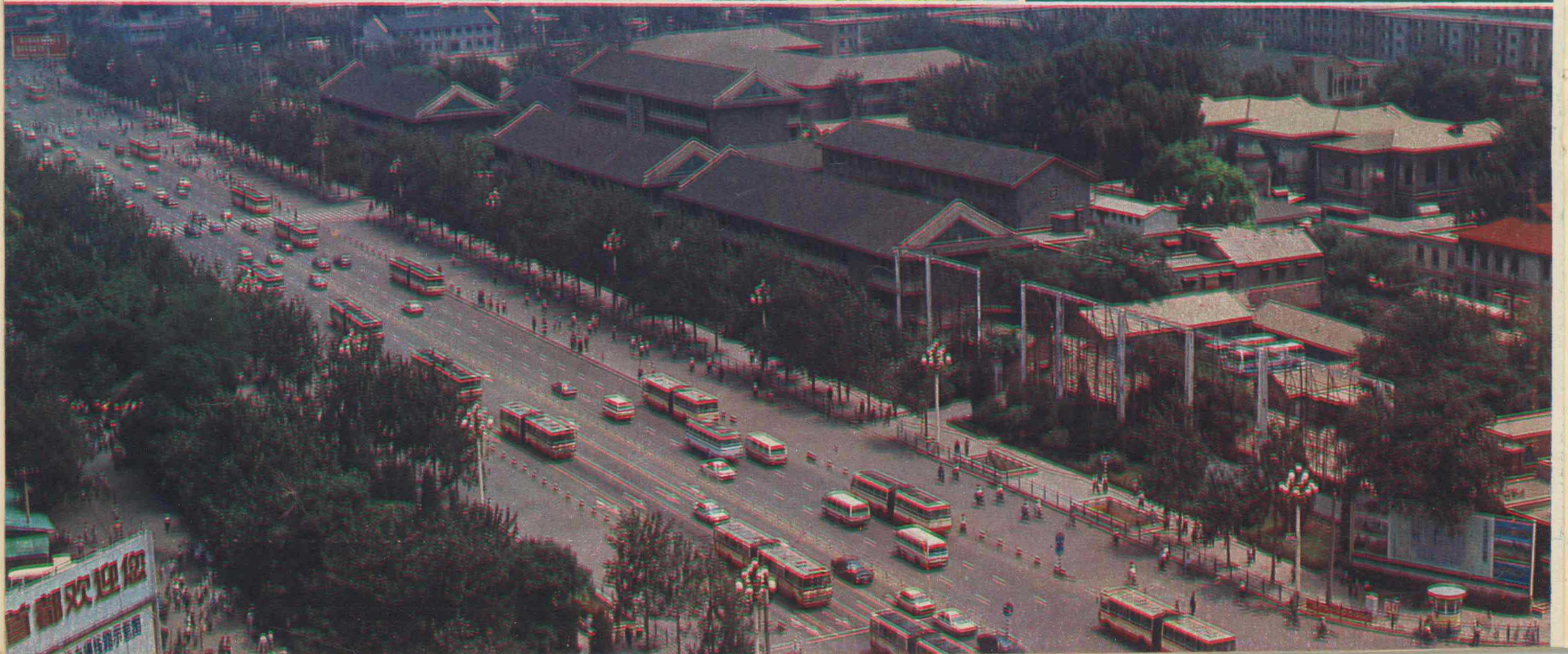
Личи — сладкий, сочный фрукт — товар этой крестьянки.

Свадьба.

Золотые рыбки в пруду.

Нункоу. Идет отправка кабачков и помидоров в город.

Центральная магистраль китайской столицы.

Спросите, почему в Пекине нет горячего водоснабжения в жилых домах: «Китайская специфика!». Поинтересуйтесь, почему в государственном ресторане так много официантов и они работают так медленно: «Китайская специфика!».

Впрочем, существует и наша собственная специфика. Желая кому-нибудь сделать приятное, мы зачастую примеряем собственные критерии благополучия к чужой жизни. В конце июля в уважаемой московской газете я увидел фото автомобиля бамперов над неведомо какой мостовой и подпись: «Автомобили различных марок и автобусы постепенно вытесняют с центральных улиц Пекина велосипедистов». У меня в руках данные, распространенные китайскими официальными источниками информации в начале этого года, гласящие, что энергетические и производственные возможности Китая не позволяют ему сегодня принять автомобиль как главное транспортное средство. Там же с гордостью сообщается, что в Пекине наибольшее в мире число велосипедов, а через центральные перекрестки Пекина проезжает до пятисот велосипедистов в час.

Может быть, и на самом деле не стоит навязывать китайцам собственные представления об удобстве. Приглядеться бы и вдуматься...

Многие наши стандарты и вправду не имеют никакого отношения к сложившимся на сегодня в Китае и, говоря «бедно», «богато», «мало», «много», «тесно», «просторно», следует оглядываться не только на собственные, но и на чужие эталоны. Поворотливые австралийцы, к примеру, из китайской прессы выловили нотку беспокойства в разговоре о том, какие нужны будут автомобили на улицах КНР, и в то же время тоску по отсутствию места для стоянок и недостаточной выработке бензина. Вскоре был представлен на выставках и сейчас активно рекламируется австралийский автомобильчик, что так и зовется — «Китай». Он два с небольшим метра в длину, очень дешев, способен работать не только на нефтепродуктах, но и на растительном масле и съедает всего около пяти литров горючего на сто километров пути. Автомобильчик способен перевезти за раз до полутора тонн груза... Если уж изобретают для Китая, то автобусы почти без сидячих мест, проекты жилых домов с коммунальными удобствами вне квартиры, поезда без спальных вагонов. Тесно.

Нельзя иметь больше одного ребенка в семье. Строго наказывают за второго ребенка и очень строго за третьего, но все равно — тесно.

Изменяющиеся стандарты Китая подвигают изобретателей на выдумки подчас немыслимые — некоторые из таких выдумок направляются попытками подогнать чужую и совершенно непохожую жизнь под собственные ответы. И когда, например, народная власть разрешила кое-где использовать труд велорикш, пытались разрешить этим проблемы транспорта и занятости в одно время, не надо уверять, как любят это делать журналисты на Западе, что идет реставрация старых порядков. Специфика...

В Китае многое программируется если не на вечность, то на очень долгие времена. Причем зачастую сроки сразу же называются довольно продолжительные. Почти ничего не обещают к сегодняшнему вечеру или на завтра. В лучшем случае к следующему тысячелетию. Даже борьбу с буржуазным либерализмом Дэн Сяопин объявил как задачу по крайней мере на все будущее двадцатилетие. Китайские терпение и систематичность вошли в поговорку; незабываемый здесь кошмар культурной революции запомнился еще и как резкое нарушение ритма, расщепление вечности. Когда более чем миллиардный народ, пока еще очень разный по культурному, имущественному, образовательному уровням, начинает шевелиться, расправлять плечи, он должен делать это аккуратно не только в собственных интересах, но и в интересах всего человечества.

Сразу же подчеркну, что мы в собственном отношении к чужой жизни, в частности к жизни китайской, не всегда достаточно терпеливы, рассудительны и вдумчивы. После периода немыслимой любви с повседневым распеванием песни о том, как «Сталин и Мао слушают нас», начался период едва ли не полного отсутствия информации о Китае, да и события на Даманском взаимопониманию не способствовали. Сейчас можно услышать новые порции восторженных мнений — даже о будто бы свершившемся в Китае разрешении тех проблем, на которые мы еще только замахиваемся.

Поспокойней бы надо, без торопыжества. Китайцы, если иметь в виду отношение к СССР на разных уровнях, включая государственный и особенно партийный, явно не разделяют возродившегося в нас массового желания подружиться с ними беззаботно и насовсем. Только лишь прочерчиваются возможные пути улучшения отношений, луч-

Деревня
возле
Ханчжоу.
Секретарь
партийной
организации
Чэн Цзююань.

шего взаимопонимания в разных сферах. Заместитель министра иностранных дел КНР Цянь Цичэнь, принимая нас, был очень радушен, вспомнил о годах давней своей учебы в Москве, говорил о стремлении делать все для улучшения отношений между нашими великими государствами. Но в то же время призвал к реализму: «Китай еще не решил очень многих своих внутренних проблем. Да и с вами, Советским Союзом, мы только вступаем в обсуждение сложнейших вопросов, среди них — пограничного. Между нами есть разногласия, они будут преодолеваются в дискуссиях, но есть и противоречия. В Кампучии, например, наши страны фактически являются противостоящими сторонами в военном конфликте...»

Мы не спорили. Тем более, что на вопрос о событиях в Кампучии, о преступлениях полпотовцев практически никто из опрошенных китайцев не мог мне ничего ответить. В лучшем случае в ответ была формула: «В деятельности кампучийских руководителей были отдельные ошибки...». Китайская специфика?

Все-таки прекрасно, что в деревне возле Ханчжоу тамошний секретарь партийной организации Чэн Цзююань заулыбался нам и твердо сказал: «Мы всегда были друзьями, мы должны быть друзьями, и никто нас не рассорит. У нас общее дело, одна цель».

Чэну — 53 года, образование у него трехклассное, так и не довелось поучиться. Но перестройку в родной деревне он представлял нам как большой специалист.

Вначале немного общей информации. Китай — по крайней мере основная масса китайцев — испокон веков жил впроголодь. Поэтому сытый китайский дом, богатый китайский стол — понятия, отличающиеся от наших. Рис, основной и самый авторитетный продукт питания, в стране рационализуется. Работник агентства Синьхуа (это очень высокая ступенька в китайской идеологической иерархии) получает в месяц четыре килограмма риса, сталевар — пять килограммов. Остальное можно докупать по коммерческим ценам. Считается, что этого предостаточно. Газеты помещают письма людей, возмущенных тем, что в китайских интуристических ресторанах после трапез на столах остается слишком уж много, и требуют убавить расточительность. Ведь четыреста статистических килограммов валового урожая зерна на каждого китайца — задача еще не достигнутая, а по всем мировым нормативам это такой минимум, что и говорить об избытке не приходится.

Поэтому, когда парторг Чэн Цзююань, улыбаясь, рассказывал о том, что каждый крестьянин в их деревне постоянно имеет свою чашку риса в день, он почти хвастался. Живущие впроголодь в Китае есть и сегодня, но не в деревне Нункоу...

В течение многих лет здесь так-сяк, но действовала сельскохозяйственная коммуна, одна из пятидесяти с лишним тысяч таких коммун, некогда имевшихся в стране. Выращивали овощи, ловили карпов в пруду, собирали не большие, но и не трагически малые урожаи риса. В общем, перебивались. Когда в 1979 году, после Пленума ЦК КПК был рекомендован подворный семейный подряд, а со следующей весны он начал понемногу внедряться на китайских полях, в коммуне Нункоу решили сначала от перемены отказаться. Во-первых, и так жили, а во-вторых, избыточное доверие к идущим сверху быстротекущим реформам у крестьян угасло. По-старому держались до 1981 года, тем более что в отличие от силового нажима при создании коммун теперь их никто силой не ликвидировал. Но постепенно крестьяне начали понимать, что, по выражению Чэна, «они могут быть не только производителями, но и хозяевами». Каждому было разрешено на отведенном ему наделе выращивать что угодно и где

угодно продавать выращенное. Впрочем, по некоторым овощам деревню ограничили: их разрешают везти подальше только после того, как власти близлежащего Ханчжоу сочтут свой рынок насыщенным. Но проблемой это не стало.

Итак, выращивают кто что пожелает. С государством рассчитываются деньгами, налог устанавливается в зависимости от земельного надела. В среднем на двор приходится по два му — это около 0,14 гектара. Раз в два года распределение земли пересматривается — участки бывают первой и второй категории, это зависит от плодородия. Дворы могут, по договоренности, объединять наделы, могут перекраивать, выделяя взрослых детей. Раз в три года прирезают землю молодым, это предвидели.

Любую технику и любые материалы — от трактора до шифера — можно купить, были бы деньги. В местной лавке огромный выбор товаров крестьянского, так сказать, ассортимента — от гвоздей и граблей до косилок, мотоциклов и труб, глаза разбегаются. Причем никакого ажиотажа; два мужичка сторговали асбестовую трубу, расплатились и зашагали по делам — это все за десяток минут в нашем присутствии.

В стране достигнут разумный баланс между крупными и мелкими производителями, снабжение сельских лавок ведется по конкретным контрактам, а не обязательно лишь через громоздкую централизованную машину, нормирующую из столицы распределение кастрюль по деревенским лавкам. Парторг как само собой разумеющееся сообщил нам, что они охотно идут даже на простейшие договоры с производителями: «Мы вам кабачки — вы нам гайки». Действует. Люди лучше работают, видя немедленную и конкретную выгоду от своего труда.

Крестьянин в Китае стремится заработать побольше. Впрочем, так же, как рабочий, журналист или ученый. И крестьянин может заработать — был бы урожай. Цены высоки, но приобрести можно все, что угодно: от японской бытовой техники, телевизоров, магнитофонов до любых сортов мяса и рыбы. Цены реальные: килограмм хорошего мяса — около 8 юаней, курица — 6 юаней за килограмм, ветчина — 9 юаней, рыба в зависимости от сорта, есть очень дешевая. Белый батон — 2 юаня, килограмм арбуза — вдвое дешевле. Холодильники — больше тысячи юаней, но в Шанхае я видел очередь за дорогими японскими холодильниками. С тех пор, как инициатива стала не преследоваться, а оплачиваться, у людей

Жители Нункоу прирабатывают на производстве: в деревне делают телефонные коммутаторы.

появились деньги, хотя на среднюю зарплату рабочего не разбежишься. Проблема не в том, где купить, а как заработать.

Выбравшись из недавних нищеты и беды, китайцы стараются жить по средствам, рассчитывать силы на много лет вперед. Умения и желания трудиться в народе хоть отбавляй. Почуввав возможность проявить инициативу и пожать ее плоды, люди стараются. Они еще не научились массово ощущать глобальные проблемы, но со своими справляются как могут.

О Советском Союзе, о наших реформах в деревне знают немногие — читать некогда, а по радио не слыхали. Поэтому двое советских вызвали в деревне интерес у всех. Праздничного привычного общения, правда, не было: все работают, остановиться и порассуждать некогда. На 4124 крестьянина в деревне только семь управленцев, у каждого из которых все равно есть по огороду. Люди подходили, почтительно здоровались, улыбались и тут же мчались по делам. С нами все время находились только парторг и его заместитель Цин Шэнфань. С ними же пришли мы в огромное овощехранилище, недавно выстроенное общиной за триста тысяч юаней. Кабачками и по-

мидорами загружался грузовик на север, в город Цзудянь. На вопрос: «А откуда вы знаете, почему кабачки в Цзудяне?» — Чэн пожал плечами: «Нам и официально помогают сориентироваться, и сами мы агентов содержим. Дело серьезное...»

В месяц крестьянин может заработать от ста юаней и больше. Можно еще прирабатывать на производстве: в деревне делают телефонные коммутаторы и корпуса для холодильников. Рабочий день начинается в полдень; поработав на грядке, вполне можно успеть. Те, кто вовсе уходит в недалекий отсюда Ханчжоу и устраивается на тамошнем предприятии, имеют право сохранить за собой около семи соток. Небольшой надел — да твой. Тем более что прописки отходники не меняют, в Китае прописки вообще меняются трудно и редко. Маленькое красное удостоверение, свидетельствующее, где ты живешь и где работаешь, — одно навсегда. Работу не меняют, место жительства тоже. Так было всегда.

«Почему вы думаете, что жителям Нункоу не надоест выращивать овощи? — спрашиваю у Чэна. — А вдруг им надоест у земли трудиться?» «Как это надоест? — удивился парторг. — Здесь овощи выращиваются уже две тысячи лет, все знают, как делать это, и — ничего больше. Во-вторых, люди хорошо зарабатывают».

Я же вам уже говорил — в Китае иные представления о времени. Почти на любой вопрос здесь отвечают с точки зрения вечности.

Крестьяне строят высокие узкие дома — в два и даже три этажа для одной семьи. Дома кирпичные, крепкие, с цементными полами; деревья в стране не хватает, и поэтому паркет — для залов официального приема и гостиницы китайского «Интуриста». Зато с кирпичом все в порядке: поражают гигантские, циклопические заборы, настоящие кирпичные стены, которыми огорожена каждая делянка. Стены не символические — каждая высотой метра в два. Кажется, в стране жилищная проблема решилась бы сама собой, если бы все кирпичные заборы водрузить вертикально и прорубить в них окна. На многократно заданный вопрос о смысле таких монументальных оград ответ был традиционен: «Китайская специфика!». Так ответил и Чэн.

К счастью, в китайскую специфику входит удивительная прилежность в труде, хирургическая чистота в жилье и возле жилья, умение получить с земли достойное вознаграждение за труд. К непривычной для нас специфике относится тот факт, что каждый пятый китаец неграмотен, что медицинская помощь несовершенна и по преимуществу платная, хотя часть расходов покрывает страховый фонд. Ко многому здесь надо привыкнуть, и ничего не следует машинально измерять на свой аршин. Парторг Чэн водил нас по своему трехэтажному дому, рассказывал, как взял в банке кредит на двадцать шесть тысяч юаней и теперь в течение многих лет будет выплачивать его вместе с процентами. На цементном полу стоит японский телевизор и рядом с ним стереосистема, рядом с колченогим кухонным столом — прекрасная стиральная машина и холодильник, а на столе — четырнадцать термосов. Чэн улыбается: «Китайская специфика. Трудности с газом и электричеством. Нельзя кипятить чайник, чтобы израсходовать из него лишь стакан горячей воды, — надо весь кипяток разлить по термосам. Вот почему их четырнадцать».

Китайцы любят повторять, что кот должен ловить мышей. Крестьянин должен хорошо работать в поле. Руководитель должен со знанием дела руководить. Газ и электричество не должны расходоваться зря. Обретая ясность, многие проблемы упрощаются.

Впрочем, при новом способе хозяйствования проблемы тоже возникли. Даже в традиционно рисосеющих районах крестьяне перешли на овощи, так как овощеводство прибыльнее, чем производство зерна. Сразу же резко снизился в стране сбор зерна, во всех директивных материалах замелькал лозунг: «Зерно — основа основ». Производство зерна понемногу удалось увеличить, но стратегическая задача — пятьсот миллионов тонн зерна в год — запланирована выполнением лишь к следующему веку. До этого еще многое предстоит изменить. И в Нункоу, и в других деревнях нам жаловались, что маленькие наделы не дают развернуться, не решают проблем полива, мешают заводить в хозяйстве полноценные семена. Сейчас уже накопился опыт и согласно вновь выдвинутому лозунгу «Землю — тем, кто умеет», по нескольким десяткам наделов срываются в один, появляются крупные производители типа американских фермеров, сразу же добивающиеся хороших результатов, ибо и техника, и полив — все это для больших полей. Но так или иначе Китай уже сегодня при всех своих спецификах прокармливает миллиардное с лишком население. Кое-что даже вывозит. И, ни-

кого ни с кем не сравнивая, просто напомним, что обрабатываемых земель в КНР вдвое меньше против нашего. Кстати, интенсификация земледелия не подвигает китайцев на расширение посевных площадей — они улучшают использование того, что есть. Неорганические удобрения (с опаской, но достаточно широко) и органические (судя по запасу в любой китайской деревне и судя по тому, что пишут газеты, — очень широко) применяются с пользой для дела. «Лучше собрать с узенькой полоски, чем засеять ниву», — сообщил нам все тот же парторг из Нункоу Чэн, разливая по чашкам некое снадобье, оказавшееся при ближайшем знакомстве настоящей из неведомого нам сорта местных слив на рисовом самогоне. То же китайская специфика: здесь пьют очень мало и почти сплошь напитки местные, которые, как и пища, не располагают непривычных к избыточному употреблению. Иностранцев, которым нравится китайская водка, практически не существует. Часто, устно и в прессе, вспоминают, что в пятидесятых годах на приеме в Женеве Чжоу Эньлай угостил Чарли Чаплина рюмкой китайской рисовой водки. «О, это напиток для мужчин!» — якобы сказал Чаплин, и Чжоу подарил ему целую бутылку маотая и еще каких-то спиртных. Это вспоминается как курьез. Добродушных легенд о людях, любящих выпить, в китайском фольклоре не существует. Все надо в меру. Все не спеша.

В неспешном решении китайских культурных проблем возникла еще одна. При подавляющем числе сельского населения и сотнях миллионов людей, не умеющих читать и писать, привычка к настоящему чтению в массах по-настоящему не выработалась. Не пьют, но и не читают. Впрочем, есть еще чтение упрощенное, требующее знания всего нескольких сотен иероглифов, с большими картинками — оно не снимает неграмотности, а даже усугубляет ее. Это стало проблемой, потому что в условиях индивидуальной инициативы расплодился издатели «книг попроще».

За первое полугодие более десяти миллионов нелегально изданных книг, тысяча с лишним названий, подверглись уничтожению. Но продолжает активно работать более 200 нелегальных издательств и около 40 незаконных типографий. В Пекине два таких издателя, Чжэн Сяошэн и Ли Юн, были отданы под суд лишь после того, как заработали по 140 тысяч юаней. Они издавали литературу, упрощающую и искажающую реальные события...

Впрочем, объяснения, мягко говоря, упрощенные можно встретить и в газетах: здесь то начнут расхваливать пиночетовский режим в Чили, то по старой памяти ругнут нас ни за что. Характерен абзац, который я выписал из пекинской «Чайна дейли» за 3 июля: «На западе провинции Юньнань находится поселок Пайхоу, называемый «Сибирью» из-за того, что он широко известен своими бедностью и отсталостью». Здесь доход на одного жителя около 120 юаней в год, что гораздо ниже государственно установленной границы бедности в 300 юаней. Только что покончил с собой 35-летний мужчина, который понял, что никогда не соберет достаточно денег, чтобы жениться...

Здесь все — и многолетняя дезинформация о России — обидно, и откровенность современной китайской прессы — хорошо, и сложность реальных проблем — трудно. Китайская специфика.

Здесь многое и сложнее и по-другому, чем у нас. Феодализм, из которого Китай начал выходить только в двадцатом веке, отношения, определявшиеся жестокой зависимостью, — все это формировало человеческое сообщество в течение столетий. Да и бытовые условия: сегодня лишь у каждой четвертой китайской семьи есть самые примитивные кухня и туалет; в среднем по стране около десяти квадратных метров общей квартирной площади на жильца. С нами все это несравнимо, мы уже к таким уровням не обещай, а жилой площади подтягиваемся. Собираемся давать каждой семье изолированную квартиру со всеми удобствами еще в этом столетии. В КНР, впрочем, тоже в ходу лозунг: «Лучшие квартиры — к двухтысячному году!». Посоревнуемся...

Система быта, бытовых услуг развивается в Китае очень быстро. Не во всех областях одновременно, но отношение к условиям жизни все серьезнее; столь же серьезно желание улучшить эти условия. Исчезли труппы, в том числе знаменитые шанхайские, бывшие нарицательными во всем мире. Никто уже не живет в джонках на воде, нет бездомных. Да, во многих домах еще спят на нарах, но — в домах, а не на улице, как было несколько десятилетий назад.

Впрочем, в чем китайцы нас превзошли безусловно — это в бытовых услугах для иностранцев. Может быть, потому, что контраст ощутим, может быть, еще почему-то, но перед китайскими отелями можно снять шляпу. Наверняка жил я не в

худших из них, но индустрия сервиса налажена, что называется, по мировым стандартам.

Здесь вообще много пишут и говорят об индустрии сервиса или, как это зовется официально, «третьей индустрии» — после промышленности и сельского хозяйства. То, что начали с иностранцев, дело житейское, нам знакомое, стране нужна валюта. Но дело строится таким образом, что думают в дальнейшем поработать и на себя. Не сегодня, не завтра, но в обозримом будущем — к тому дело идет...

Ли Хунбин, китайский менеджер (так он официально представился) гостиницы «Китай» в Гуанчжоу, показывал нам свои владения. 19-этажный

Ли Хунбин, китайский менеджер гостиницы «Китай» в Гуанчжоу.

уступчатый отель с огромным бассейном для постояльцев и теннисным кортом на крыше четвертого этажа; с «президентским» номером, где есть все — от музыкального салона до сауны, и номерами обычными, но в каждом хорошо работающей кондиционер, телевизор и маленький бар. Однокомнатный номер стоит 50—60 американских долларов в сутки, «президентский» — около двух тысяч. Цены даже чуть ниже мирового уровня. Заселенность обычных номеров — 70%, дорогих — около 20%. Все скалькулировано, включая семь ресторанов, двенадцать залов для приемов и официальную гарантию, что в гостиничном баре есть не менее пятнадцати сортов виски.

Кстати — и это тоже запомнить бы — подобные сведения рекламируются громко и широко. Китайцы умеют и хотят рассказывать о себе. В стране сейчас около семи тысяч рекламных агентств (в 1980 году было десять). Осматривая гостиницу в Гуанчжоу, нет-нет и вспомнишь об этом.

Выстроили гостиницу всего за полтора года. Шесть гонконгских компаний предоставили заем в 125 миллионов американских долларов и подписали договор о совместном владении гостиницей в течение двадцати лет. После этого срока отель переходит в полную собственность КНР, а если Китай выплатит эти самые 125 миллионов с процентами раньше, то в течение двух десятилетий гостиничные прибыли будут делиться поровну между кредиторами и КНР. При ценах и загрузках, которые я упомянул, гостиница за три года уже возвратила 57 миллионов из одолженной суммы. Все идет к тому, что задолго до конца столетия это будет просто предприятие со смешанным капиталом, каких много вокруг. Гуанчжоу стоит на границе так называемой особой экономической зоны, до Гонконга отсюда рукой подать, в городе ежегодно проводятся огромные ярмарки, так что постояльцы найдутся. К тому же в гостинице работает универмаг, торгующий за валюту.

Сказав «торгующий за валюту», я задеваю еще одну китайскую специфику.

Расплачиваясь в магазине, полагается спрашивать, за «народные» или обменные юани идет торговля. А в городе Шэньчжэне у меня не захотели брать платы за очки ни в каких юанях — потребовали гонконгские доллары. «У нас смешанное с гонконгцами предприятие, — сказала продавщица. — Хозяева не желают юаней...».

Так и живут.

Кстати — раз уже к слову пришлось — стоит задуматься, каким образом Китай решил еще одну из наших неодолимых проблем — очковую. Каких только оправ и стекол здесь нет! В стране около четырехсот больших предприятий по производству недорогих и очень хороших

очков. Есть и предприятия со смешанным капиталом.

230 миллионов китайцев страдают дефектами зрения, и еще 90 миллионов носят очки из соображений косметических или ради моды. Рынок огромен, спрос и предложение идут рядом. В гостинице «Китай», о которой пошла речь, прекрасный отдел оптики, где можно купить и заказать практически все, что угодно. Платить в этом случае можно и в народных, и в обменных юанях, здесь валютная чересполосица одолжима.

Но в быту валют несколько — специфика. Народными юанями выплачивают зарплату. В обменных юанях получают любые валютные поступления. В гонконгских долларах рассчитываются в особой зоне у Гуанчжоу и Шэньчжэня. Универмаги «Дружба», где расплачиваются юанями обменными, огромны и стоят на видных местах больших городов. В особой зоне иногда снисходили до того, что считали в кассе два гонконгских доллара за один юань. Всю эту арифметику надо помнить постоянно; китайская жизнь все время детализирует критерии. В универмаге гостиницы «Китай» я купил себе зеленую фуражку с большой красной звездой — их теперь продают как сувениры. Но плату берут в юанях обменных — пусть иностранцы покупают и увозят куда подальше эти вышедшие из моды цацки...

Что касается Ли Хунбина, который в Гуанчжоу является китайским менеджером гостиницы «Китай», то ему и вовсе положена зарплата в американских долларах — так обусловлено контрактом, и зарплата немалая. Самую большую зарплату получает Иохим Бургер, сорокачетырехлетний немец, гражданин ФРГ, генеральный директор «Китай», которого, так сказать, перекупили в филиппинской столице Маниле, где он успешно директорствовал в одном из лучших тамошних отелей.

При открытии гостиницы в Гуанчжоу китайцы подписали контракты со ста девяносто зарубежными специалистами сервиса — из Гонконга и Западной Европы. За четыре года число иностранцев в обслуге уменьшилось до девяноста, зато было подготовлено три тысячи человек персонала из китайцев местных. Тысяча семьсот из них уже в этой гостинице не работают, становясь основой квалифицированных кадров в других центрах туризма.

«Здесь только у троих «железные чашки с рисом», — говорит Ли, — то есть постоянная, с длительным контрактом работа. У остальных в «Китае» чашки керамические, надо держать покрепче, того и гляди уронишь — разобьешь, это контракты на два года, не больше. И мы постоянно приглашаем участвовать в конкурсах на работу у нас людей молодых, со средним образованием и знанием английского языка».

За последние несколько лет двести человек из персонала гостиницы стажировались в США, ФРГ и других странах с развитыми системами бытовых услуг. Все вокруг говорят о грядущем расцвете «третьей индустрии», тем более в особых зонах, где контакты с людьми, привыкшими жить и работать в условиях получше, повседневны. Китайцы начинают учить иностранные языки; русский, к сожалению, позабыт и теми, кто знал его в пятидесятых, английского — не выучили.

Чуть уходишь в сторону от интуристовских троп, где официанты и продавцы кое-как вяжут лыко по-английски, как попадаешь в океан иероглифических ценников, меню и дорожных указателей, где человеку, не разбирающемуся в этом великом и древнем рисованном письме, делать нечего. Несколько раз случалось так, что, взвесив по утрам финансовые возможности, мы просили принести все блюда, заявленные в иероглифическом меню на завтрак. Иначе нам приходилось страдать, как в Шэньчжэне, когда, заказав наугад, мы получили вареные куриные лапы с сахаром и мелко нарезанные кусочки свиного желудка.

Но шаги в мир достаточно универсальный и развитый делаются в Китае со все большей настойчивостью. Сейчас особые экономические зоны уже занимают более пятисот квадратных километров территории страны. Зона вокруг Шэньчжэня самая большая — 327 квадратных километров. Это уже Китай, настуже открытый миру. Впрочем — капиталистическому. Едем туда.

Шэньчжэнь — чистый, светлый, поразительный город, узкой грядой холмов и широким зданием таможни отделенный от стоящих совсем рядом небоскребов Гонконга. Очень загруженный перевалочный пункт между двумя образами жизни, двумя типами экономики. Впрочем, как провозгласил Дэн Сяопин, существует «одна страна — две системы». В 1997 году Гонконг, называемый по-китайски Сянган, сольется с материковым Китаем. Пока что он срачивается с особой зоной.

Не знаю, как будет выглядеть страна этак лет через десять, но один из вариантов ее грядущего существования подробно отработывается на гра-

нице с Гонконгом — Сянганом. Шэньчжэнь был выстроен всего за пять лет — строительные организации КНР проводили и до сих пор проводят торги-конкурсы за право строить здесь, это полигон новых методов строительства и новейшей строительной техники, появляющейся в стране. За плитку Шэньчжэнь превратился из поселка на двадцать пять тысяч жителей в шестисоттысячный город. В этой зоне иностранцы, преимущественно китайцы, живущие за рубежом, так называемые хуацяо, имеют преимущественное право строить очень многое — от заводов до личных вилл с бассейнами. Налоги минимальны, рабочая сила самая дешевая в Азии, в несколько раз дешевле, чем в Гонконге. Вокруг Шэньчжэня зоны отдыха для иностранцев, с ценами намного ниже мирового уровня. Здесь же — прекрасные гостиницы, самый высокий в КНР пятидесятиэтажный дом, здесь же китайский вариант калифорнийского Диснейленда, где вместо механического Микки Мауса посетителям приветствует механический бамбуковый медведь — панда.

Отбор рабочих и служащих в особую зону централизован, въезд — по разрешениям. Зарплата гораздо выше, и жизнь намного удобнее, чем в китайской глубинке, но преимущественное число квартир продается, а медицинская помощь, как правило, платная. Отпусков, как и всюду в стране, нет.

Еще в поезде перед Шэньчжэнем я разговаривал с молодым бизнесменом из Гонконга Барри Чаном. У него с родителями магазинчик готовой одежды, но саму одежду выгоднее шить в Гуанчжоу. Бизнесмен был доволен собой и своим делом, возможность на очень выгодных условиях получать изделия достаточно высокого качества. Он слушал рок-музыку из карманного магнитофона, даже нам дал послушать, чтобы мы убедились, что бывает «рок по-китайски». В глубине КНР рок-музыка не рекомендуется к исполнению и популяризации; последней, охватившей материковый Китай буржуазной музыкальной новацией пока что является музыка диско, а в обиходе обходятся классическими мелодиями, не до бурных ритмов пока что.

Впрочем, если новейшей американской музыки китайцы сами брать не хотят, то с новейшей американской технологией чуть сложнее. Я взял свежий номер пекинского англоязычного «Бэйцзин ревью» и выписал оттуда вот что: «США в течение многих лет задерживали экспорт некоторых видов технологии или выдачу разрешений на некоторые необходимые Китаю виды продукции до тех пор, пока у них не появляется более прогрессивная технология, а технология, закупленная Китаем, относительно устаревает». Многие в КНР начинают понимать все отчетливее, что крупнейшие капиталистические державы мира вряд ли сосредоточатся на помощи в строительстве китайского социализма. Идет совершенно понятная борьба западных и японских фирм за прорыв на внутрикитайский рынок и попытки Китая заработать валюту, вытalkingая эту же продукцию на Запад, где ее без того в избытке. Поэтому хорошо, что автомобильная промышленность Китая ищет пути кооперирования не только с ФРГ, Францией или Японией, но и с Польшей и Венгрией, что впервые за несколько лет советские корабли становятся на ремонт в китайских портах, расширяется

Директор пивоварни «Жемчужная река». Ян Канчен.

объем торговли между нашими странами. Это логично так же, как то, что Соединенные Штаты сократили закупки китайского текстиля. Логика в современном мире очень часто классовая — логика внешней торговли в том числе.

Торговля между странами социализма ведь строится и может строиться не только на чисто денежном расчете, но и на обмене товарами. В начале этого года для строительных организаций Пекина в Польше было приобретено 12 больших цементовозов. За это в Варшаву отправили 490 тысяч китайских трикотажных изделий. Развива-

ется подобный товарообмен и с Чехословакией. В частности, китайская электроника, которой на Запад и в Японию пробиваться ой как непросто, находит покупателей в социалистических странах Европы.

«Больше социализма!» — как четко сформулировано советской перестройкой; и в Китае с нами все больше говорили именно о социалистическом опыте и о том, как самые большие трудности перестройка испытывает, доверяясь партнерам капиталистическим.

Хоть, странным образом, существуют сферы, где без капиталистической помощи ну никак не обойтись. Ни одно из социалистических государств, включая Китай и нашу страну, не может, например, наладить у себя производство прохладительных напитков собственными силами. Пепсикола построила в Шэньчжэне едва ли не современнейший и крупнейший в мире свой завод — на 144 миллиона бутылок и банок напитков ежегодно. Еще 96 миллионов банок-бутылок в год производится в соседнем Гуанчжоу и еще сотни миллионов емкостей — на других предприятиях. Чего-чего, а всех этих кока- и пепси-кол, фанта, се-вен апов и других прохладительных радостей заморской рецептуры в Китае полным-полно. Это гигантская и все развивающаяся индустрия. Мы посетили огромный пивной завод, работающий в сотрудничестве с Францией и Бельгией; рядом с ним построен в кооперации с Гонконгом завод по производству тонкой баночной жести. «Третья индустрия» своеобразно подталкивает первые две, требуя для качественных напитков и продуктов питания качественного зерна (закупают ячмень в Австралии) и ключевой воды (специальные трубопроводы тянутся за много километров), высокой технологии и хорошо подготовленных специалистов. Кстати, здесь-то и сказывается отличный уровень подготовки, полученный теми, кто учился у нас в пятидесятых — начале шестидесятых годов. Долго благодарил нас за советские уроки Ян Канчен, директор пивоварни «Жемчужная река», — он учился у наших химиков и навсегда им признателен. «Что у вас в стране происходит? — спрашивал Ян. — Подробных новостей у нас нет, а смотрел фильм «Вокзал для двоих», пытаюсь понять. Как это — перестройка? Советские уроки для Китая важнее всего...»

Что это я перехожу на разговор о благодарностях и дружеских объятиях? Только что ведь утверждал, насколько все сложно, а тотчас оказался в двух шагах от традиционного рассказа о неизвестном прохожем, который возликовал, узнав, откуда я, и ринулся меняться значками.

О прохожем не буду, прохожего не было. Но нельзя не ценить искренней радости от того, что отношения КНР и СССР становятся лучше; радость эту люди в Китае выявляли порой столь неожиданно и открыто, что ни о какой предварительной режиссуре не могло быть даже речи. Ну, кто мог заставить директора пивоварни, работающей по франко-бельгийской лицензии на австралийском ячмене, кричать вдогонку нам, уже отбывающим с завода: «Мы друзья! До свидания! Дружба!» Кто мог принудить деревенского парторга Чэна из-под Ханчжоу искать по углам дома заветную бутылку с настойкой, а затем говорить, что нет для него ничего важнее китайско-советской дружбы. Друзьями становятся, и то, что из пятидесятилетних китайцев благодарность к нам и дружелюбие к нам не удалось вышибить никакими хунвэйбинскими дубинами, очевидно. Ясно, что в любом поколении люди разные, но те, кто постарше, любят или не любят нас вполне сознательно. Обидно было встретить не противника (и такие встречи бывали); обидно, что на металлургическом заводе под Пекином (а завод-то строился при широком нашем содействии) молодой доменщик почесал в затылке и виновато улыбнулся: «Советский Союз? Нет, ничего не знаю... Говорят, мы с этой страной дружили в пятидесятых годах...» Обидно, когда китайские школьники на вопрос о том, кто был первым космонавтом, отвечают порой без запинки: «Как кто? Американец Нейл Армстронг!»

Не надо упрощать китайских специфик. В этой стране многое слоями, почти ничто не однозначно, не одноцветно. Китай переделывает себя, а в миллиардном его населении столько разных воспитателей и столько разных учеников!

Сейчас, когда электрические, водопроводные и телефонные системы особой экономической зоны Шэньчжэня, Гуанчжоу и Гонконга соединяются, когда китайская Академия наук задумывает специальные исследовательские программы с учеными из Гонконга, а в Шэньчжэне производят алюминиевые оконные рамы для гонконгских новостроек, очень важно и поучительно наблюдать, как по-разному формирующаяся духовность разных китайцев проявляет себя со все большей определенностью.

Конечно же, по отношению к социализму, к Советской стране можно судить о многом. Но китайцы не устают повторять, что они прагматичны, и категории пользы, конкретных результатов, немедленных выгод иногда жмут на их традиционные стратегии, обращенные к вечности. Вечность, как говорится, вечностью, а кушать хочется. Сколько же путей к будущему? Кто нужнее в грядущем дне?

В особых экономических зонах воспитывают людей поворотливых, отбирают их, культивируют, подкармливают, выращивают, как один из нужных в дальнейшем типов китайцев. В едва приоткрытые ворота этих зон профильтровываются люди, что называется, с будущим и для будущего. Кандидатуры рабочих без среднего образования и старше 25 лет и инженерно-технического персонала старше 45 лет даже не рассматриваются. Здесь глядят на самых поворотливых и строят жизнь вокруг них. Отсюда, кстати, и бегут китайцы в капиталистическую Азию, если уж очень приспичит. За последний уик-энд июня отловили (а сколько ушло?) 423 гражданина КНР, пробравшихся в Гонконг. Поймали их там, в британском пока Гонконге. В вечерних последних известиях из британской колонии показали переполненные камеры с захваченными перемещенными.

Ну, а те, что прошли?

На мебельной фабрике в Шэньчжэне работница Ван Байжун пожалала плечами: «Мои родители вот уже двадцать лет, как ушли отсюда, добрались до Калифорнии и там живут, завели ресторанчик. Если захотят, могут начать дело здесь, их поддержат. Пишу им об этом и очень на это рассчитываю...»

Китайская специфика.

В особой зоне выходят газеты, которые можно выписать где угодно в Китае. Сейчас тираж будет увеличен — вся страна должна изучать опыт особых зон. Главный редактор здешней газеты Ло Мяо очень спокойно рассуждает о смысле подобных окон в окружающий мир, иллюминаторов, сквозь которые вновь накопленный опыт передается в глубь страны. Он говорит о том, насколько здесь легче с квартирами, — хоть небоскреб покупай, хоть сегодня, были бы деньги. Здесь и со снабжением получше. Но человек необоротистый, без идей — пропадет. В особых зонах накапливаются самые предприимчивые люди страны и ждут своего часа. Из этой своеобразной кузницы кадров — потренировавшись в условиях рыночной экономики, конкуренции — без всяких плановых заданий, на выживание, — они мигрируют в

Главный редактор газеты, выходящей в особой зоне, Ло Мяо.

другие особые зоны или даже в глубь Китая. А те, кто прогорел? «Как-то устраиваем, — сказал Ло Мяо. — Есть и пособие для бедных, юаней сорок в месяц, всего ничего. Наш курс на людей предприимчивых, жизнестойких...». «Я ни за что бы не смогла здесь, — сказала наша переводчица Чжэн Яохуа. — Мне надо, чтобы каждый месяц была зарплата...» «А нам нужны люди, которые завтра захотят и сумеют зарабатывать больше, чем сегодня, — пожал плечами Ло Мяо. — Здесь большой выбор возможностей: есть предприятия кооперативные, есть смешанные, есть — на иностранном капитале...»

Редактор жмет нам на прощание руки, говоря, что в пятидесятые годы виделся с советскими и хорошо помнит добрую дружбу тех времен. Редактор — исключение из правил, ему уже шестьдесят; Ло Мяо редактировал газету в Гуанчжоу и затем специальным партийным решением был направлен в Шэньчжэнь. Практически все остальные жители Шэньчжэня не помнят периодов расцвета китайско-советского братства, сюда набирают исключительно молодых.

Наступает перерыв. Это юг, дальше некуда; жара невыносимая. В особой экономической зоне летом все учреждения и магазины закрыты с 12 до 15 часов, а зимой — с 12 до 14. Зато начинают рано и работают до половины седьмого. Об отоплении в жилых домах здесь никто и не слышал. С отоплением в Китае вообще сложно: к примеру, в Шанхае централизованного отопления тоже не существует, температура ниже плюс десяти в жилых и рабочих помещениях зимой считается вполне допустимой. Так что шэньчжэнские тропические условия гарантируют жителям особой зоны некоторые неудобства летом и некоторые удобства зимой.

Электроника из Шэньчжэня мало в чем уступает массовым японским изделиям; фирма «Санио» уже открыла здесь филиал. Совместно с фирмой «Филипс» готовят к выпуску лазерные диски. Не гнушаются и производством цемента, делают мебель, расходящуюся по всей Юго-Восточной Азии, — гонконгская фирма рекламирует ее как свою...

Все время думаю о том, как материковые китайцы умеют сталкиваться со своими бывшими соотечественниками, не вставшими на тропу вражды. Не в пример нам, умеющим веселить заморских сородичей, но не умеющим спокойно ни к кому из них относиться. Или крайне прогрессивная у нас эмиграция, или реакционная дальше некуда — середины нет. Хоть на самом деле никакие уже это не эмигранты — просто чужие гражд-

дане, происходящие из наших пределов, — пора бы понять. Эмигранты бывают в первом лишь поколении, а затем это чужестранцы такого-то происхождения. И наши общества по связям с соотечественниками, заваливающие, так сказать, заграничных соотечественников балалаечно-шароварно-гармошечными концертами, могли бы задуматься не только о настойчивом воспитании в тех, чьи предки некогда родились в Москве, Киеве или Витебске, любви к некогда родному фольклору.

Китайская специфика, — конечно, могучая вещь, но усвоение чужих уроков тоже не последнее дело. Многие явления китайского бытия хочется понять и приблизиться к ним основательнее, сравнить с тем, что происходит у нас. Это естественно.

Процесс приближения — процесс понимания и знания, он не прост. В Гуанчжоу мы наблюдали китайскую свадьбу, которая по традиции является просто совместной трапезой. Все сидят за столами и молча едят; в центре, окруженные подарками, орудут палочками счастливые жених и невеста. Тостов не говорят, никто ни с кем не целуется (в Китае вообще не целуются, тем более на людях — не принято), из чего приготовлены яства, тоже известно не каждому. В многозначительности молчания — очень многое. Понимание китайского бытия, постижение довольно закрытого для иностранцев китайского мира — дело непростое. Даже долгие годы проживания в стране, не узнаешь ее глубинно без знания традиций и языка. Информация, приводимая здесь, — во многом из бесед через переводчика и из англоязычных источников, проштудированных в Пекине. Китай издает на английском ежедневную газету и немало журналов, где бывают очень интересные сведения. Некоторые из них — в статье.

Жизнь китайцев четко выгорожена — и языково, и официально, — и приезжающим в страну на время вторгнуться в эту жизнь нелегко. Даже студенты-иностранцы живут в особых корпусах общежитий, едят в отдельной столовой; думаю, что скрывается в этом также и вызревшая в столетиях традиция разделения. Китайский мир испокон века состоял из сосуществующих, но не накрепко сращенных частей.

Нынешний китайский прагматизм продолжает вызревавшую в веках деловитость. Большинство реформ для китайцев естественны и понятны. Одна из серьезных реформ, например, захватывает систему высшего образования. Все больше и больше студентов будут получать не стипендию, а кредит на учебу, который затем подлежит удержанию из зарплат. Стипендиаты предприятий и деревень тоже будут иметь финансовые обязательства перед ними. Во многих местах местные власти продают людям квартиры, в которых те живут, — покупай, мол, и делай с ней, что хочешь, государство не в силах заботиться о побелке твоих потолков. Китайцы стараются жить по средствам и везде повторяют, что они развивающаяся страна, находящаяся в самой начальной стадии строительства социализма, только приступившая к борьбе за великое будущее. Столько еще предстоит...

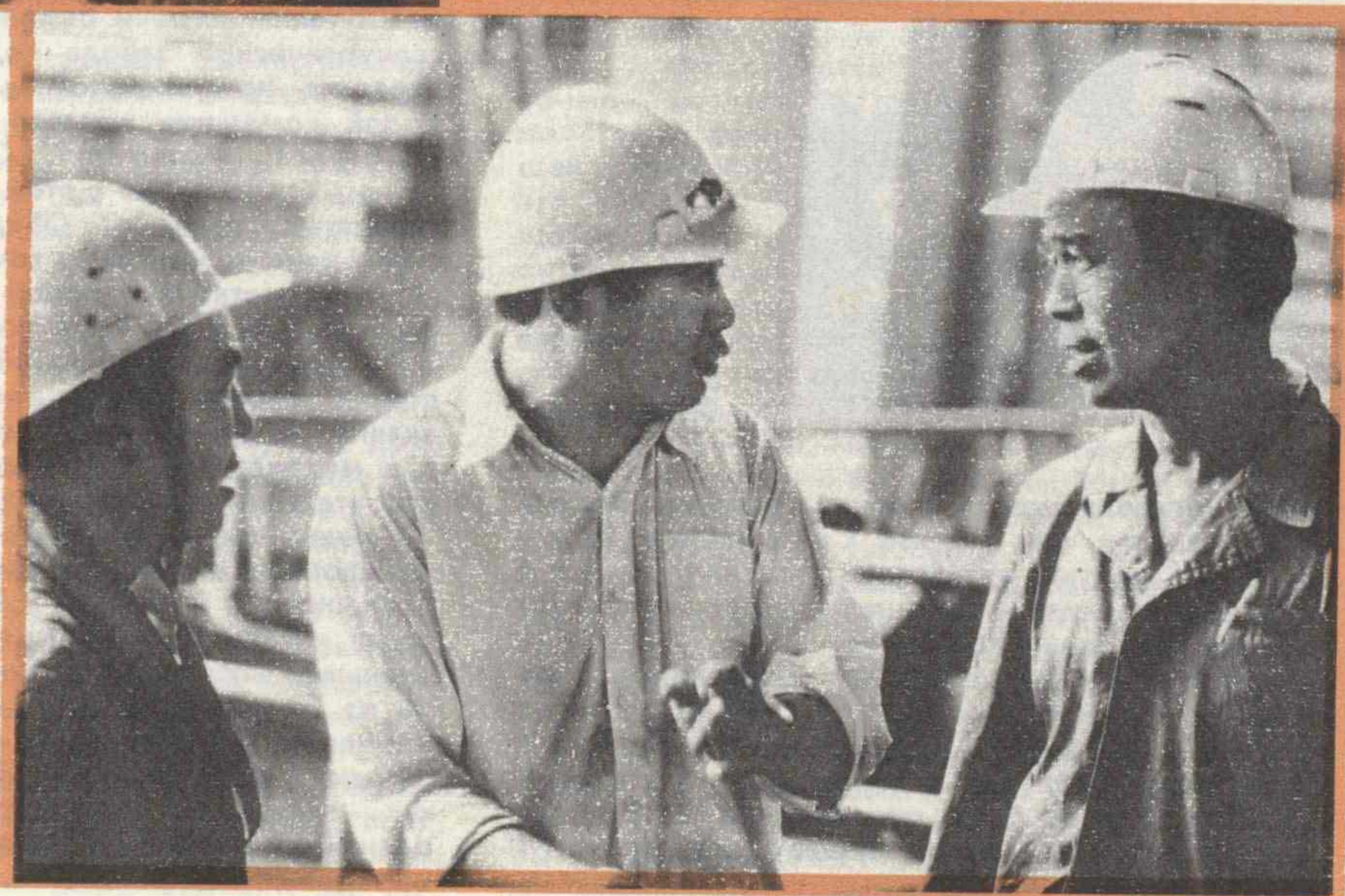
В доменном цехе металлургического завода близ Пекина мы разговорились со сталеваром по фамилии Ван Куйда. Он бригадир, хорошо зарабатывает, счастлив. Недавно получил на четверых двухкомнатную квартиру общей площадью сорок девять квадратных метров; до этого много лет семья жила в десятиметровой комнате без удобств. В отпуске ни разу в жизни не был и не стремится — на заводе интереснее, здесь как второй дом родной. С 1982 года Ван является Героем труда, но это звание, по словам металлурга, лишь напоминает ему, что надо работать лучше. Для передовиков производства время от времени устраиваются экскурсии, встречи с руководством — это главная и едва ли не единственная форма поощрений.

Кстати, за пределами армии орденов в Китае не существует. И особых званий в нашем понимании — тоже. Работники разных уровней разделены на двадцать с лишним категорий, но система привилегий не популяризируется и звания не выставляются напоказ. Даже в армии никак не введут отмененные некогда знаки различия.

Страна довольно сурово и четко выстраивает свое будущее — без великих фанфар. Валовой национальный продукт удвоился на памяти одного поколения усилиями всех. Китай учится лучше понимать мир и себя в мире. Уйдя из собственных вековых объединений, изолированностей, одиночества, блокад, обид, он становится все достойнее и мощнее — Китай, строящий социализм. Китай, с которым мы так дружили и должны дружить, потому что народы, убежденно строящие свою судьбу, должны ощущать друг друга со всей откровенностью и всей доброжелательностью хозяйственной жизни.

Работница мебельной фабрики в Шэньчжэне Ван Байжун и наша переводчица в Китае Чжэн Яохуа.

Бригадир сталеваров Ван Куйда (в центре).

ПОЭТИЧЕСКАЯ
АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ
МУЗА
XX
ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

КОНТРАБАНДИСТЫ

По рыбам, по звездам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду.
На правсм борту,
Что над пропастью вырос:
Янаки, Ставраки,
Папа Сатырос.
А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
Под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели,
Чтоб мачта гудела:
— Доброе дело! Хорошее дело! —
Чтоб звезды обрызгали
Груды наживы:
Коньяк, чулки
И презервативы...

Ай, греческий парус!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
Вор на воре!

Двенадцатый час —
Осторожное время.
Три пограничника,
Ветер и темень.
Три пограничника,
Шестеро глаз —
Шестеро глаз
Да моторный баркас...
Три пограничника!
Вор на дозоре!
Бросьте баркас
В басурманское море,
Чтобы вода
Под кормой загудела:
— Доброе дело!
Хорошее дело! —
Чтобы по трубам,
В ребра и винт,
Виттовой пляской
Двинул бензин.

Ай, звездная полночь!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
Вор на воре!

Вот так бы и мне
В налетающей тьме
Усы раздувать,
Развальясь на корме,
Да видеть звезду
Над бушпритом склоненным,
Да голос ломать
Черноморским жаргоном,
Да слушать сквозь ветер,
Холодный и горький,
Мотора дозорного
Скороговорки!
Иль правильной, может,
Сжимая наган,
За вором следить,
Уходящим в туман...
Да ветер почуять,
Скользкий по жилам,
Вослед парусам,
Что летят по светилам...
И вдруг неожиданно
Встретить во тьме

Эдуард БАГРИЦКИЙ

[Псевдоним
Эдуарда Георгиевича Дзюбина]
1895—1934

Как и его любимый герой Тиль, Багрицкий был одновременно и романтиком, и человеком земным. Походка его стихов была тоже тильуленшигелевская — легкая, танцующая, пружинистая. «А мы за-ряжали, смеясь, мушкетеры и воздух чертили ударами шпаг!» «И пред ним — зеленый снизу, голубой и синий сверху — мир встает огромной птицей, свищет, щелкает, звенит», «Жеребец под ним сверкает белым рафинадом». Но Багрицкий умел писать не только красиво, а иногда и жестко, почти жестоко: «Любовь? Но съеденные вшами ко-сы; ключица, выпирающая косо; прыщи; обмазанный селедкой рот да шея лошадиный поворот». Багрицкий безоговорочно принял револю-цию, сражался в особых отрядах и, принимая время, желая быть вместе с ним, впадал вместе с временем в его ошибки. Блистательный мастер, одаренный редкой чувственной впе-чатлительностью, Багрицкий иногда срывался в попытках философского осмысления мира. Так, например, его строки о нашем веке в стихо-творении «ТВС» морально для нас неприемлемы после стольких чело-

веческих трагедий: «Но если он ска-жет: «Солги!» — солги. Но если он скажет: «Убей», — убей». Но нель-зя выдавать эти строки, написанные в 29-м году, видимо, во время де-прессии, за философское кредо всей поэзии Багрицкого, как пытались это делать некоторые недобросовест-ные интерпретаторы. Лучшая книга Багрицкого «Юго-запад», в которую входит и лучшая его поэма «Дума про Опанаса», написанная шевчен-ковской строфикой, а временами и с шевченковской выразительностью. Поэзия Багрицкого, талантливая, многокрасочная, была в свое время школой мастерства для молодых поэтов 20-х и 30-х годов, многие из этих поэтов взлетели в небо с его доброй ладони. И в этом Багрицкий был Тилем — не случайно, судя по рассказам, он любил выпускать из клеток певчих птиц на волю.

Усатого грека
На черной корме...
Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!
Чтоб звездами сыпалась
Кровь человека,
Чтоб выстрелом рваться
Вселенной навстречу,
Чтоб волн запевал
Оголтелый народ,
Чтоб злобная песня
Коверкала рот,—
И петь, задыхаясь,
На страшном просторе:
— Ай, Черное море,
Хорошее море!..

* * *

От черного хлеба и верной жены
Мы бледною немочью заражены...
Копытом и камнем испытаны годы,
Бессмертной полынью пропитаны
воды,—
И горечь полыни на наших
губах...
Нам нож — не по кисти,
Перо — не по нраву,
Кирка — не по чести,
И слава — не в славу:
Мы — ржавые листья
На ржавых дубах...
Чуть ветер,
Чуть север —
И мы облетаем.
Чей путь мы собою теперь
устилаем?
Чьи ноги по ржавчине нашей
пройдут?
Потопчут ли нас трубачи
молодые?
Взойдут ли над нами созвездья
чужие?
Мы — ржавых дубов облетевший
уют...
Бездомною стужей уют
раздуваем...
Мы в ночь улетаем!
Мы в ночь улетаем!
Как спелые звезды, летим
наугад...
Над нами гремят трубачи молодые,
Над нами восходят созвездья чужие,
Над нами чужие знамена шумят...
Чуть ветер,
Чуть север —
Срывайтесь за ними,
Неситесь за ними,
Гонитесь за ними,

Катитесь в полях,
Запевайте в степях!
За блеском штыка, пролетающим
в тучах,
За стуком копыта в берлогах
дремучих,
За песней трубы, потонувшей
в лесах...

РАЗГОВОР С КОМСОМОЛЬЦЕМ
Н. ДЕМЕНТЬЕВЫМ

— Где нам столкнуться!
Вы — другой народ!..
Мне — в апреле двадцать,
Вам — тридцатый год.
Вы — уже не юноша,
Вам ли о войне...
— Коля, не волнуйтесь,
Дайте мне...
На плацу, открытом
С четырех сторон,
Бубном и копытом
Дрогнул эскадрон;
Вот и закачались мы
В прозелень травы,—
Я — военспецом,
Военкомом — вы...
Справа — курган,
Да слева курган;
Справа — нога,
Да слева нога;
Справа наган,
Да слева шашка,
Цейсс посередке,
Сверху — фуражка...
А в походной сумке —
Спички и табак.
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак...
Степям и дорогам
Не кончен счет;
Камням и порогам
Не найден счет;
Кружит паучок
По загару щек;
Сабля да книга,—
Чего еще?
(Только ворон выслан
Сторожить в полях...
За полями Висла,
Ветер да поляк;
За полями ментик
Вылетает в лог!)

Военком Дементьев,
Саблю наголо!
Прокляют наветлет,
Поддадут коленом,
Голову намылят
Лошадиной пеной...
Степь заместо простыни:

Натянули — раз!
...Добротными саблями
Побреют нас...
Покачусь, порубан,
Растянусь в траве,
Привалюся чубом
К русой голове...
Не дождался гроба мы,
Кончили поход...
На казенной обуви
Ромашка цветет...
Пресловутый ворон
Подлетит в упор,
Каркнет «nevermore»
По Эдгару По...
«Повернитесь, встаньте-ка...
Затрубите в рог...»
(Старая романтика,
Черное перо!)
— Багрицкий, довольно!
Что за бред!..
Романтика уволена —
За выслугой лет;
Сабля — не гребенка,
Война — не спорт;
Довольно фантазировать,
Закончим спор,—
Вы — уже не юноша,
Вам ли о войне!..
— Коля, не волнуйтесь,
Дайте мне...
Лежим, истлевающие
От глотки до ног...
Не выцвела трава еще
В солдатское сукно;
Еще бежит из тела
Болотная ржавь,
А сумка истлела,
Распалась, рассеклась;
И книги лежат...
На пустошах, где солнце
Зарыто в пух ворон,
Туман, костер, бессонница
Морочат эскадрон.
Мечется во мраке
По степным горбам:
«Ехали казаки,
Чубы по губам...»
А над нами ветры
Ночью говорят:
— Коля, братец, где ты?
Истлеваю, брат! —
Да в дорожной яме,
В дряни, в лоскутах,
Буквы муравьями
Глеют на листьях...
(Над вороньим кругом —
Звездный лед,
По степным яругам
Ночь идет...)
Нехристь или выкрест
Над сухой травой,—
Размахнулись вихри
Пыльной булавой.
Выврваны ветрами
Из бочаг пустых,
Хлопают крылами
Книжные листы;
На враждебный Запад
Рвутся по стерням:
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак...
(Кочуют вороны,
Кружат кусты.
Вслед эскадрону
Летят листы.)
Чалый иль соловый
Конь храпит.
Вьется слово
Кругом копыт.
Под ветром снова
В дыму щeka;
Вьется слово
Кругом штыка...
Пусть покрыты плесенью
Наши костяки,
То, о чем мы думали,
Ведет штыки...
С нашими замашками
Едут пред полком —
С новым военспецом
Новый военком.
Что ж! Дорогу нашу
Враз не разрубить:
Вместе есть нам кашу,
Вместе спать и пить...
Пусть другие дразнятся!
Наши дни легки...
Десять лет разницы —
Это пустяки!

Ростислава Знаменского просят помочь милиции в розыске некоего Петра Сушкова — ведь только Ростислав знает в лицо этого человека, который занимается перевозкой наркотиков. Это установил еще Ашир Агаев, погибший вскоре от руки наркомана. Петр Сушков назвал себя при знакомстве киносценаристом. Поэтому возвратившегося в Москву Знаменского устраивают работать в Госкино. Он переводит на просмотр иностранных фильмов и приглаждается к зрителям, надеясь увидеть среди них Петра Сушкова. Ростислав сопровождает выдающий себя за его шофера и телохранителя старший лейтенант милиции Петр Брагин. Он знакомит Знаменского со своими товарищами-десантниками, вместе с ним воевавшими в Афганистане. В поисках наркоманов они отправляются в ночное кафе «Черные березы».

ДАЮ УРОКИ-2

Лазарь КАРЕЛИН

Рисунки Петра ПИНКИСЕВИЧА

РОМАН

А тут душно было и все душной становилось. И по-разному тут жили люди, свершая свое веселье, обретая свое забвение, что-то там выгадывая, а то и прогадывая в жизни.

Иные просто пожить приехали в этот ночной кабак «для своих», уже успевший зарекомендовать себя отличной кухней. А как же иначе? Как возьмешь доход, если плохая кухня? Тут надо умудряться и исхитряться. Вот повар в высоченном белом колпаке выскочил из двери, что слева от музыкантов, а та, заветная, была справа. Выскочил повар, самолично неся на подносе какой-то отличнейший кус мяса. Он был на жаровне, светились под ним угольки, а чтобы получше светились, на миг погасили в зале свет. И поплыли в темноте жаркие угольки, как бесовские глаза, мелькали между столиками. Но свет снова вспыхнул, тут нельзя было слишком долго играть в жмурки. Впрочем, и за миг во тьме кое-кто успел кое-что, дабы могли дружно завизжать женщины, дружно наигрывая стыдливость.

Мясо на жаровне было поднесено поваром к столику, за которым сидели иностранные гости. И их тут было, из заморщины, в достатке. Как же, ведь Москва такой скучный город, так рано засыпающий город, служба в этой столице, как известно, тяжкий крест. Но все же, все же есть места... А русские женщины, если их разморозить, о, это нечто такое, нечто — манифик!

И русская кухня, разумеется, манифик. Какой отличнейший кусок мяса! Какой картинный и любезнейший повар! Отлично, отлично!

Иностранцы разговаривали громко, подпили уже. Это были западные немцы, а немцы, такие вот, из тучных, когда подопьют, начинают повышать голоса. Хотя... смотря где. В Штатах эти бы brave крикуны, столь азартно уписывавшие сейчас сочное мясо, так громкоголосые не решились бы переговариваться. Там, в Штатах, свои горлопаны имелись. И они, тамошные, не любили, когда в их кабаках кто-то из заезжих вел себя слишком вольготно. Кричи у себя дома, парень! И — в морду, если возникнут возражения. Вот так!

Но у нас — от века повелось — иностранцев очень уважают. Радуются у нас чужой заезжей вольготности, гордятся, что доставили гостю удовольствие. Гостеприимство? Нет, это иначе называется.

Немцы, свои голоса не смирив, очень энергично обсуждали иных танцующих женщин. Энергично ели и энергичные под сочное мясо находили слова, определяющие женские стати. Теми же словами похваливали, что и мясо.

Знаменский худо знал немецкий, но эти-то слова понимал.

— Похоже, следовало бы им набить морды? — тихо спросил его старшой.

— Еще как следовало, — сказал Знаменский.

— Ты только моим ребятам ничего не переводи. И без того за чеку держатся.

Да, ребята старшого как-то зловеще притихли. Именно так притихает, замирает солдат перед тем, как выдернуть из гранаты чеку. А уж если выдернет...

Оркестранты, слегка передохнув, возобновили музыку, то бишь склоку свою, и, похоже, с целым миром, со Вселенной. Они так яростно принялись выкрикивать в зал накопившееся у них на душе — а накопилось так много и всего черного, — что уже и слов нельзя было разобрать. Вообще „o-oi“ или „a-ai“ Гадко жить, мерзко жить! А посему — все ничто! Нет никаких преград — все прахом! Нет ничего святого — одна лишь мер-

зость! Для убедительности, для окончательности они вплели в свои русские вопли некое иностранное слово, весьма общеизвестное: «Мерд! Мерд! Мерд!» Эта музыка — а все-таки это была музыка — била по мозгам, как если бы ударник к своим трем барабанам с тарелками еще присоединил и голову каждого, кто сидел в зале, и лупил именно по каждой из этих голов персонально и самозабвенно, в две руки лупил, в два кулака, отбросив палочки, которые все же на концах были чем-то обмотаны. Нет, кулачная пошла музыка, не до слуха, а до мозгов ей важно было пробиться. А все-таки музыка. Но под такую уже не танцуют, пусть даже и брейк, под такую содрогаются. Танцующие и содрогались. Жующие перестали жевать, мутное что-то сглатывая в себе, если только муть возможно сглатывать. Весь зал этот узкий как-то иначе зажил, в нем воздух уплотнился, стал обретать зыбкий, серый, мутноватый цвет. Смигивали, подмигивали светильники, хотя это были не свечи. Лица у танцующих и у смотрящих становились смигивающими и подмигивающими. Женщины утрачивали последний из распоследних запасов стыда.

И тут из-за заветной двери, с трудом выпутавшись из портьера, в зал шатко вышагнула молодая женщина. Совсем еще девушка. Пьяная, нет, накурившаяся или наглотававшаяся. Глаза у нее блуждали, воспаленные губы беспомощно шевелились, она, кажется, пыталась петь, подпевать этой музыке. И она еще кого-то тянула за руку, а тот — это был мужчина, кого она тянула, — а мужчина этот выходить не хотел, упирался, выглядывал и исчезал, возникал и исчезал. Но молодая женщина хотела танцевать, но музыка была вседозволяющей, а слабая рука, тянувшая, брала не силой, а упорством.

И мужчина вышел, все еще сопротивляясь, еще пряча лицо за край портьера, но уже появился, уже ногами перебрал, бедрами вильнул, распуская себя, готовясь к плясу. Был он наряжен, но расхристан.

Женщина выпустила его руку, торопясь закружиться, заметаться, эта музыка не позволяла медлить. И потом такой свободой зажило тело, так все получалось смело и красиво, так восхитились ею все в зале, слив в одну закружившуюся спираль свои изумленные глаза. Одни глаза, весь зал из одних глаз. И отдельно рты. Весь зал из разнявшихся, вождельных губ. Все мужчины хотели ее сейчас, ибо она была прекрасна.

Бедная девочка, поруганная чья-то дочь. Бедная, бедная девочка.

Что-то случилось в зале. Отдельно от этой шатко кружащейся женщины в смятой одежде. Отдельно от этого мужчины, который уже танцевал, хотя все еще держался у портьера, будто портьера и была его партнершей.

Но что-то случилось в зале, что-то такое, что оборвало разом музыку, эти вопли. Иной звук, иной вскрик прозвучал. Он не был громок, нет, странно даже было, что его расслышали в оре, но его расслышали, как выстрел, когда стреляют непонарошку.

— Ира! — Это сказал Петя Брагин. Вот и весь звук: «Ира!»

Петя стоял, вытянувшись, он давно вскочил. Стоял, и бледность заливала его лицо, вычернив рыжие веснушки. Так бледнеют, так в синеву бледнеют, когда смерть потом.

Старшой, афганцы его поняли, что смерть витает, что рядом она, они научились предугадывать ее приход. Они вскочили, готовые на все.

Ира услышала, как ее окликнули, споткнулась, остановилась в кружении, не умея отыскать в спирали глаз глаза того, кто ее позвал.

И споткнулся мужчина, ее партнер, замер. Он-

то сразу уперся в глаза парня, произнесшего имя его Иры, «этой Ирочки на час». Для него — на час. И он сразу понял, глянув в выбелившееся лицо парня, в хмурые лица его приятелей, сколь велика для него опасность. Но он скользнул метнувшимися глазами еще и по лицу Знаменского. Столкнулись их глаза. Они узнали друг друга.

— Кани! — выдохнул Знаменский, забыв, что это условный знак, опознающий того, кого они искали, что он должен был именно это и сделать, выкрикнуть «Кани», когда узнает его, случайного своего спутника по самолету, этого перевозчика наркотиков, гонца, залегшего на дно. Знаменский все забыл, он только слово нашел для человека тоже с выбелившимся, но скверным, пожеванным лицом.

— Кани! — снова выдохнул Знаменский, добормотав: — Мордачи...

Петр Сушков, а это был он, так он назвался в самолете Знаменскому, понял, что узнал. А это была опасность пострашнее, чем та, которая исходила от парней в тельняшках. Он выполз на люди, он не должен был выползть. Он выдал дело. Он выдал явку.

Ну, конечно, Сушков рванул за портьеру, исчез. И сейчас бежал, бежал там по разным ходам-переходам бывшего прицерковного строения, которое возводилось во времена, когда человек нуждался в тайниках и лазах в своем доме, дабы суметь спасти живот свой от нашествия татар, от смуты и разбоя. И как бы ни разгораживали в подобном строении стены, как бы ни выравнивали ходы и переходы, а что-то да уцелело от древних времен, ибо это были крепостного упорства стены.

Петр Брагин рванул следом за Петром Сушковым. Еще портьера не успела опасть, а яростное тело мстителя метнулось за исчезнувшим гадом.

— Трое на выход и к другому выходу! — негромко скомандовал старшой. — Остальные за мной!

Все! Это был Афганистан! Здесь начинался бой с душманами! Все! Никаких возражений! Все!

Трое метнулись на выход, чтобы оббежать дом, преградить дорогу убегающим душманам. Старшой, его парни и Знаменский впятером кинулись за портьеру, по пути что-то сметая, кого-то отшвыривая вместе со столиками, тяжело, хоть и похода, прибыв униформистов. Бой — это бой! Война — это война!

В разгромленном мгновенно зале, где мужчины перетрусили, а женщины пробудились, деля страх с великолепным ощущением жизни, настоящей, яростной, какой-то именно вождельной — где любовь, ревность, мужество, — но совершенно не доступной для них, обреченных себя на общение, сожительство с этими мешками, смешно упрятавшими себя сейчас за столы и за стулья, в этом узком пространстве узкой жизни, где промелькнула ярость, взорвалась, раскидала, в опустевшем круге, где миг назад еще танцевали, взбивая пыль, — одна сейчас осталась фигурка. Это была Ира. Она ничего не могла понять. Она продолжала кружиться и улыбалась. Бог весть какие вообразив картины. Бог весть как объясняя для себя все происходящее. Живя в тумане, из тумана бормотала она, кружась:

— Ребята, давайте жить дружно...

Трое, выскочившие на улицу, мигом оценив все на местности, кинулись к противоположному концу строения, этого хитрого домика из прошлых веков, когда один вход и выход был с одной улицы, а другой вход и выход — с другой. Вот к другому входу-выходу и кинулись три солдата, блистательно обученные в лукавых переулочках городов и селений Афганистана — под пулями

ла. Но один стал хорошим человеком, а другой стал гадом.

Нигде не было ни Сушкова, ни круглого Сергея Сергеевича, если он вообще находился в эти минуты здесь. И вообще, когда разобрались, никого не оказалось в хитром домике, кого бы следовало схватить. Сбежали. Вынырнули, метнулись, покуда милиция пеленала троих парней, посланных старшим, чтобы прикрыли они запасный выход. Выручила милиция, того не желая, разумеется, этих, скользнувших и исчезнувших.

Вошла милиция и в дом. Установила кое-что. В одной комнате обнаружили шприцы и какие-то пузырьки, явно с наркотическими средствами. В другой комнате обнаружили поникших, уже вкусивших от кайфа, уже отключившихся от всего молодых мужчин и женщин, которые наутро в адову вступят боль. В адову боль, когда по позвоночнику у них потечет расплавленный свинец, когда ломать их станет и корезить, как, возможно, только в аду ломают и пытаются только самых великих грешников. Но эти, поникшие, были не грешниками. Они были соблазненными, обманутыми. Они были униженными и оскорбленными. Грешники сбежали.

Прихватила милиция в качестве вещественных доказательств и ворох кассет телевизионных, этих симпатичных ящичков, отлично изготовленных, на высочайшем техническом уровне, где, если запустить эти кассеты, тоже на высочайшем техническом уровне была запечатлена на тоненькой пленочке вся мерзость и вся подлость человеческого падения.

Старший приказал своим парням не оказывать сопротивления милиции. Ну, разве что обменялись, не разобравшись спервоначалу, двумя-тремя ударами, достаточно умелыми, впрочем, поскольку умелые ударили умелых. Досталось и

Знаменскому. Раскровенили ему лицо. Вот такие итоги в деле захвата «Кани мордачи». А Петя? Что Петя? Он был сам не свой. Его пришлось связать.

Только уже в милиции разобрались милиционеры, что Петр Брагин был их коллегой и, кажется, — хотя как такое признать? — не совсем тех связывали милиционеры, кого бы следовало, и что те, кого бы следовало схватить, сбежали, воспользовавшись, так скажем, некоторой неразберихой.

А наутро пошла гулять по Москве легенда, что «афганцы», ну эти, что воевали в числе ограниченного контингента войск, разгромили некий ресторан и чуть ли не всю улицу, где этот ресторан находился, и что там просто настоящий бой шел «афганцев» с милицией. Вот так.

13

Ночь позади. Знаменский ехал сейчас на встречу с полковником Мальцевым, ехал по разгоравшейся в пригороде осеннем дне Москве, когда Москва хорошеет. Но ночь эта, которая осталась позади, была в нем, жила, ссадинами саднила на лице. И прокручивалось в глазах все снова и снова — мелькало, вспыхивало, меркло, изламывалось. И всякий раз, когда что-то особенно отчетливо вспоминалось, когда дергалось, припоминая, лицо, боль ударяла, приказывая щекам и губам замереть. Кто-то все же в той сумятице, в драке, когда вслепую мечутся кулаки, сумел попасть в него, в лицо ему. Он тоже сумел в кого-то попасть. Все там в кого-то сумели попасть. В милиции, когда стали разбираться, у всех нашлось что потрогать, острую нащупывая боль. А гады сбежали. И вообще все растворилось, расплзлось, исчезло.

Полковник Мальцев, примчавшийся в отделение

учились, — как брать засевших в почти таких вот, как этот домик, строениях душманов. Замкнуть надлежало домик, его входы и выходы, а их могло быть и три, и четыре.

— Глядеть на окна! — приказал один из трех, мгновенно определивший себя командиром тройки. И уж будьте спокойны, никто из душманов не выбрался бы незамеченным из этого домика, покуда внутри него брали всю шайку.

Но вмешивалась новая сила. Не зря поработали рации. Они привели милицейский патруль к этому месту, куда в конце концов причалил вишневым «мерседес». Поскольку по пути «мерседес» оброс сопровождением, патруль — переговоры, уточнили — был значительно усилен. Поскольку «жигуль» сопровождения был ведом милиции, номер его был на контроле, патруль и еще больше был усилен. И не напрасно. И успели ко времени. Отлично сработали!

Трое, что могут трое, пусть даже и десантники в прошлом, словом, асы-каскадеры, но только не в народечной киношной жизни, а во всамделишной, когда стреляют не холостыми, а бьют не притормаживая, — что они могут, если на них, на каждого по несколько человек, навалились тоже умелые и бывалые, а иные и из тех же «афганцев», пошедших ныне служить в милицию? Ничего не могут. Почти ничего. Конечно, сдавались не без боя, досталось и тем и другим, но силы были неравны. Запеленали троих.

А пока пеленали их, как крысы из горящего дома, выныривали из запасного выхода какие-то фигуры, исчезали во тьме.

В доме, где хоть и не было пожара, но пламя бушевало, пламя ярости, в несколько мгновений были вспороты все укромные уголки. Вот этот зальчик, где мерцал телевизор, на экране которого переплелись нагие тела, — этот зальчик был разметан. Те, кто в нем находился, парочки полусонные, которым надо было взбодрить себя экранной похотью, получили урок жизни: девчонки отбросили, они сгрудились в визжащий клубок, а мужчин, тут пребывавших, походя, поспешая, измордовали, тем более походя, что они почти не сопротивлялись. Замечено, похотливы трусливы.

Впереди везде был Петя Брагин. Он метался из комнаты в комнату, из укромности в укромность, кого-то спугивая, сметая, — он искал. Этого вот «Кани», гада этого, гада из гадов. Теперь уже этот человек был лично у Петра Брагина на счету. И попался бы — Петя Брагин его бы убил. Сейчас бы, в эти яростные мгновения бессмыслия, убил бы.

Но, вспарывая дом укромность за укромностью, нигде не находил Петр Брагин Петра Сушкова. Вот как совпало: два одинаковых имени, нарекли когда-то одинаково двух младенцев мужского по-

милиции, уже только устанавливал, что гады сбегали, что никто ни за что не отвечает в этом ночном заведении, вернее, каждый отвечал за что-то мелкое и вполне установившееся в своей законности, а беззаконность ответчика не имела. Ну, смотрели кассетки — это нарушение, если кассетки содержат нечто запретное. Но кто их принес, такие кассетки, как они попали в дом, про это никто не ведал. Может, сами смотрящие и принесли. Наркотики? А разве уследишь, что там сотворяют по углам эти парочки? Конечно, непорядок. Разумеется, будет впредь введен строгий контроль. Впредь...

Полковник Мальцев взял на себя ответственность, отпускная всех «афганцев», которых, если бы не его заступничество, кое-кто уже пытался обвинить в учиненном погроме. Вещественных доказательств было в избытке. И разбитые вещи, и побитые морды. Но полковник тут занял четкую позицию: парни помогали взять опасного преступника, вот чем они были заняты. Старшему лейтенанту Петру Брагину помогали. Служили вместе. Друзья. Опора на помощь населения — дело не только желаемое, но и необходимое. Отпустили парней. Авторитет полковника Мальцева был высок в том отделении, где происходило ночное разбирательство. Оказывается, начальник отделения милиции, примчавшийся по тревоге, когда-то слушал лекции полковника, когда учился в высшей школе милиции, и безмерно уважал полковника Мальцева, прославленного оперативника. Словом, отпустили парней в тельняшках. А старшему полковник Мальцев даже на прощание крепко пожал руку. Поблагодарил, но молвил: «Береги армейскую честь, старшина».

Что еще? Иру, вызвав «Скорую помощь», увезли в некий стационар, где ныне начинали, спохватившись, как-то все же лечить, спасать таких вот, схваченных уже недугом наркомании. Вспомнив эту Иру, вспомнив, как взял ее под руку, подсаживая в машину, вспомнив ее невидящие глаза и жалкую улыбку, Знаменский, зная, что сейчас стеганет его боль, мучительно сморщился. Пусть боль, но только бы вытряхнуть из себя этот миг той ночи.

Что еще? Был еще Петя Брагин. Его развязали сразу же, когда добыли при обыске из его кармана красное удостоверение, обнаружили под курточкой на оперативном ремне с кобурой пистолет. Поняли, кто он. Не поняли только, что с ним. А он будто спал. Поник он. Молчал, не откликался на вопросы. Он был по ту сторону, все прочие были по эту. Появился полковник Мальцев, но Петя Брагин никак не отреагировал и на него. Полковник забрал документ Петра, его пистолет, взвесив этот пистолет на ладони, прежде чем сунуть в карман.

— Да, натворил бы он бед... — Полковник обернулся к Знаменскому. — Вот так, Ростислав Юрьевич, такая вот версия...

Что еще? А еще было возвращение домой, не на дачу, а на Гоголевский, к маме. Было ее омерзительно-испуганное лицо, когда она глянула на сына, в лицо своего мальчика, разбитое в кровь. Но она тотчас взяла себя в руки, захопотала, кинулась смывать с лица сына кровь. Она тотчас вспомнила, кто она. Кажется, именно так, вспомнила, из каких она женщин, из какого шляхетского рода. Женщины из ее рода не пугались крови на лицах своих мужчин. То были воины. Им пристало омыться кровью. Так она успокаивала себя, разжимала отчаяние свое, страх за сына. «Матка боска! Матка боска!» — шептали ее губы, а сама она была само спокойствие, ибо все было правильно, ничего не случилось страшного, мальчик подрался, обычное дело для мужчины, как и обычным делом для женщин, матерей или жен, было смывать с мужчин кровь, бинтовать их раны. К счастью, ничего не надо было у сына бинтовать.

— Ростислав, ты отделался легкими царапинами! — сказала мать бодро, но губы у нее тряслись, в неслышной пребывавая молитве.

Позвонила и жена с дачи. Так, для порядка, поскольку он умчался в ночь. И еще из любопытства, что за задание получил. А ведь его позвали на задание по заветному телефону, судьбонному. Вдруг да схватил ее муженек судьбу за хвост. Пора бы! Весьма бы кстати это было. Но муженек явно судьбу за хвост не ухватил, он отвечал на расспросы жены уныло и невнятно, болели губы.

— Да ты не пьян ли?

— Нет. — Он повесил трубку.

И вот эта ночь позади, и он катил на своем «мерседесе» к условленному месту встречи с полковником Мальцевым, катил в одиночестве, Пети Брагина рядом не было. Тот не царапинами отделался. Сперва его Иру несчастную отвезли в больницу, а потом его самого отправили в госпиталь.

ПАЛИТРА

АКАДЕМИК «ИЗ ЧЕЧЕНЦЕВ»

Супьянбек ШЕРИПОВ

Петр Захаров вошел в историю как выдающийся портретист. Родился в 1816 году в чеченском ауле Дады-Юрта. За три года до смерти, в 1843 году, 27-летний академик петербургской Академии художеств Петр Захаров написал «Автопортрет в бурке с ружьем». Почему же, обратившись к «исповедальному» жанру автопортрета, он выбрал костюм, в котором его никто никогда не видел? Быть может, тем самым Петр Захаров хотел подчеркнуть принадлежность к своему народу, недаром же свои картины он чаще всего подписывал: «П. Захаров, из чеченцев». А может быть, попытался увидеть себя в другом варианте судьбы, который не состоялся, едва начавшись, в день, когда царские войска пошли на штурм его родного аула?

В те времена в разгаре была Кавказская война, и однажды Дады-Юрта оказался на пути царских войск. Командующий приказал жителям перебраться за реку. Те отказались...

После неравного боя в плен попало более ста сорока горцев, и в их числе трехлетний мальчик, которого нашли рядом с умирающей матерью. Ребенка передали казаку Захару Недоносову. Мальчика окрестили и нарекли Петром Захаровым. Более трех лет прожил он у Недоносова, а затем на маленького чеченца, поражающего всех своими способностями к рисованию, обратил внимание двоюродный брат командующего — генерал Петр Николаевич Ермолов.

«Странный мальчик Петруша! Я о моем чеченце, — писал Петр Николаевич своей матери в Москву. — Кроме обучения грамоте, он рисует все, что попадает под руку. Видимо, будет художник и неплохой». Почувствовал в ребенке артистическую натуру, Ермолов затем всячески поддерживал Петра Захарова, помогая развиваться его таланту. Мальчику было около семи лет, когда Ермолов отправил его вместе с военным обозом в Москву. С тех пор Петр Захаров никогда больше не видел родных мест...

Когда читаешь лермонтовского «Мцыри», кажется, что поэт знал о судьбе юного чеченца, что это ему посвятил он свои строки:

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести...

Невероятное совпадение? Как знать...

Захаров, кисти которого принадлежит и портрет Лермонтова, скорее всего встречался с поэтом. И вполне возможно, что общение с художником помогло Лермонтову постичь своего Мцыри... Но с тем же основанием можно предполагать, что встречи с Лермонтовым и его поэма, написанная в 1839 году, вероятно, за-

ставили Захарова пристально взглянуть на самого себя, осознать, что он подобно герою Лермонтова «...быть бы мог в краю отцов не из последних удальцов».

О том, каким видел себя Петр Захаров «в краю отцов», рассказывает «Автопортрет в бурке с ружьем». Образ, созданный художником, родствен, но не тождествен лермонтовскому Мцыри. Перед нами не юный романтический герой. Горец-Захаров старше, опытнее, чувствует, что он уже свыкся со своей печалью, с постоянной внутренней болью... А его удаль не нечто исключительное, а норма поведения в минуту опасности. И костюм его тоже обычен: черная папах (по праздникам горцы надевали белую), выдавшая виды бурка и перекинутое через спину зачехленное ружье...

Отвагу и долготерпение воина, которыми наградила его природа, Петр Захаров превратил в отвагу и долготерпение художника. И потому в реальной жизни он тоже сумел стать не последним в славном ряду, где значились такие имена, как К. Брюллов, В. Тропинин, П. Федотов. Недаром Карл Брюллов считал Захарова лучшим после себя портретистом...

Но вернемся к детским годам Петра Захарова, к тому времени, когда он, удивляя взрослых, по 8—10 часов проводил с карандашом в руке над листами бумаги.

Стараясь как можно лучше подготовить своего воспитанника к поступлению в Академию художеств, П. Н. Ермолов отдал его в обучение к известному московскому педагогу Л. А. Волкову, у которого Захаров брал уроки живописи в течение шести лет. Затем, блестяще сдав экзамены, он поступил в петербургскую Академию художеств в качестве «постороннего» ученика. (Устав Академии не разрешал принимать лиц из национальных меньшинств и крепостных, поэтому их зачисляли как «посторонних».)

Учась в Академии, Захаров многократно участвует в выставках, и в 1836 году Совет Императорской Академии художеств присваивает ему звание «свободного художника».

Свободный художник... Петр Захаров никогда не чувствовал себя свободным. Испытывая постоянную нужду, в годы ученичества он вынужден был работать и во время каникул. Захаров мечтал о поездке в Италию, чтобы увидеть творения великих мастеров, но почему-то его, одного из лучших учеников, всякий раз исключали из числа тех, кого Академия направляла за границу... К тому же тягловая болезнь — туберкулез — нередко ломала все его планы, заставляя выпускать из рук кисть. Потом, встав на ноги, Захаров торопился наверстать упущенное, прекрасно понимая, что времени ему отпущено немного и он должен спешить.

Портреты Захарова. Вглядимся в них. Ведь в большинстве своем пер-

П. З. ЗАХАРОВ. 1816—1846.
АВТОПОРТРЕТ В БУРКЕ С РУЖЬЕМ.
1843.

А
Р
В
Г
Д
Е
Ж
З
И
К
Л
М
Н
О
П
Р
С
Т
У
Ф
Х
Ц
Ч
Ш
Щ
Ъ
Ы
Ь
Э
Ю
Я

А
Б
В
Г
Д
Е
Ж
З
И
К
Л
М
Н
О
П
Р
С
Т
У
Ф
Х
Ц
Ч
Ш
Щ
Ъ
Ы
Ь
Э
Ю
Я

сонажи его работ — это действующие лица его короткой, трагической жизни. Вот первый учитель Петра Захарова, Лев Александрович Волков, который высшей наградой для себя почитал будущий успех своих учеников и потому никогда не брал с них денег за уроки.

Захаров написал и портрет дочери Волкова — Глафиры, в которую был влюблен. Художник сумел с такой эмоциональностью передать свое чувство, что, раз взглянув на портрет, зритель догадывался о нем. Так, например, составитель полной русской хрестоматии А. Д. Галахов в письме к сестре Глафиры Волковой Ларисе Львовне писал: «Случается мне зайти к бабушке и матушке. Глаза мои падают на знакомый тебе портрет девушки с опущенными взорами и с кольцом в руке — и я не могу отвести глаз от этого образа ангельской кротости и миловидности, и очень ясно понимаю, что Захаров был не только живописец, но и поэт, не только поэт, но и влюбленный в Глашу».

Разумеется, Захаров не мог не

создать и портрет своего воспитателя П. Н. Ермолова, человека, который всю жизнь испытывал боль за своего «Петрушку», всячески помогал ему, понимая, как велико дарование «чеченца», а может быть, и испытывая чувство вины перед ним.

Захаров же был предельно искренен с Ермоловым, к которому относился поистине с сыновней преданностью.

Портрет. Одно мгновение из жизни героя. Но иногда в этом мгновении удается передать движение дней и лет. Именно в такой миг запечатлен на холсте Захарова опальный генерал А. П. Ермолов, соратник Суворова и Кутузова. С удивительным достоинством всматривается он в надвигающийся поток времени, который течет навстречу ему, затопляя и скрывая ото всех былые заслуги старого воина...

За эту работу Захарову было присвоено звание академика живописи.

В 1840 году, чтобы получить хотя бы какой-то постоянный заработок, Петр Захаров поступает на службу в

департамент военных поселений Военного министерства.

«Я уже не свободный художник, а служащий в департаменте военных поселений...— писал он в апреле 1841 года.— Потеряв здоровье и притом надежды быть отправленным за границу, я покорился судьбе, решил избрать хоть немного, но верный кусок хлеба...» Служащий Петр Захаров должен был теперь со всем возможным тщанием изображать шнуры и аксельбанты, шпоры и эполеты. А сумеет ли он придать лицам солдат и офицеров какое-либо выражение, до этого никому не было дела.

И тем не менее даже в этой казенной работе проявился его художнический дар. Уверенная линия, умение максимально разнообразить ситуации, привнося в них элементы пейзажа, виртуозное использование светотени — все это превращало рисунки Захарова в истинные произведения графического искусства.

Однако через два года Захаров вынужден был отказаться от службы. Тяжело больной, он был не в состоянии каждый день приходить в департамент.

Последние годы жизни Захаров провел в Москве. И вот теперь, когда ему осталось прожить так мало, ему встретилась женщина, которую не испугали ни его болезнь, ни его бедность. И в январе 1846 года Александра Постникова становится его женой.

Казалось, в жизни Захарова все еще переменится. Он делает множество набросков к новой картине «Моление о чаше»... Однако через несколько месяцев его жена умирает. Петр Захаров совсем ненадолго пережил ее.

...Перед моими глазами вновь встает его автопортрет, и я снова пытаюсь разгадать множество вопросов, которые, кажется, безмолвно задает этот горец. Чего же он ждет от нас, на что надеется? Может быть, на то, что мы, нынешние, поймем его; что его искусство найдет продолжение в работах других мастеров, что когда-нибудь «художникам из чеченцев» не нужно будет искать другой, вымышленный вариант собственной судьбы, чтобы выразить себя с той полнотой, которая и приносит счастье.

ПОРТРЕТ
А. П. ЕРМОЛОВА.
(ОКОЛО 1843 г.).

ПОРТРЕТ
ХУДОЖНИКА
Л. А. ВОЛКОВА.

ДАЮ УРОКИ-2

Продолжение.
Начало на стр. 22.

— Без моего разрешения носа не высовывай! — приказал Пете полковник Мальцев. — Болей, заливай раны. Мне еще за тебя намылят шею. — Бодро звучал голос полковника, подбадривал он парня. Но Петя Брагин не слышал. Он никого не слышал и никого не видел. Он туда смотрел, в узкий зал тот, где из-за портьеры появилась Ира, он ее только видел, шатко шагнущую. Потом был взрыв.

День выдался удачным для осени в Москве. Солнце пригревало. Желтые листья, кое-где уцелевшие на ветках, встрепнулись, зажив зыбкой надеждой, чуть приободрилась пожухлая трава. А вдруг еще все вернется, снова настанет лето, и зиме не бывать...

Условленное место встречи с полковником Мальцевым было презабавнейшим. Это было кафе, но даже и не кафе, а некое столовое заведение со смешным названием «пончиковая».

Суббота была неурочным днем для «пончиковых» бесед, но вчера, прощаясь, полковник сказал Знаменскому: «Завтра в двенадцать в нашей «стекляшке». Он ничего больше не прибавил к этим словам, но слова эти были приказом.

Пончиковая находилась на Сретенке, почти на углу с Последним переулком. Бойкое место. Серединное для Москвы. Но для Москвы былой, когда она совсем маленькой была. Теперь этот центр, оставаясь все еще центром, привычный, как центр, отодвинут был все же в сторонку, тут тише было, чем на иных еще недавно окраинных улицах, здесь и торговля шла всякой мелочью, не как на былой Сретенке, где на самой улице и по всей округе торговали главными продуктами, мясной был торг, а в устье улицы разливалось и главное московское торжище — Сухаревский рынок.

Рынка этого, разумеется, Знаменский не застал, как и Сухаревской башни, все былое тут было до него, но он был москвичом, он, не помня, помнил старину своего города, странной этой памятью помнил, родством своим, что ли, со всем былым. Не потому ли мы и отстаиваем древние стены, ветхие домишки, что родня мы им? Толкуем про разное, про памятники архитектуры, а на самом-то деле печемся о стареньких своих родственниках. Без них, без древней родни, кто мы?

Знаменский наслаждался, когда попадал случайно в кривые эти переулки, присретенские эти Колокольников, Печатников, Головин, Пушкирев... Как с родней с ними раскланивался, не молясь, молился на их церкви, на древние стены с сырими без крестов куполами. Вот и сейчас он круг дал, чтобы миновать, глянув на древние стены, церковь Святой Троицы в Листах. Она была в лесах, на ней пытались ныне снова поднять сбитые, порушенные купола. Поднимали медленно, неумело, перевелись мастера, каменщики, умевшие тянуть в небо купола, — это тончайшая была работа, ведь купол из кирпича должен был парить. Бесконечно долго тянулась работа по восстановлению того, что в час один когда-то было уничтожено. Так и в жизни, и у каждого из нас... Миг один — и все разрушено, все прахом. Тянься потом, надрывайся, пытайся восстановить.

И все же восстанавливались эти купола, обретали себя. За оградой из досок, за подмостями, проглянули упругие бока, обозначилось взлетающее пятиглавие русского храма. Пошло, стало полноту у упрямецв камнекладов, порушенное будет восстановлено, в это поверилось.

Миновав церковь по Садовому кольцу, Знаменский свернул под эстакаду, вынырнул, вкатился на Трубную улицу, тоже из древних древнюю, с недоброй, кстати, молвой улицу, краснофонарную когда-то, где, впрочем, Чехов когда-то жил. Вот она какая, Москва, как в ней все перемешано. Да, и публичные дома, но и Чехов молодой, но и на холме вблизи — Рождественский монастырь, некогда женский монастырь, стель древний, что все знали его могучие стены: и святость, и блуд, и даже рукомесло для монастыря совершенно внезапное — тут в течение долгих лет после революции бывшие монашки занимались вышиванием золотой нитью красных знамен, тех, что потом проносили на демонстрациях по Красной площади. И совсем невдалеке был Центральный рынок, центральное московское чрево. Все смешалось, усмешливый у Москвы был нрав.

С Трубной улицы Знаменский свернул в Последний переулок. Этот кривоватый и в гору переулочек так уничтожительно был наречен не без

причины. Тут тоже краснофонарные когда-то шумели домики. Вот не потому ли так и называли это место? Последнее ведь дело, если по совести-то, покупать любовь. Но была и другая легенда, связанная с названием. Мол, переулок после пожара двенадцатого года был в ряду сретенских последним перед Сухаревкой, все прочее выгорело. Старожилы и еще какие-то имели свои резоны, чтобы объяснить, почему они живут в Последнем, но и не в Последнем, напирая на то, что совсем еще недавно их переулок назывался Мясным, что здесь был чуть ли не центр торговли на Москве мясом. И каким мясом! Никто этого мяса из ныне живущих не мог отведать, но твердо знал, что мясо было замечательным, не таким, как теперь, где одни жилы. Вообще раньше было все лучше. Это уж точно. Даже небо над Москвой стояло выше, было голубей, в веселеньких облаках. Теперь не то небо, смог проклятый набряк над Москвой. И хотя небо могло быть и теперь голубым и прозрачным, могло быть в самых-рассамых милых сердцу барашковых облаках, все равно не то это было небо. Вот и небо сумели порушить. А попробуй восстанови-ка небо.

Почти у самого угла переулочка, выходящего на Сретенку, где и была пончиковая, Знаменский остановил машину, припарковался чуть ли не напротив 18-го отделения милиции. Усмехнулся совпадению. Так уж всегда, парами все в жизни ходит. Вчера в ночь приволокли его в какое-то отделение милиции, сегодня вот сам подкатил к отделению милиции. Кстати, а не заволокут ли его и в это отделение, хотя бы за то, что посмел тут парковать машину? Два молодых лейтенанта, стоявшие у входа в милицейский участок, не без интереса рассматривали вставший напротив «мерседес». Но ничего, поглядели и удалились, поверили Знаменскому, что он человек, достойный доверия. На «мерседесах» спекулянты и бандиты не раскатывали, а раскатывали либо иностранцы, либо люди с положением. Но если бы молодые лейтенанты глянули в лицо владельца «мерседеса», то сомнение вползло бы в их души. Лицо этого владельца носило свежие следы драки — совершенно недопустимого для владельца такой машины занятия. Но лейтенанты через улицу не стали заглядывать Знаменскому в лицо, а уж он и подавно себя им не демонстрировал, поняв по вчерашнему, что московская милиция бывает быстра на расправу. Господи, так ведь и он сам был чем-то вроде этих, из милиции. Да и шел он на явку — именно так! — с полковником той же службы. Плела кружева лукавая Москва!

Полковник Мальцев уже ждал его в пончиковой и уже приступил к делу, его губы и подбородок были приметно выбелены сахарной пудрой. Полковник — и это было новостью для Знаменского — явился на встречу с ним в форме. Что так?

Увидев Знаменского, полковник поднялся навстречу, махнул, приветствуя, рукой, сжимавшей пончик.

— Здравствуй, Владимир Иванович. — Знаменский подошел, разглядывая полковника, его орденскую, не очень, впрочем, пышную колодку. — В честь чего сей парад?

— А в вашу, молодой человек. Не парад, а прикрытие. Лик-то у вас подозрительный. Я предвидел, что фингаленции всплывут за ночь. Так и случилось. Что за гражданин за подозрительный? Милиция-то рядом. Решил прикрыть вас своими погонами. Да, разделили нашего красавца... Болит?

— Терпеть можно. А вот как вспомню эту Иру, тогда хоть кричи.

— Да, Петра жаль. Он сейчас в опасности. В черноте. Здесь посидим, потолкуем и поедем к нему в госпиталь. Не жду, что он нам обрадуется. Не жду, что мы ему чем-то сумеем пособить. А рядом быть надо. Вам придется, Ростислав Юрьевич. Я его к вам приставил, а теперь... Садитесь. Пончик хотите?

— Больно жевать.

— Тогда кофейку. Клавушка, стакан кофе молодому человеку! Но не слишком горячий!

Они уселись за уютный столик, поглядели друг на друга. Знаменского раздражала эта пудра сахарная на подбородке полковника, он решил сказать об этом:

— У вас подбородок в сахарной пудре, Владимир Иванович.

Полковник достал платок, тщательно вытер подбородок, спросил:

— Теперь соответствую?

— Теперь соответствуете.

Подошла, вернее, подкатилась толстая, просто круглая, как пончик, официантка. Она и в пончиковых расцветках пребывала, была румяно-смугло-припеченная и слегка лоснилась. Поставила перед Знаменским стакан кофе, тарелочку с пон-

чиками, не веря, что есть человек, который откажется от такой восхитительной еды. И она не сразу ушла, а долгим взглядом изучила Знаменского. Все заметила. И что одет претотлично, но будто бы небрежно, одет во все заграничное. И что часы у него на руке из самых-самых, и что ключи от машины бросил на стол, а ключи были на таком брелоке, который сам по себе был большой ценностью. Но, главное, она его лицо рассмотрела. Хорош собой, что говорить. Из кинофильма парень, из боевика заморского. Но вот побито личико-то, синяки, ссадины, глаза не светят. В беде парень. И то, что оказался элитарный молодой мужчина в беде, это зоркую Клавушку, официантку при жалкой пончиковой, как бы сроднило, сблизило с ним. Был бы в порядке такой мужчина, она бы не решилась разглядывать его, по ту сторону глухой стены был бы он для нее. А в беде этот же самый, из чужого мира мужчина к ней шагнул, к официантке, стал возможен у них диалог. И она спросила:

— Женщина подвела? Мне о вас напарница все уши прожужжала. Мол, артист к нам стал захаживать. Пригоженький такой. Из-за женщины вас?

— Из-за кого же еще? — ответил полковник. — Из-за вас только все беды.

— Я бы не подвела, такого бы уберегла, — сказала официантка, признаваясь в любви, именно так, в любви с первого взгляда, и вовсе не шутя, а мгновенно все прикинув: и верность свою, и готовность свою все кинуть, если только позовет. Серьезные были у нее глаза, маленькие, как вкрапины от лопнувшего на пончике теста.

— Все вы так говорите, — сказал полковник. Он протягивал женщине руку, чтобы из неловкости ее вытащить, в которую она себя вводила. — Кружите нам, бедным, головы. А потом страдай, как он, светись фингалами. Кто вас придумал только, женщин?

— Что это я? — опомнилась официантка, устыдясь, утраившись того, что с ней вдруг случилось, когда глянула в лицо этого из сказки, из снов мужчины, подманившего ее своей побитостью, уравнивающей их. — Совсем рехнулась! — И пошла, покатила от стола, злая на себя, несчастная.

— Сложно, жить сложно, — отчего-то вдруг помрачнел полковник. — Уставать начинаю. Все-то мы воюем за чужие счастья, а собственного-то нет. А? Петю жаль... Жизнь плюет нам в душу, она умеет, но чтобы так... Ведь они было пожениться собрались. Ждали только, когда его в лейтенанты выпустят, он учился далеко от Москвы. А сперва был Афганистан. Ну, вернулся цел, с двумя орденами. Окончил офицерскую школу. Чего еще надо? Работу получил отличную. Квартиру мы ему обещали. Чего еще? Но вот пока парень наш за чужие счастья сражался, его собственное счастье сманили, завлекли, задурманили, сгубили. Я ночью все клял себя, я ведь знал кое-что. Надо было предупредить парня. А как? Меры принять, а какие? Зря я его по этому делу о наркотиках пустил. Тут все рядом, тесный мирок. И вот лоб в лоб сошлось. Это не случайность. Тут все рядом, даже в клубке. Из каких нитей клубок? Наркотики... Порнография... Терроризм... Да, да, и эта ниточка имеет место быть. Вот такая версия. Вот в такую мы с вами пьесу угодили, Ростислав Юрьевич. Мир борется за мир, все, как на плакатах пишут, люди доброй воли — за мир. А мы с вами, Ростик, что-то все воюем. И достается нам, как на войне. И войне этой конца не видать. Влипли мы с вами, Ростислав Юрьевич. Но надо же кому-то, надо. Кому на форумах беседовать, толкуя о безъядерном мире на вечные времена, а кому притоны вспаарывать. Вас уж и подкололи, вот уже и измордовали. Зачем это вам? Кстати, хочу спросить, обязан. И вы мне по совести ответьте. Обещаете? — Обещаю.

— Может, с вас довольно, Ростислав Юрьевич? После вчерашнего? Я доложу, вы себя отлично показали уже в нескольких эпизодах, заслужили, полагаю, пересмотра вашего дела. А, Ростислав Юрьевич, доложить? Дело-то уж больно у нас круто заворачивается. Вы не профессионал. Вы, так сказать, вольнонаемный. Ну, поработали на Родину, ну, искупили промахи свои. Искупили, так думаю. Докладывать? Я вас ни в чем не упрекну. Как, писать рапорт?

В этой «стекляшке», где в стены старого дома на Сретенке были врезаны непомерно большие окна, чтобы совсем светло тут было, хотя избыток света не столь уж нужен для пончиковой, здесь сейчас вовсю разгулялось солнце, из последних своих по осени сил не подпуская к Москве зимнюю хмуристь. Как в Ашхабаде тут сейчас было, как в той «стекляшке», где Ашир Атаев с ним пил шампанское, где Ашир Атаев беседовал с буфетчицей, с немолодой уже татаркой Розой, ко-

торая почитала его, как отца родного. А потом к ним подсел Самохин. Важный, смешной, смертельно больной человек. Как недавно все это было! Как бесконечно давно все это было! Жив был Ашир, жив был Самохин, не ныл шрам в боку, не ныло, как сейчас, лицо, не ныла душа за Петей Брагина, за его гибнущую Иру. Вот и еще двое вошли в его жизнь, двое несчастных. И не было тогда всего того, что пришло, когда пришла к нему Светлана. Она там сейчас, в этом солнце, которое почему-то здесь сейчас.

— Что я должен делать? — спросил Знаменский.
— Значит, остаётся? — Мальцев поглядел на него печально, не обрадовавшись.

— Так ведь «Кани» не пойман.

— Теперь Брагин знает его в лицо. И уж он-то его из памяти не выпустит. Ростислав Юрьевич, мой долг — предупредить вас... Я и сам недооценил этих людей.

— Владимир Иванович, мы начали разговор с того, что вы попросили меня быть рядом с Петей Брагиным. Как же мне теперь вас понимать? Вы непоследовательны.

— Это так, непоследователен. А почему я должен быть последователен? Я ищу. Версия... Вот она нас и завела во вчерашний подпольный шалман, где сбывают наркотики. В Москве, замечу, в Москве. А следы идут из Туркмении, оттуда дровишки. Вот так. А кассеты привезены из заморщины. Это уже иные дровишки. А их кто для Москвы заготовил? И так далее, и тому подобное. А вы даже стрелять не умеете. Умеете стрелять?

— Нет.

— Надо будет потренироваться. Завтра получите в нашей конторе пистолет. Советую «вальтер» взять. Старая вещица, но надежная. И весит мало.

— Завтра воскресный день, Владимир Иванович.

— Так и сегодня выходной, а мы работаем, пончики жуем. Да, я знал, что вы не бросите нас. Я вам поверил. Знаете когда? А когда вы смотрели на семью Ашира. Помните, когда они сидели, его жена и восемь его ребят, у ворот кладбища и ели лепешку, передавая ее от старшего к младшему. Я тогда увидел ваши глаза и поверил вам. А в непоследовательности вы правильно меня упрекнули. В сомнениях пребываю. Версия — она версия и есть. Но кажется, Ростислав Юрьевич, что первый акт нашей пьесы мы уже прошли.

— Вот сидим в антракте, пьем кофе.

— Но и кое-что смекаем в антракте-то. Кстати, опять кстати, вы помните Мерета Джумаева из Красноводска?

— Конечно. Веселый, милейший парень.

— Он был близким другом Ашира Атаева.

— У него еще жена — секретарь обкома, что его серьезно тяготит.

— Он поклялся, что дело Ашира теперь станет его делом. По телефону мне поклялся. У нас ныне по телефону высокие клятвы дают. Но клятва есть клятва.

— Куда вы клоните, Владимир Иванович?

— Вы ему зачем-то нужны, кого-то опознать ему там нужно. Вы у нас первейшим оказались опознавателем, Ростислав Юрьевич. Гады эти легко выходили на вас, не боясь вас, понимая, что вы сбоку припека в нашей работе. Гады-то они гады, но все же и дилетанты отчасти. Иные из них. Не все, не все, увы. Иные. И вот кого-то там надо вам в Небит-Даге опознать. Мерет Джумаев очень просил. Уважим?

— Когда мне туда?

— Завтра, не позже чем завтра.

— А как же здесь?

— А здесь работа у вас пока закончилась, Ростислав Юрьевич. Сбежал «Кани», подняли мы его со дна, спугнули. И он, так полагаю, в Москве торчать теперь не станет. Его уже и нет в Москве, так полагаю. А где он? Куда подался? Думаю, что как раз в Туркмению и подался. База-то главная у них там. И граница государственная тоже там. Горы, тропы, укрытия. Метаться начал этот «Кани». Может, и к лучшему, что вы вчера его не схватили. Пойманный рассказывает, загнанный показывает. Но хорошо, что подняли. Вынырнув, он кое-кого объективно уже выдал, и если они сами его не ликвидируют... Такая вот версия...

— И второй акт пьесы?

— И второй акт пьесы. Но мы ее не пишем, мы в ней участвуем. А драматург у нас с выкидонами. Вот что с Петей вчера выкинул. Да... Клавушка, еще пару пончиков! Клянусь, в последний раз!

Подошла Клавушка, неся на подносе пончики и кофе, подошла, а не подкатилась, будто сумела за несколько минут походку поменять, похудеть, что ли. Была строга лицом, отрешена. На Знаменского даже не взглянула. Одернула сама себя,

стоя у агрегата, варящего пончики, вспомнила что-то, опечалилась чему-то. Всюду и всякий миг живут люди своим и серьезным. Мечтают и рвут мечты, как ненужные бумажки, вспыхивают надеждой и гасят ее, как спичку, от которой прикурили. Ни шагу не делает человек просто так. Даже шутя, мы не шутим. Даже смеясь, вдруг чего-то да пугаемся. Но ей все же хотелось, очень хотелось разузнать про этого принца, про мужчину из снов ее, узнать, если повезет, что никакой он не принц, что с полковником милиции потому сейчас здесь, что у него крупные неприятности, и избит он не из-за женщины, а по какому-то темному делу, участником которого — полковник-то не зря с ним толкует — он является, и еще всякое разное с ним может произойти. И она, ставя тарелку и стаканы на стол, невзначай как бы сказала:

— А помните, товарищ полковник, как вы тут года четыре назад брали трех убийц? Я тогда чуть не умерла от страха. Такая драка началась! Ножи выхватили!

— Помню, помню, — покивал Мальцев.

— Здесь? — удивился Знаменский и оглядел эту невиннейшую забегаловку с громадными, ничего не утаивающими окнами, где сейчас по случаю выходного никого, кроме них, не было, и где только утлые столики и стулья скучали, и пончиковый царил приторный аромат. Ничто тут не помогало воображению представить эту смертельную схватку с тремя убийцами, выхватившими ножи. Да и зачем им было сюда заходить? Сладкие пончики пожевать вздумали убийцы?

— Тут тогда было очень славненькое кафе, что-то вроде киобара, — сказал Мальцев, перехватив недоумевающий взгляд Знаменского. — Рядом кинотеатр «Уран». Кафе было при кинотеатре. Разумеется, здесь можно было крепко выпить. И окон этих громадных, конечно, не было. В полумрак ныряли тут.

— После того, как вы их тогда взяли, — сказала официантка, — кафе наше сразу же закрыли, окна эти быстро-быстро прорубили. Одним словом, перестроились.

— Да, да.

— А вот, смотрю, вы и снова здесь, товарищ полковник. Снова кого-то брать будете? Может, мне уволиться заранее? Больше такого мое сердце не выдержит.

— Сердце надо беречь, это точно. Нет, Клавушка, работой спокойно, никто тебя здесь больше не потревожит.

— Верь вам! А потом в переулке рядом, ну, в Последнем, человек сразу же отравился, как только узнал, что убийц схватили. Не простой там дядечка, а начальник из начальников. Я его много раз встречала, он жил в Последнем. Тоже нарядный, видный. Вроде вас. — Она глянула недобро на Знаменского. — Правда, старый. А что, что старый? Актриса прекрасная в него была влюблена. Разбил он ей жизнь. Кружите вы бабам головы, такие вот. Честно, полковник, увольняться мне? Начнете еще тут из пистолетов палить!

— Увольняться не надо, а нервишки подлечить не худо бы, — сказал полковник и вдруг поднялся. — Ба, явление Христа народу!

В дверях стоял Петя Брагин. Он был в форме. Два ордена Красной Звезды молодого полблескивали на выходном милицмейском мундире. И еще там было полно всяких медалей и значков. Как на парад собрался. Подтянутый, начищенный. Но если и на парад, то прямо из боя. Голова забинтована, фуражка сдвинута не по форме, бинты мешали правильно ее надеть, а ворот уж совсем не по форме был распахнут, галстук разжался, и вымпел тельняшки дерзко вырвался из-под милицмейского мундира.

— Господи! — свела ладони женщина, испуганная и замороженная. — Я же говорила!..

— Так и знал, что вы тут сейчас пончики кушаете! — сказал Петя Брагин, негромко проговаривая слова, но с такой изнутри гневностью, с таким осуждением, что они выкриком показались. — А где Ира? Куда вы ее упрятали?! — Он шагнул к полковнику, вспомнил — тело вспомнило, — как надо встать перед старшим офицером, он так и встал, вытянувшись, руки по швам. Но в глазах у него недобрый светился огонек. Перед взрывом огонек. Все теперь были виноваты в его несчастье! Весь мир! И даже этот его полковник, которого он еще недавно боготворил.

— Поедем к ней, — сказал полковник Мальцев. — Хорошо, что нашел нас. Мы к ней и собирались. А тебя думали дня два-три не беспокоить. Оклемался? Ну, молодец. Покатили! — Он не глядел в глаза парню, давал ему чуть остыть. — Прощай, Клавушка. — Он выложил на стол трешку. — Не пугайся, если что и будет, то не в твоей пончиковой. Место слишком сладкое для наших дел...

Продолжение следует.

Еще по привычке я думаю о них в настоящем времени — вот придут на репетицию, вечером — на спектакль. Никак не могу совладать с тем, что говорить-то о них надо в прошлом. Да и как такое мыслить о друзьях-товарищах!

Д

олгие годы с Анатолием Дмитриевичем Папановым мы делили попалам гримборную. О чем только мы не говорили, спорили, но никогда не ссорились...

Оказывается, мы знали друг друга более тридцати лет, это я сейчас подсчитал. В начале пятидесятых годов появился в театре Папанов. Помню, что долго играл в массовых сценах, ролей не получал. Знаю по себе, какая это мука — ожидание интересной работы. Он терпел и ждал, не браня судьбу и режиссеров. Это я сейчас осознаю, что им руководила вера в себя и понимание: он нужен именно Театру сатиры. Его актерские данные не вызвали со-

МЫ Б ПОМ

мнения, и, бесспорно, толкнувшись в другую дверь, он был бы принят в труппу любого московского театра. Но Папанов — однолюб, и это проявлялось и в отношениях с товарищами, в деле.

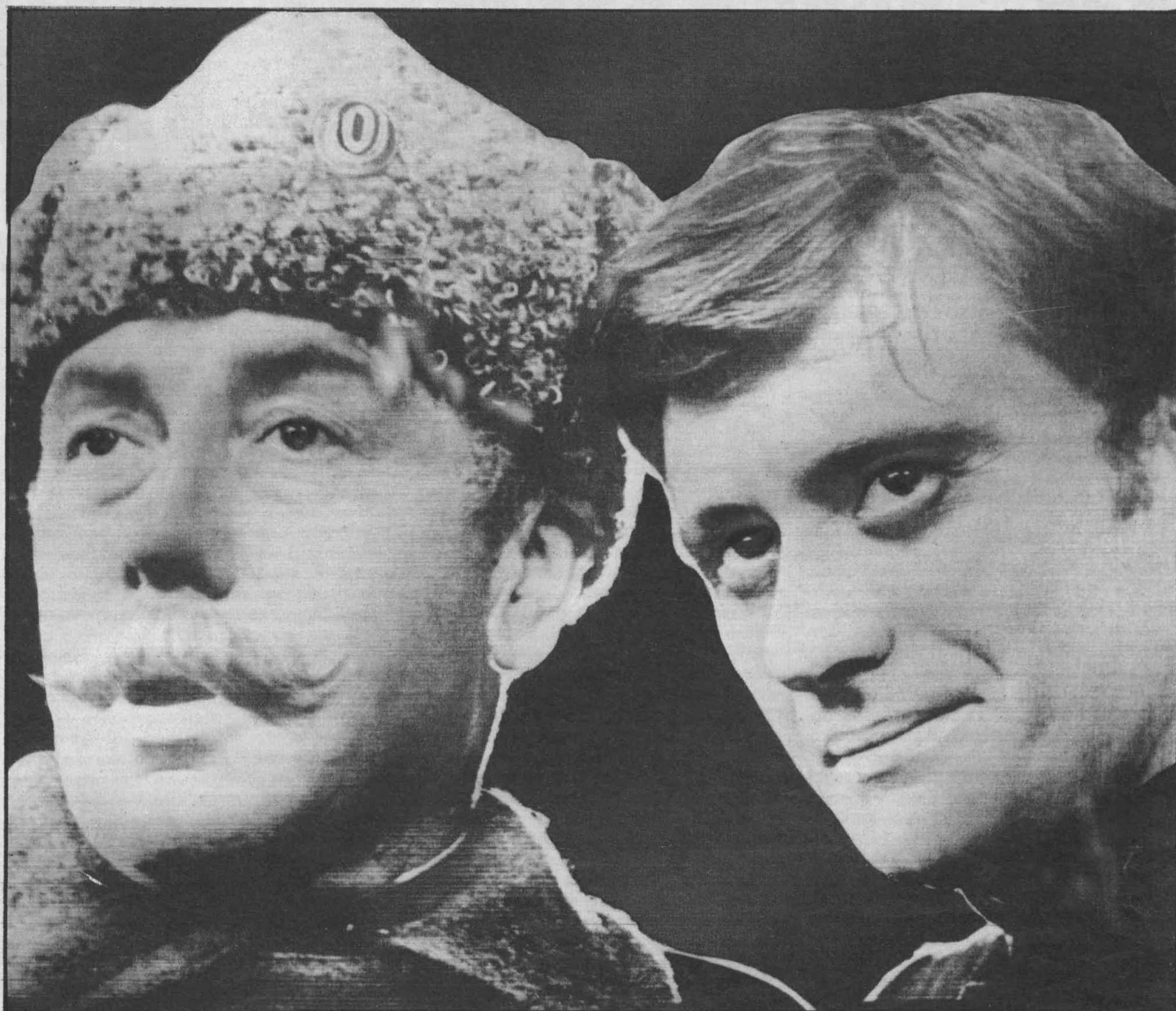
Он не был баловнем судьбы. Каждый успех, даже самая маленькая победа достигались упорным трудом, муками творчества. Именно муками, потому что Анатолий Дмитриевич терзался, изводил себя, пока не находил решения. Да и найдя его, продолжал экспериментировать. Играть с Папановым было удовольствием. Он увлекал партнера смелостью решений, неожиданностью, каким-то даже «благородным коварством» большого художника. У нас не было одинаковых спектаклей. Сцены, где был занят Папанов, обязательно носили элемент новизны. Вообще для всех ролей Папанова характерен этот элемент эквилибристики, когда публика с замиранием сердца следит за кажущейся легкостью шага. Помните, Толя говорил, что он любит все «острогастрономическое» — соль, перец, уксус, жгучие приправы. Вот и вся его актерская кухня была «острогастрономической».

Я никогда не забуду папановский взгляд. Он смотрел в глаза и никак иначе. Он не боялся встретиться с глазами собеседника, потому что говорил правду, не умел кривить ду-

дой. Это не всем нравилось, становилось причиной сложностей отношений, конфликтов. Но Папанов иначе не умел да и не хотел. Он бывал резок на худсовете. Высказывал свою точку зрения, не думая о последствиях, о закулисных шепотках. Да и в общении с товарищами не имел привычки говорить красивые, но пустые слова. Будучи по натуре доброжелательным, он и на сцене сохранял это качество. Актер тонкий, удивительно отзывчивый, Анатолий Дмитриевич охотно поддавался мысли партнера, подхватывал ее и развивал. Он легко ловил пущенный тобой «мячик» и, в свою очередь, бросал его столь ловко, что следовало проявить изворотливость, дабы поймать его. Он не угождал партнеру, не работал под него, а ставил задачи.

Папанов не был актером-эгоистом. Но своего не отдавал. Когда наступал его час, когда доходило до «генерального куска», тут уж держись, не мешайся под ногами, уступи. И это было понятно. Актеру такого размаха требовался передний край.

Папанов был порой резок, не всегда справедлив. Бывало, сорвется у него с языка обидное слово, сам понимает: зря так сказал. Мучается, а потом извинится. Черта, присущая не всем,— умение попросить прощения. Когда шел разбор спектакля и высказывались критические замечания, он на глазах мрачнел, лицо становилось жестким. Но это было ка-

УДЕМ НИТЬ ВАС, ДРУЗЬЯ

жущееся принятие критики. Его ранило замечание, приносило боль, поскольку не всегда совпадало с его внутренним замыслом. И это было не проявление самолюбия, уверенности в безгрешности и всемогуществе. А проявление недовольства собой. «Нет, не мастер я, не довел...»,— говорил он и злился на себя, на свою беспомощность. Хорошая злость требовалась ему и перед спектаклем. Это был своеобразный допинг. Мог раскричаться, расшуметься по любому пустяку, взвинчивая себя, и в таком виде летел на сцену. Хочу сказать, что никто не обижался и не сердился...

А вообще Папанов был, как ни странно, застенчив, любил одиночество, был даже замкнут. Боялся причинить беспокойство, никогда не требовал особого внимания, заботы. На гастролях удовлетворялся любым гостиничным номером, да и вообще бытовые неудобства не вызывали в нем протеста. Никогда не употреблял все своих привилегий, а ведь он был фронтовиком, народным артистом СССР. А после спектакля всегда старался улизнуть от толпы поклонников, любителей автографов. Сердился, когда его узнавали на улице и с любопытством рассматривали.

С Папановым мы были дружны и откровенны, но я не могу указать, что хорошо знаю его. Он удивлял

открытиями. В последние годы стал преподавать в ГИТИСе, причем довольно успешно. Стал интересоваться режиссурой, хотя никогда не говорил об этом. И вдруг—пьеса М. Горького «Последние», поставленная за два месяца. И, войдя в амплу режиссера, удивил необыкновенной нежностью в работе с актерами. Он любил их, радовался успехам, помогал... Премьера состоялась, он переживал, видя недостатки, и думал, что в последующие дни исправит...

Не успели пережить одну потерю, наш театр постигло и другое горе—не стало Андрея Миронова. Они были не только премьерами театра, его лицом, они были большими мастерами советского искусства.

Папанов и Миронов—очень разные. А роднило их в первую очередь трудолюбие. Если надо, могли работать сутками. Они были талантами яркими, самобытными, настоящими подвижниками театра. И, конечно же, Валентин Плучек видел это и давал возможность их самовыражению, помогая раскрыться на самом разном сценическом материале.

Андрей вызывал восхищение блеском, изяществом. Он был веселым, элегантным, я бы даже сказал, «нарядным», и его появление всегда встречалось радостными возгласами.

Он любил посмеяться, умел развеселить, но был и серьезным, вдумчивым, строгим и требовательным. В спектакле «У времени в плену» А. Штейна он играл Всеволода-старшего, романтика революции. Тут не было ни одного неискреннего слова. А когда видел его Хлестакова в «Ревизоре», особо в сцене «вранья», то просто любовался. Я видел многих Хлестаковых и поэтому с полным правом могу сказать: мионовский образ грандиозен. Он играл с упоением, с каким-то юношеским восторгом, забавляясь сам и вовлекая в игру окружающих.

А разве можно забыть его Фигаро, его любимого Фигаро, ставшего вехой в творческой жизни! Как это жестоко, когда человек уходит в расцвете сил, успеха. За двадцать с лишним лет Андрей сыграл роли, о которых можно сказать: мечта каждого актера. Он очень спешил утвердить себя, выложиться, будто знал, что времени на раскачку нет. И работал, работал, работал. Я смотрел на него и поражался запасу энергии. Не могу сказать, что были очень дружны: сказывалась разница в возрасте. К нам, старикам, Андрей относился с уважением, прислушивался к советам, был мил в общении. Впрочем, его все любили. Стремительный, порывистый, он везде поспевал и успевал. С завистью смот-

Анатолий Папанов
и Андрей Миронов
в спектакле «У времени в плену».

рел на его азарт молодости, увлеченность. Он действительно много знал и умел...

Папанов и Миронов. Такие разные и такие близкие. И вот неожиданная потеря. Они были нужны людям. Их провожали толпы. То был стихийный поток, бесконечный, разновозрастный, искренне горявавший.

Что сейчас чувствую я? Пустота, ощущение несправедливости, растерянность... Оголился репертуар, жизнь обеднела. Заменит ли их кто-нибудь когда-нибудь? Думаю, нет. Останутся фильмы, записи. Вот в субботу телевидение показало «Иду на грозу» с Папановым. Я услышал его голос, увидел его глаза. Эта встреча причинила боль.

Говорят, что в древности люди верили в существование «Книги жизни», куда вносились их имена и добрые дела. И если она действительно есть, то Папанову и Миронову в ней должны быть отведены не строки, а страницы, ибо, верю, память о них останется надолго. Добрая память людей.

Георгий МЕНГЛЕТ,
народный артист СССР

НЕ СОТВОРИ КУМИРА

ЧТО ЧИТАТЬ!

Татьяна ИВАНОВА

ОТСРОЧКА...

Много, много лет назад я работала в молодежной газете, решившейся защищать Байкал. Было опубликовано письмо крупнейших ученых и общественных деятелей, выступавших против строительства комбината, они, естественно, понимали всю пагубу проекта. Но речь сейчас не об этом. Не о том, что письмо за солидными подписями не нашло себе места ни в одном печатном органе, кроме молодежного. Не о том, что во имя истины никто, кроме комсомольского возраста журналистов, не захотел ничем рисковать. Речь вообще не об экологии, не о комбинате, не о Байкале.

Речь о встрече за «круглым столом», которую мы организовали в редакции примерно в то же время. Тема звучала так: «Убей культ в себе». Были приглашены комсомольцы, комсорги с крупнейших московских автомобилестроительных, станкостроительных, приборостроительных заводов, рабочие-строители, молодые ученые.

Тогда говорилось, что принятое партией постановление о преодолении культа личности и его последствий можно будет считать выполненным только при одном условии: если каждый из нас убьет культ в самом себе.

Вот с каким сложным делом мы хотели тогда разобраться.

Нельзя считать преодоленными, изжитыми последствия культа личности, пока культ живет в наших собственных душах. Пока мы ощущаем себя винтиками, а не гражданами, настоящими хозяевами страны, личностями. Нельзя считать последствия культа личности преодоленными до конца, пока мы подозрительны друг к другу, пока мы творим себе то одного, то другого кумира, пока мнение специалиста пусует перед мнением бюрократа, пока человеческое достоинство не стало высшей ценностью. Пока мы унижаем друг друга недоверием, хамством, всеми разновидностями халтуры, наветом, сплетней, грубостью, ложью, доносом.

Пока мы унижаем друг друга...

Много часов подряд шло то заседание. Глаза горели. Материал был подготовлен к печати и стоял в номере. Но вот тут-то и оказалось, что мы не поняли до конца ситуацию. А может, пропустили какой-то важный момент. Пока номер верстали, время было такое. А вот пока полосы оттискивали, время стало этакое.

И материал не увидел света.

Рукописи не горят, скажете вы.

Проблема не снята, вот что существеннее, замечу я в ответ.

И не произведения о прошлых ошибках (их пишут наши мужественные отцы, мы, младшие, естественно, не посягаем), а произведение о самом что ни на есть сегодняшнем дне, самые свежие жизненные фак-

ты навели меня на воспоминания и заставляют говорить о них, а не о чем иным.

...И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Чтобы написать этот обзор, я прочла тридцать шесть толстых журналов. Больше всего растрожила меня маленькая повесть Юрия Мамакина в «Радуге». Она называется «Назначение».

Молодой математик Павловский работает по распределению в научно-исследовательском институте. Он уверен, что у него, как и у всех людей на свете, есть свое предназначение, и хотел бы его исполнить. Он хотел бы также, чтобы окружающие осознали — каждый — свое предназначение и поняли, что чертовщина, которой занимается их институт, к реальной жизни, к делу, к нуждам Отечества ни малейшего отношения не имеет. Коллектив, глядя Павловскому в спину, крутит пальцем у виска.

Коллектив гигантов бумажной мысли, занятых документооборотом, отторгает специалиста. Зато с распростертыми объятиями принимает полуграмотного, всем улыбающегося типа, ласкает его и носит на руках, избирая поочередно во все свои руководящие органы. Собрание. Персональное дело неуживчивого Павловского. Все дружно восстают за честь родного коллектива...

У повести хороший конец. НИИ расформировывают, потому что идет перестройка. Но этот хороший конец печален: гиганты бумажной мысли теперь заискивают перед Павловским, теперь ласкают его...

Надо было убивать культ в себе все эти годы, все тридцать с лишком лет. Надо было выдавливать из себя по капле рабство, угодливость, покорность, трусость, соглашательство. Никакие самые лучшие постановления эти позорные черты внутри каждого из нас не отменяют, выходи они хоть по два в день.

Начинает разрастаться культ коллектива. Начинаем твердить, что он всегда прав и никогда не ошибается. Но позвольте! Вот вам коллектив, дружно и слаженно, в течение многих лет шьющий, например, мужские сорочки, которые никто не берет, поскольку правый рукав у них прилажен к левому боку. Значит, доверять этому коллективу шитье сорочек нельзя, правда? А доверить ему выборы собственного руководителя, стало быть, можно? Телевидение сейчас щедро выдает сюжеты: коллектив избирает, коллектив решает. Хотелось бы все-таки в каждом случае знать: что за коллектив? Все-таки о достоинствах его мы судим по плодам труда. Не верю, что команде бракоделов, закосневшей в халтуре, можно хоть что-то доверить. Выберет себе удобного лидера, чтобы не мешал жить, как привыкли, вот и все.

Ю. Мамакин показал нам один из тех коллективов. Думаю, что во время перестройки писатель совершил очень важный для всех нас поступок,

написав свою повесть-предостережение.

Культ отвратителен в любом виде, будь то культ одной личности или культ коллектива. Он стоит поперек дороги у перестройки, не убитый нами в самих себе. Это насилие над самими собой мы просто обязаны совершить — убить культ в собственных душах. Любое другое насилие, естественно, несовместимо с демократией. Это же ей жизненно необходимо.

«...Роман В. Лихоносова «Наш маленький Париж» — ползучая контрреволюция. Роман В. Сальковского «На старой смоленской дороге» — навет на русского солдата, оплевывание его. Роман В. Дудинцева «Белые одежды» — очернение советской действительности». Такие обвинения против одного из своих членов, желая этого произведения напечатать, выдвинул один трудовой редакционный коллектив. Не тридцать с лишним лет, а всего лишь полтора года назад. Перестройка уже шла полным ходом. И коллектив победил, разумеется. И вдгонку изгнанному им, отторгнутому члену еще и распустил серию наветов и сплетен. Такой вот коллектив.

Я сидела на собраниях, слышала все собственными ушами, видела своими глазами молодых — чуть за тридцать — мужчин, вот эти самые формулировки оглашающих. С той поры роман В. Сальковского получил отличную прессу, роман В. Лихоносова — премию Союза писателей РСФСР, роман В. Дудинцева зачитываются тысячи людей. И только не угодный коллективу редактор, который хотел все это опубликовать, сидит дома «на вольных хлебах», пишет... Сколько бы можно было взвалить дел на его широкие плечи! Но перестройка в литературе вынуждена обходиться без него.

Недавно я была на другом писательском собрании. Видела прекрасное, интеллигентное лицо, слышала грамотно (с точки зрения красноречия и филологической культуры) построенную речь критика Валентина Курбатова. На что же был направлен пафос этой хорошо продуманной речи? Критик хлопотал о том, что зря, по его мнению, слишком много печатают забытых, запрещенных некогда произведений. Еще о том, чтобы перестали мы ворошить прошлое да выяснять, сколько миллионов невинно погибли. Слишком, мол, тесно у нас переплетены человеческие судьбы, не поймешь ведь, где палач, а где жертва...

В этом зале, совсем рядом с Курбатовым, сидел человек, просидевший долгое время в одиночной тюремной камере. Человек, у которого все зубы чужие, потому что частенько волокли его за ноги вниз по лестнице, а головой он считал ступеньки. Ни в чем не повинный, чудом выживший человек... Да и не один он такой был в этом зале. Что же значила красивая речь? Только ли то, что от прекрасноты до фарисейства один шаг?

Прошло с того собрания несколько дней — читаю статью другого критика, А. Казинцева. Упрекает «Зубр» Д. Гранина и «Исчезновение» Ю. Трифонова не в чем-нибудь, а в идейной неполноценности, в неполном патриотизме. Да наотмашь!

Даже трогательно, как критик объясняет Д. Гранину, например, что жизнь не состоит из одних анекдотов. Гранину, участнику боев на Ленинградском и других фронтах, закончившему войну командиром роты тяжелых танков.

И снова мысль, которая встречается ныне во многих публикациях: настоящий патриот обязан любить прошлое своей страны в полном объеме, без изъятий.

Интересно, этот принцип относится исключительно к нам? Или, по мнению его приверженцев, универсален? Но тогда что бы они посоветовали, например, немцам? Вот в майском номере «Дружбы народов» о своих встречах с ними рассказывает В. Огнев. Немцы делились с ним своими раздумьями на этот счет, очень простыми. Гитлеризм, например, спекулировал на всех проявлениях народности. «И сегодня люди, начиная песню, которую пели их отцы, чувствуют какое-то смущение, что ли... Многие предпочитают не петь...»

Был ли патриотом Зубр, добровольно не принесший сталинизму жертву в виде собственной жизни? Для А. Казинцева тут нет вопроса: конечно, не был. Гибель сына, помогавшего нашим беженцам из концлагерей, и то, как он сам впоследствии едва не погиб в лагере под Карагандой, и то, что был у нас единственным представителем своей науки, ставил эту науку — какую! защита от радиации! — все это, оказывается, не искупление. Что потеряли бы мы, не будь у нас Зубра, погибни он раньше срока, сколько жизней...

Впрочем, сколько? Обязательно найдутся люди, которые непременно спросят: а сколько, в сущности, жизней? Если не восемьдесят миллионов, а, например, двадцать, то они сочтут, что говорить особенно не о чем... И содрогнется Достоевский, услышав такие слова от собрата-писателя, от известного своей добротой, совестью и чувством вины перед несправедливо обиженными — известного в веках и мирах русского человека.

Мало, мало искуплений. Своими словами писатель обязан был Зубра пригвоздить — тогда был бы ажур, порядок.

ВЫДОХ

Недавно М. Н. Алексеев, главный редактор журнала «Москва», объяснял, почему, на его взгляд, нельзя публиковать только тяжелую, грустную прозу. Ведь идет жизнь, она прекрасна, говорил он, и вообще, живой человек ведь делает не только вдох, но и выдох.

Это совершенно верно, по-моему. Давайте-ка и мы с вами сделаем выдох, хватит горьких слов.

Я расскажу вам про журнал, который всегда открываю с удовольствием. Он называется «Уральский следопыт». Входит ли он в круг вашего чтения? Если нет, рекомендую. Особо ценно если в семье есть дети.

И проза, и журналистика — здесь, как правило, на хорошем уровне. Интересны материалы по истории Родины. В старинной, прямо изысканной манере общения идет переписка с читателем. Если получать журнал регулярно, можно переплести несколько тематических сборников, которым прямо цены не будет: путешествия, приключения, фантастика, «умельные руки», календарь народных примет.

В журнале опубликовано продолжение романа... «Аэлита». Это повесть «Звезды последней лучи». Написал ее Анатолий Андреев. «Следует сразу оговориться, — пишет в предисловии к публикации Сергей Снегов, — по своим художественным достоинствам повесть А. Андреева сравнения с великим творением А. Толстого, конечно, не выдерживает. Но она может представить интерес для читателя как образец того, как старая задача межпланетного рейса совершается средствами новой техники и писательскими приемами современной научной фантастики».

Полагаю, что старший товарищ слишком строго оценивает молодого. Я воздержалась бы от такой категоричности: «конечно, не выдерживает», — полностью отдавая себе отчет в дерзости своего воздержания.

Невозможно не сказать еще об одном материале этого номера: братья Стругацкие отвечают на письма читателей. Это очень интересно. Все, кого волнует судьба фантастики, все, от кого она зависит, думаю, прямо должны прочесть этот материал: Стругацкие, во всяком случае, имеют право быть выслушаны. Журналам, ищущим, что бы опубликовать, тоже надо обратиться к этому материалу, если они доверяют вкусу Стругацких: братья называют имена и адреса тех, кто по их представлениям пишет отличную фантастику. А я воспользуюсь случаем, чтобы поправить одно свое опрометчивое заявление. В одном из обзоров я достаточно скептически отозвалась о «Времени дождя», публикуя в журнале «Даугава». После первых номеров что-то не вызвал он у меня энтузиазма. Читатели прислали письма протеста: им очень нравилось! Я стала читать дальше, вчиталась и вижу теперь, что они были правы. Они вообще чаще бывают правы, чем думают некоторые литераторы. (Хотя я давно заметила: пишущий человек, и я в том числе, склонен считать читателя правым тогда, когда читатель с ним согласен, впрочем, я говорю о любом читателе, и о читателе-критике.)

Так вот, в апрельском номере «Невы» под рубрикой «Литературный дневник» опубликована статья Евгения Пригожина, читателя. Критическая статья. Читателю семьдесят лет, по образованию он горный техник, работал начальником шахты в Сланцах, теперь на пенсии. Пишет он о произведениях, которые очень ему понравились. Что же это за произведения? «Печальный детектив» В. Астафьева, повесть В. Лакшина «Закон палаты», опубликованная в прошлом году «Дружбой народов», повесть Г. Скульского «Шуба» из журнала «Таллин». Думаю, что самые взыскательные критики отдадут должное высокому вкусу читателя. А заканчивает он свою статью (отличающуюся от многих профессиональных работ тем, что она точнее, яснее и короче) так: «Разумеется, немало было прочитано и скучного, невыразительного... Но у плохой литературы есть, на мой взгляд, одно несомненное достоинство — она не запоминается».

Конечно, этот читательский вывод, думаю, опровергнуть очень просто: есть такие плохие произведения, что они прямо потрясают воображение, они незабываемы...

К. Степанян в «Литературной газете» решительно не согласился со мной в оценке повести о Ф. Достоевском В. Есенкова, опубликованной в журнале «Север». Но перед нами не тот случай, где разные мнения двух критиков равно имеют право на существование. К. Степанян уведомляет, что занимается изучением Ф. Достоевского много лет (пишет даже, что он прочитал всего Достоевского), но находит повесть интересной и прямо отличной. (Я писала: «Если вы никогда ничего не читали о Достоевском и самого Достоевского тоже не читали, вам, возможно, будет интересно».) Заявление Степаняна для меня не удивительно, ему не впервой защищать Есенкова, которому серьезные критики не раз предъявляли обоснованные претензии в отсутствии вкуса, в поверхностности и т. д. В повести о Достоевском он не дает ничего, что превышало бы запас информации школьного учебника литературы. Самые первичные биографические факты. Остальное — авторский произвол. «Он приоткрыл дверь и сердито высунул голову...», «Он потупился и нерешительно двигал тетрадь...», «Он радостно, облегло восторженно...», «Он с жаром воскликнул...», «Он взволнованно продолжал...», «Он угадывал...», «Он постарался ответить спокойней... Это все Достоевский».

И критик, демонстрируя, в свою очередь, отсутствие вкуса, поощряет в начинающем авторе беззащитную отсебятину по отношению к гению русской и мировой литературы. Где был, например, наш автор, когда в комнату к Достоевскому вошел Григорович? Простите, не вошел: «Раздался быстрый скачок, дверь распахнулась во всю ширину, и Григорович, высокий и стройный, с растрепанной головой явился в широком проеме, растопырив пальцы, вытянул неестественно руку, отставил ногу вперед и продекламировал какие-то стихи». Так вот хотелось бы все же знать, где был наш уважаемый В. Есенков, когда «раздался скачок». Еще информация о Григоровиче: «Отбросив с изящной легкостью фалды, красиво сел и смотрел на него с растущим удивленным вниманием, несколько раз от волнения почесав то подбородок, то нос».

Это все не смешно. Не смешно и то, что Григорович восклицает с неподражаемым одесским акцентом: «Вы же знаете, Достоевский, какое у меня о вас высочайшее мнение». Даже то не смешно, что он «странно вертелся на стуле, точно порываясь вскочить, уйти по очень неотложному, наиважнейшему делу, но сбежать из-под самого носа почтенного, уважаемого соседа не позволяли приличия». Жаль обрывать цитату, потому что там и дальше чего только нет: там, например, «кудри, сбившись, висели по щекам и на лбу». Писать так не по-русски о русском писателе — грех и кощунство.

К. Степанян удовлетворен трактовкой образа отца Достоевского. Трактовка прелестная. На странице 16 автор рассказывает нам, какой это был спокойный, выдержанный человек, как никогда не поучал он детей, а на странице 25 Достоевский не может вполне довериться Григоровичу, поскольку с детства запуган раздражительным, хмурым отцом до того, что думает: «...это (все доброе в Григоровиче) может повернуться как-то обидно или с какой-нибудь внезапной, преднамеренной грубостью».

Валерий Есенков уже написал повести о Тютчеве, Гоголе, Гончарове. Цитатой из его последней работы я оценю их: «Свежим глазам предстали

все-навсего школьные упражнения, может, и дерзкого, но все же ученика».

Не радоваться бы надо, не поддерживать неумелые писания, а объяснить хорошему человеку, что написать роман и об одном-то великом русском писателе жизни может не хватить. Делать же это мимоходом в самом деле дерзость.

Так подробно я вынуждена толковать об одной работе, причем плохой, потому что, повторяю: плохие произведения о великих русских писателях, произведения, написанные суконным языком, манерные, полные беспочвенных домыслов, — кощунство. А критик, поддерживающий их, или беззащитно лицемерит, или, увы, не способен отличить плохое от хорошего.

ЛЕТОМ В ДЕРЕВНЕ

В мартовской «Волге» рассказ Бориса Екимова «Хозяйка». Адреса рассказов этого писателя считаю необходимым сообщать: пока что не читала ни одного, о котором можно было бы сказать «неудача». В этом молодая ухватистая тетка выпроваживает из дому старую свекровь. Никому не нужные старухи — горькие слезы...

Мартовский номер «Нашего современника» опубликовал несколько произведений, о которых нужно рассказать. В самую первую очередь — повесть Леонида Фролова «Не в этом дело». Свообразие писательского голоса я вижу в том, что он смотрит на своих героев и на все, что случается с ними, как бы чуть улыбаясь. Это добрая, понимающая улыбка. Она придает голосу очень доверительную интонацию, может быть, даже слегка ободряющую и героев, и читателя.

Хотя ситуации, в которые всматривается писатель, отнюдь не просты. Что станет с деревней, если нерадивый и справедливо наказанный тракторист поддастся обиде и уедет? Всю Калиновку держат на хрупких плечах трое детей этого тракториста, а вовсе не он сам и даже не его жена, хорошая доярка. Увезет он троих детей — перестанут существовать три класса в Калиновской школе. А стало быть, и школа тоже. И, значит, медпункт, почта... Смерть придет Калиновке. Вместе с нею десятку маленьких деревень вокруг.

Штрафовать ли, скажите мне, тракториста за выведенный из строя трактор? Нет сомнений в душе?

Смело рекомендую вам повесть, товарищи читатели.

Обратите внимание на еще одну публикацию — «Хлебный день» Елены Полуян. Там молодая продавщица из деревенской лавки едет на тракторе на базу за товаром. Отличное, отрезвляющее напоминание всем нам, горожанам, о реальном быте села, расположенного, кстати, вблизи столицы.

Произведение Натальи Сухановой «Выездная сессия. Из записок адвоката» — из той же серии реальных, жизненных и очень печальных произведений. Опять: знать бы, что документально, хвалить можно без оглядки. И печалиться до слез. Но Суханова, как и Полуян, — литератор. И в ее произведении налет «литературы» несколько портит впечатление.

В последнее время опубликовано много произведений из архива Федора Абрамова. Были среди них превосходные. Но были и такие, которыми, на мой взгляд, место все-таки в полном собрании сочинений.

Видимо, столь же талантливый, сколь и требовательный к себе писатель отдавал периодике самое-самое лучшее. Потому читатели и почитают его великим. Я бы сказала так: к этому читательскому впечатлению нужно относиться с уважением. Недавно я критически отозвалась об одном весьма слабом рассказе Тыняно-

ва вот как раз по этой причине (отвечая читателям, которые ругательно ругали меня за такой отзыв): не надо бы снижать образ. А то, как считает одна читательница: «Впечатление, что эти писатели не умерли, а живы, и пишут, пишут, и все хуже и хуже...»

Это отступление тоже имеет отношение к мартовскому номеру журнала «Наш современник» — прямое.

Литовская деревня — в рассказах Эмы Микуленайте «Литва литературная». Прохладные северные реки, отличные прибалтийские дороги, сдержанные характеры, порядок во всем — это прочитывается в прозе, хотя проза от этого не перестает быть деревенской. А это значит ведь не только то, что речь идет о деревне, а и то главным образом (слава деревенщикам, наполнившим таким смыслом критический термин), что автор с особым вниманием относится к внутренней жизни героев, ему чужда «амбивалентность» в подходе к нравственным ценностям, он никогда не путает добро со злом... В данном случае она, Эма Микуленайте. Прочтите ее рассказы.

И в апрельском номере «Даугавы» хорошая деревенская повесть Мары Свири «Со вчерашним днем в кармане». Здесь деревня латышская, не собирающаяся ни умирать, ни деградировать, к великому счастью. Герои произведения — интеллигентные молодые специалисты и специалисты.

Лучшие писатели-деревенщики * России создали дивные образы, незабываемые картины и, естественно, массу последователей, даже подражателей. Добротная, добросовестная проза о безрадостной жизни уходящих деревень обильна. У читателей может сложиться впечатление, что все наши деревни и все деревенские жители друг на друга похожи. «Непохожую», другую жизнь, по моим наблюдениям, пишут Борис Екимов, Леонид Фролов, Анатолий Жуков. Встречая эти имена в периодике (очень редко, к сожалению, с перерывами в годы), я всегда стараюсь обратить на них читательское внимание. Имена негромкие, но достойные.

Сегодня вы узнали еще два женских имени. Прочтите произведения, названные здесь, и ваши представления о реальной жизни советского села (не в прошлом, а теперь, сегодня) расширятся. Смею думать, что обогатятся и знания о душе человеческой, о характерах и нравах сограждан.

...ВДОХ

Журнальные страницы наводят на самые разные раздумья. Но о чем бы я ни читала сегодня — о голубях или морских путешествиях, о собрании в институте или сельском магазине, — одна мысль особенно неотступна. Мысль о том, что сейчас у нас принято называть человеческим фактором. Словом, неотступно думается о роли человеческой личности в истории, о том, что с нею связаны все надежды, вся судьба нашей революции. С нею — великой личностью, свободной, гордой, счастливой.

В заключение хочу сказать, что в адрес редакции и мой пришел очень много писем от читателей, издателей и авторов некоторых произведений, о которых я писала в статьях этого года. Обзору писем и ответов на поставленные в них вопросы, возникшие недоумения, выраженные обиды, несогласия, возражения будет посвящен один из следующих выпусков рубрики «Что читать?».

* Термин весьма условен, но пользуюсь им, поскольку сами прозаики, зовущиеся так, не возражают, как правило, против такого самоназвания.

...КОГДА-ТО, В СЕРЕДИНЕ 70-х, ДРУЗЬЯ ПОВЕЛИ МЕНЯ НА ДЖАЗОВЫЙ ВЕЧЕР В ДК «МОСКВОРЕЧЬЕ» СЛУШАТЬ КОЗЛОВА. И, КОНЕЧНО, Я НЕ МОГЛА НЕ ПОЛЮБИТЬ ЕГО МУЗЫКУ. НАМ, СТРАСТНО УВЛЕКАЮЩИМСЯ, БЕЗУМНО ИМПОНИРОВАЛ «ИМИДЖ» АЛЕКСЕЯ КОЗЛОВА, УМЕНИЕ БЫТЬ ВСЕГДА «ВПЕРЕДИ ПРОГРЕССА». ЛЕГКО ЛИ ЕМУ БЫЛО БЫТЬ ТАКИМ, СУЩЕСТВОВАТЬ В ПОЛОЖЕНИИ

«ПОЛУПОДПОЛЬНОГО» ДЖАЗМЕНА, МЫ НЕ ЗАДУМЫВАЛИСЬ. МЫ ПРОСТО ЛЮБИЛИ ЕГО МУЗЫКУ, ЕГО «АРСЕНАЛ». ЗАДУМАЛИСЬ С ВОЗРАСТОМ. И ТОГДА Я ПОПРОСИЛА ЕГО РАССКАЗАТЬ, КАК ЭТО БЫЛО.

Мария ДЕМЕНТЬЕВА, корреспондент «Огонька»

Алексей КОЗЛОВ

ВСЕ ЭТОТ ДЖАЗ

ИЗ ВОСПОМИНИЙ СТИЛЯГИ

Джаз я полюбил, когда мне было десять лет.

Это были первые послевоенные годы. Страна переводила дух. Стало лучше с едой, с одеждой... Одна из оставшихся в памяти примет этого времени — яичный порошок, американская тушенка, «студебекеры» на улицах. С Америкой мы дружили, у всех в памяти было недавнее братание на Эльбе, — и это было облечено в повсеместно звучащий джаз.

Джаз звучал по радио, в ресторанах, в кино. Он нес радость, легкость, прекрасное настроение, по которым так соскучились люди за долгие годы войны.

Эта ритмическая музыка была словно для меня и создана. И я начал собирать джазовые пластинки. Это были и наши, довоенные, и привезенные с войны отцами: Гленн Миллер, Джанго Рейнхардт, весь Утесов, Цфасман, Варламов, Эдди Рознер. Коллекция быстро пополнялась. Джаз процветал.

А через два года произошли события, во многом определившие мою жизнь на долгие годы.

Отношения с Америкой испортились. И нашлись люди, которые решили перенести «холодную войну» и на джаз.

Все, начиная от родителей, учителей и кончая газетами и радио, стали говорить, что джаз — это плохо. Что это музыка страшная, вражеская, что по сути она порочная, вредная и т. д. Что джаз нельзя ни слушать, ни собирать, ни танцевать на школьных вечерах. В подтверждение этих мыслей приводилась фраза: «Джаз — это музыка толстых». Это высказывание стало главным лозунгом гонений на джаз.

А войну с ним повели серьезную. Какой-то деятель объявлял: «От саксофона до ножа — один шаг». Широко цитировалось стихотворение: «Сегодня он играет джаз, а завтра — Родину продаст». (До сих пор не знаю, кто это написал. Может, он откликнется?)

В сорок седьмом году джаз звучать перестал. Пластинки купить уже было невозможно, на танцах его заменили каким-то эстрадным суррогатом, интермеццо, польками, падекатрами, вальс-бостонами. Радио заполнилось эстрадными песнями, мелодиями из оперетт. Фокстрот и танго на школьных вечерах запретили, в музыкальных школах отменили аккордеон.

Мне было тогда двенадцать лет, и в политике я разбирался неважно. Я просто ощутил огромное недоверие ко всем, кто говорил, что джаз — это плохо, почувствовал во всем этом ложь и несправедливость. Потому что всем своим существом знал, что, кроме радости, огромного прилива энергии, джаз ничего не несет. Только потом, будучи старшеклассником, я узнал: то, что было названо «музыкой толстых», к джазу отношения не имело. Словом «джаз» было названо другое явление — дешевая коммерческая музыка в виде какого-нибудь шумового оркестра. Произошла подмена понятий: музыка американских негров, наиболее гонимой части населения США, получила название «музыка толстых».

Но тогда я еще этого не знал. И я ощутил себя отчасти человеком «вне закона», потому что твердо решил джаз не бросать. Я решил бороться, реабилитировать его доброе имя.

Тогда я еще не думал, что когда-то буду играть сам. Мы просто собирались с друзьями, единомышленника-

ми. Рассказывали друг другу всевозможные легенды. Никто толком ничего не знал. Говорили о каком-то Бенни Гудмене — «короле джаза», о трубаче по имени Банни Бериген, который умер прямо на сцене, доиграв пьесу до конца, о том, как во время выступления был застрелен из зала барабанщик Чик Веб. Я был убежден, что Луи Армстронг — это белый певец с хриплым голосом, и страшно удивился, когда позднее увидел его фотографию и понял, что он — негр.

Шли годы, и я становился настоящим фанатиком джаза и не скрывал этого. Появились новые знакомые, люди, завлащенные на любви к джазу.

Мы встречались вечерами на «Бродвее» — на левой стороне улицы Горького, если идти от площади Пушкина к центру. Нас было немного, может быть, всего несколько десятков на всю Москву. Все знали друг друга, обменивались информацией и этой информацией жили.

Интересовал нас не только джаз. Мы где-то доставали и показывали друг другу репродукции импрессионистов, картин Малевича и Кандинского, Чюрлениса. Тайком читали Хемингуэя, Зоценно, Гумилева, Хлебникова, Булгакова.

Мы не желали походить на тех, кто не живет нашими интересами. Мы были не согласны с ними, и это свое несогласие старались выделиться во всем.

Одевались стильно — в большие мягкие пиджаки с конкетной, хлястиком и накладными карманами, в узкие брюки с широкими манжетами, носили ботинки на толстом каучуке, широкие расписные галстуки. У меня были длинные волосы «под Тарзана», впереди — набриолиненный кон. Танцевали только «стилем» — «атомным», «нанадским» или «тройным гамбургским». Кто придумал эти движения и названия, остается неизвестным. Лет через тридцать мне удалось посмотреть кинохронику массовых джазовых танцев 30—40-х годов, и я мысленно отметил странную связь этих самодельных «стилей» с такими танцами, как «джиттербаг» или «буги-вуги».

Говорили мы на особом жаргоне, непонятном для посторонних. Как утверждали знающие люди старшего поколения, это была смесь некоторых слов из блатной «фени» и языка одесских кафежантных музыкантов 20-х годов («чувани», «похияляли», «клевый», «лажа» и т. д.).

Все это было занятием небезопасным. В «Крокодиле» появился фельетон, где были изображены утрированные недоумки, названные стилистами. (Среди стилист, конечно, попадались разные люди, но в подонки записали всех). Нас стали преследовать как вредное явление...

Как смешно и грустно сегодня вспоминать те годы... «Полтинник» — так называлось 50-е отделение милиции, куда нас, отловив на «Бродвее», приводили комсомольцы-дружинники, отстригали клок завитых тарзановских волос и разрезали узкие брюки... Ломались судьбы, доходило до исключений из комсомола, школы, института. С нами боролись. Потом стали бороться с широкими брюками, потом снова с узкими, с прическами под бобрин и длинными волосами... и каждый раз — одними и теми же словами «вражеское, буржуазное, низкопоклонство»... Впрочем, вернемся к джазу.

Итак, мы жаждали восстановить справедливость. Многие тогда бросили слушать и играть джаз. А многие, как и я, «закалившись», дожили до момента, когда джаз стал не только разрешен, а был поднят «на щит», и уже его именем начали порицать следующее направление — рок.

Ситуация с джазом изменилась в 1957 году. Еще до этого были реабилитированы многие добрые имена и идеи, но джаз оставался по-прежнему «проводником буржуазной культуры».

И вот — Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Мы не только открыто услышали джаз, но и увидели. Увидели иностранцев — до тех пор ведь туризма почти не было, а тут вся Москва оказалась ими запружена, они ходили толпами. Город практически не ложился спать — знакомились, общались. Я тогда впервые увидел американцев и с удивлением обнаружил, что они совсем не похожи на тех, кого мы знали по «Крокодилу» (рисовалось два варианта: толстяк, этаким «мистер Твистер» во фраке, цилиндре и с сигарой, или — очень худой, небритый, в дырявом черном пальто и мятой шляпе). А тут перед нами были простые парни и девушки в каких-то синих штанах (позже выяснилось, что они называются джинсы), коротко стриженные, крепкие и открытые, с несколько отсутствующим взглядом, что называется, «без проблем». С не меньшим удивлением мы обнаружили, что об американской литературе и джазе некоторые из них знают гораздо меньше, нежели мы, стилисты. Я спрашивал: «Ну как там Джерри Маллиген?», мне отвечали: «О, йес, гуд». При дальнейшем разговоре выяснялось, что они никогда на его концертах не были и вообще джазом особенно не интересуются, а любят больше кантри-музыку. Это был шок. Я тут, в России, давно выучил наизусть не только темы, но и импровизации Маллигена, а они там даже не удостоились на его концерт сходить!

...И вот в 1957 году мы впервые увидели, как играют зарубежные мастера джаза. Здесь был англо-американский квинтет Джефа Элисона с негритянской певицей Бэртис Ридинг, итальянский диксиленд, польский ансамбль Кшиштофа Комады и многие другие. Я провел фестиваль с квинтетом Элисона, таская им инструменты и проходя таким образом на все концерты. Мне надо было видеть, как они это делают. Тогда я осознал, что джаз — это прежде всего колоссальный труд по освоению гармонии и техники игры, требующий постоянных занятий. До этого я знал исполнение джаза только по зарубежным радиопередачам, по работе тех, что в Москве играли подпольный джаз на танцах, где собирались стилисты, в

каких-то хитрых клубах и даже на квартирах.

В общем, в 57-м мое поколение музыкантов многое узнало и поняло. В этом же году я полностью переключился с фортепиано на саксофон и вскоре собрал свой первый состав.

Нам нужны были не столько деньги, сколько практика, слушатели. И вот здесь я окунулся в своеобразный мир московской «биржи» — неофициального уличного клуба музыкантов. «Биржа» находилась на пятачке пересечения Неглинной и Пушечной улиц. Там, независимо от времени года и погоды с пяти до восьми вечера каждый день собирались музыканты самых разных поколений и уровней: от довоенных старых испытанных «лабухов» до молодых начинающих джазменов вроде меня. Это была довольно внушительная толпа необычно одетых, мирно разговаривающих людей, перекрывающая движение машин по Неглинной. Прохожие обходили нас стороной, милиция почему-то не трогала. Это был действительно клуб, где музыканты просто общались, обменивались необходимой информацией, делились профессиональным опытом и просто «хохмили», рассказывали анекдоты.

Сюда же приходили «заказчики» и нанимали на работу — сыграть на танцах или на свадьбе. Это называлось «халтура», но никто не понимал тогда этого слова в его прямом смысле — к «халтурам» относились очень добросовестно. Для многих из нас они были школой игры, где вырабатывалась профессиональная хватка, умение играть без нот, «на слух», малознакомую тему, с ходу в любой тональности. На «халтурах» приходилось играть в основном популярную музыку того времени — вальсы, танго, польки, старые фокстроты. Как только мы начинали играть настоящий современный джаз да еще импровизировать, публика моментально переставала танцевать, к нам подходил организатор вечера и просил нас сыграть «что-нибудь понятное».

Постепенно стало понятно, что «халтуры» — не место для джаза. И я, несмотря на студенческую бедность, стал отказываться от них и думать о профессиональной концертной работе, о какой-нибудь филармонии. Но тогда об этом не могло быть и речи, негласный запрет джаза был еще в полной силе.

Первым, кто пошел на контакт с джазом, был комсомол. В МГК ВЛКСМ появились новые секретари и инструкторы отдела культуры, рискнувшие помочь нам. Открылся Джаз-клуб на Раушской набережной (просуществовавший, правда, недолго). Важным было возникновение джазовых кафе-клубов «Молодежное», «Аэлита», «Синяя птица» в 1961 году. В этих кафе началась бурная джазовая жизнь, встречались музыканты из разных ансамблей и городов, развивалась новая форма музыкального общения — так называемый «жем-сешн», или совместная импровизация. В 1962 году группа из шести советских музыкантов, где я играл на баритон-саксофоне, была впервые послана ЦК ВЛКСМ на международный фестиваль джаза в Варшаву. Вернулись мы оттуда, как говорится, «со щитом», получив хорошие отзывы и даже записав там пластинку. Казалось, все налаживается, джаз вот-вот получит официальное признание и профессиональный статус. Не тут-то было...

Вскоре после этого в прессе появился ряд статей по усилению борьбы с тлетворным влиянием западного искусства. Заодно досталось и джазу. Мы опять были отброшены назад...

Итак, для меня снова началась борьба.

Отдел Мосэстрады, заведовавший тогда музыкой в ресторанах, кафе, танцзалах и в фойе кинотеатров,

просто воевал с молодыми джазовыми коллективами, пытающимися устроиться на работу в молодежное кафе. Худсоветы по принятию программы были форменным избиением. Для подкрепления приглашались музыковеды, критики, чиновники. Чего нам только не приписывали — от неумения играть до идеологической диверсии. Главным нашим «преступлением» было то, что мы импровизировали — на официальной эстраде это было категорически запрещено!

И тут на помощь пришли композиторы: Ваню Мурадели, Арно Бабаджанян, Александр Пахмутова, Андрей Эшпай, Александр Флярковский, Юрий Саульский, Мурад Кажлаев. Спасибо им, они, не жалея времени, приходили на эти худсоветы и своим авторитетом отстаивали джазовые ансамбли. Они же возглавляли жюри первых крупных джазовых фестивалей в Москве, беря на себя всю ответственность за последствия. Возникло абсолютно новое мнение, что у нас должен быть свой, отечественный джаз.

С середины 60-х начался медленный, но верный подъем советского джаза. Стали чаще приезжать зарубежные музыканты. Одно из незабываемых впечатлений тех лет — это гастроли в нашей стране Дюка Эллингтона со своим оркестром, его встречи с советскими музыкантами.

Но, что интересно, на профессиональной сцене наш джаз долгое время существовал лишь в форме так называемых «биг-бендов» — больших эстрадно-джазовых оркестров, как правило, «прикрытых» популярными певцами, танцорами, конферансье. Малые же джазовые составы получили официальный филармонический статус лишь после 1975 года.

Словом, с джазом налаживалось, а вот с рок-музыкой дело обстояло значительно хуже.

Если джаз был «музыкой толстых», то рок — «музыкой волосатых». Что, разумеется, не приветствовалось. А я в начале 70-х начал серьезно интересоваться рок-музыкой.

Началось все с того, что в кафе «Печора» у меня украли саксофон, и я на некоторое время бросил играть. И получил возможность «оглядеться». И вдруг осознал, что, хоть и играю самый современный джаз, что-то упустил очень важное, в чем-то отстал. Я стал ходить к одному коллекционеру рок-музыки и за короткий срок открыл для себя целый мир иных звуков и идей. Ну, а когда я услышал записи джаз-рок групп «Чикаго» и «Кровь, пот и слезы», стало ясно: синтез — мой дальнейший путь. Эти два ансамбля явились прообразом того, что я решил делать на первых порах.

Но тут же возник ряд проблем. Мои друзья-джазмены от предложения репетировать в новом составе с удивлением и презрением отказывались. Других же знакомых у меня не было, и, чтобы найти музыкантов, я решил внедриться в среду «подпольных» рок-групп. Сделать это было нелегко. В то время хиппи относились с большим недоверием, а иногда и агрессивно ко всем, кому больше двадцати пяти, мне же было под сорок. К тому же рок-музыканты побаивались и недолюбливали джазменов, зная, что те их презирают.

У меня была приятельница, имевшая прямое отношение к организации неофициальных рок-конcertов, она-то меня туда и привела. И когда я появлялся там, это тут же замечали. Хотя я и был одет в джинсовый костюм и носил длинные волосы, я очень выделялся из-за возраста. Начались выяснения: кто я, не замаскированный ли представитель власти? Узнав, что я джазист, более тщательно настраивали гитары, уточняли программу. А мне, прошедшему через все круги джаза, было на этих концертах очень интересно: в простой игре начинающих рокеров было нечто неуловимо-новое, что мне еще только предстояло освоить...

Все эти мои хождения ничем существенным не закончились, и я стал искать «кадры» среди студентов консерватории и института имени Гнесиных. И этой путь оказался наиболее плодотворным. Так, в конце 1973 года возник джаз-рок ансамбль «Арсенал».

Начались неофициальные концерты — по институтам, в Политехническом музее, в Доме литераторов, в

Доме ученых. Выступления наши пользовались популярностью и вызывали огромный ажиотаж. Но тут же начались и «гонения», причем суровые. Как показал опыт, больше всего боялись поведения зрителей: концерты сопровождала жуткая давка, войти было нельзя ни с билетами, ни без. Это считалось нашей виной, ут-верждали, что их вызывает наша музыка. А по правде давка возникла оттого, что концертов было мало, а желающих — много.

Словом, мы наводили ужас. Нередко концерты нам просто срывали. Бывало так. Комитет комсомола какого-нибудь института приглашал нас. Давали транспорт, привозили аппаратуру. В назначенное время собиралась публика. И тут выходили какие-то люди с повязками дружинников и объявляли: «Концерта не будет, «Арсенал» потребовал слишком большие деньги». (Это при том, что мы принципиально играли бесплатно). Зрители расходились. Как я узнавал впоследствии, распоряжения об отмене концертов давались откуда-то «свыше», по телефону. И сколько я ни пытался выйти на прямой контакт с этими «свыше», они так и остались для меня инкогнито. А звонили и в консерваторию. И в какой-то момент моя секция духовых инструментов дрогнула — в деканате намеревались, что серьезным студентам не подобает играть в сомнительном ансамбле.

Все это привело к тому, что выступать мы перестали и только репетировали, находясь с прямом смысле в подполье — в подвале одного общежития. К этому времени мы уже играли оркестровки любой сложности. Но в услугах наших никто не нуждался.

И вот однажды у нас в подвале появился человек, который назвался директором Калининградской областной филармонии, Андрей Александрович Макаров. Еще один чиновник, подумали мы. Прислушав нас, он пообещал взять на работу. Конечно же, мы не поверили и вскоре о нем забыли. Но через полгода нас вызвали на прослушивание в Калининград. И приняли на работу. Так «Арсенал» родился во второй раз.

Мы начали ездить по всей стране, исполняя ту самую программу, которая еще недавно казалась кому-то такой страшной. Побывали за рубежом. Но в Москве нам выступать по-прежнему не разрешали (это были последствия нашей прежней деятельности), и мы изредка давали «подпольные» концерты на нашей базе, в ДК «Москворечье». «Пропуску» в столице мы получили только в 80-м году, за счет культурной программы Московской Олимпиады.

К этому времени в музыкальных учебных заведениях крупных городов открылись эстрадно-джазовые и джазовые отделения, где обучают импровизации, джазовой гармонии и истории джаза. Постепенно, в 80-е годы, наши ведущие джазмены были приняты в Союз композиторов СССР.

После всего этого славного подведения итогов хочется спросить: «Какой был смысл в запрещении жанра? Что дала эта борьба?» Ведь, несмотря ни на что, все встало на свои места, но сколько ненужных и досадных потерь! Когда я в 1976 году получил возможность стать профессионалом, мне уже был сорок один год. К этому времени наши ряды заметно уменьшились. Одни бросили перспективное занятие джазом, канули в ресторанных оркестрах, третьи подались в коммерческую эстраду...

Мне могут задать вопрос: «Зачем ворошить все это? Поезд, как говорится, давно ушел». Дело в том, что эта история повторяется, но в иных формах и в других масштабах с рок-музыкой, порождая нездоровые формы ее существования, нездоровое внимание к ней.

Неумелое, невнимательное отношение к музыкальным устремлениям своих детей, нетерпимость и нежелание разобраться в сущности разных видов молодежной музыки, попытка отделаться от всего путем запрета, свалив все в одну кучу под условным названием «рок», порождает и взаимное отчуждение, и недоверие. Я испытал это в юческом возрасте на

себе, когда запретили джаз. И еще раз, гораздо позднее, в начале 70-х, уже вместе с «Арсеналом», когда был наложен нелепый запрет на рок-музыку. И совсем недавно — в 1984 году, когда я решил ввести на сцену брейк-данс.

Тогда он был у нас почти неизвестен и казался диковинкой. И вот мы сделали небольшой музыкальный спектакль, где музыканты выступали в роли неких роботов.

Тогда многие руководители, особенно на периферии, отнеслись к этой новинке резко отрицательно, усмотрев в брейке нечто вредное для нашей молодежи. В различные ведомства и инстанции на нас стали поступать «сигналы», дошло до того, что на концерты приходили «проверки». В Донецке ко мне после концерта пришел за кулисы сравнительно молодой человек, один из ответственных работников горкома комсомола. Он заявил, что наша программа с пантомимой кажется ему вредной и опасной. Когда я спросил, что же в ней страшного, он ответил, что догадался, что зашифровано в наших движениях. Оказывается, в классическом движении «стенка», когда человек идет, перебирая ладонями по невидимой стене, он увидел намек на то, что советские люди находятся в клетке. В движении по перекладыванию невидимого кирпича ему померещилось издевательство над строительством социализма. Механическое скольжение под «скрип» синтезатора было истолковано как пародия на ветеранов войны и так далее, по всем пунктам... Мне стало страшно. Я представил, в каком кошмарном состоянии живет этот человек, видя все вокруг себя в таком мрачном свете, — ведь так можно свихнуться! Не зная, как реагировать, стояли в оцепенении работники Донецкой филармонии, присутствовавшие при этом разговоре. С тех пор меня как-то не тянет в Донецк, хотя, говорят, он стал одним из центров брейка на Украине...

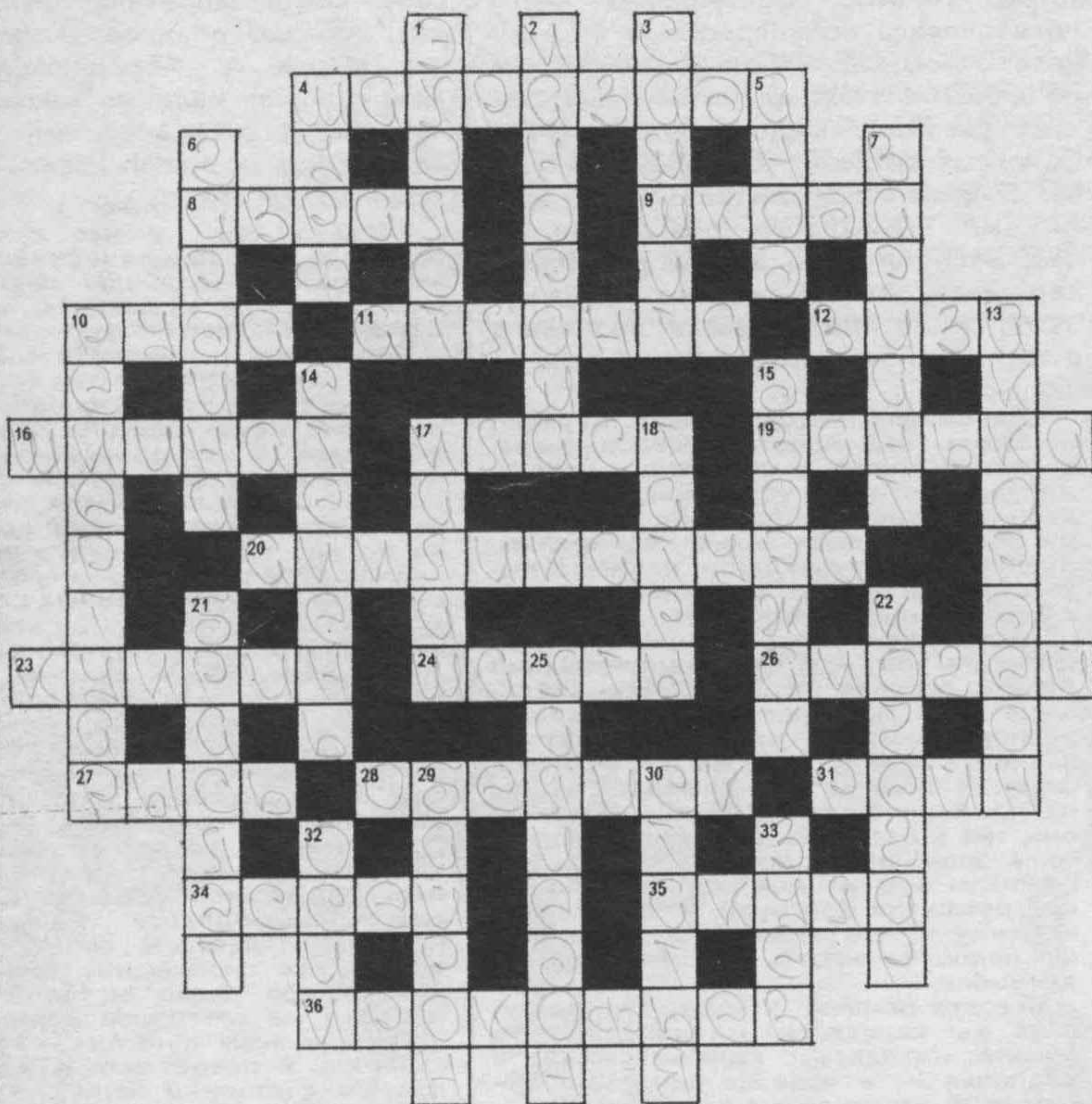
Времена изменились. Но длительный период замалчивания рок-музыки и полного отсутствия информации принес свои отрицательные плоды. Сейчас не так много людей, по-настоящему интересующихся этим видом музыки, хорошо знающих его историю и современное состояние. Не так много у нас и настоящих рок-музыкантов, виртуозов-исполнителей, певцов, композиторов. Сейчас словом «рок» называют что попало и чаще всего то, что к этому явлению не относится. За три с половиной десятилетия своего существования рок породил вокруг себя плотную атмосферу псевдокультуры, за которой подчас не видно самого ядра. За рубежом, да и у нас, возникла масса разновидностей поп-музыки, мимикрирующих под рок и заполонивших средства массовой информации. В первую очередь это относится к группам стиля «евродиско» типа «Модерн токинг», к итальянской эстраде, так называемому «спагетти-поп».

Другая сторона проблемы — некоторые наши неофициальные ансамбли, популярность которых среди молодежи создается и поддерживается лишь фактом их «запрещения». Нелегальность позволяет недостойным людям годами жить в ореоле героизма. Вокруг них создаются легенды — их выступления никто практически не видит, и это делает их еще более знаменитыми. Есть целый ряд ансамблей, которые, кроме эпатажа, похабщины, полуистерического поведения на сцене, за душой ничего не имеют. Но есть и по-настоящему талантливые рок-музыканты, не имеющие возможности реализовать себя.

Если сегодня придать гласности то, что происходит с «подпольными» рок-группами, произойдет колоссальное оздоровление. Каждый получит то, что заслуживает. Талантливые — работу в том масштабе, в каком это необходимо обществу. Те, кто хочет продолжать заниматься любительством, будут заниматься им свободно и открыто. А те, кто держался на нездоровом ажиотаже, попросту «отомрут».

Главное, повторяю, чтобы музыка получила возможность открытого развития. С этой точки зрения и следует к ней относиться.

КРОССВОРД

По вертикали: 1. Гидроакустический прибор для измерения глубин моря. 2. Живописная картина с объемным передним планом. 3. Южное вечнозеленое дерево или кустарник. 4. Вертикальная или наклонная горная выработка. 5. Электрод. 6. Оконная занавеска. 7. Видоизменение, разновидность. 10. Совокупность произведений, исполняемых в театре. 13. Духовой музыкальный инструмент с клавиатурой. 14. Произведение нескольких равных сомножителей. 15. Чешский композитор и дирижер. 17. Холодное оружие. 18. Горный массив в Польше и Чехословакии. 21. Украшение, носимое на запястье. 22. Картина Н. А. Ярошенко. 25. Поделочный камень, разновидность кварца. 29. Английский поэт-романтик. 30. Научное, публицистическое сочинение в журнале, газете. 32. Действующее лицо в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 33. Советский физик, академик.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

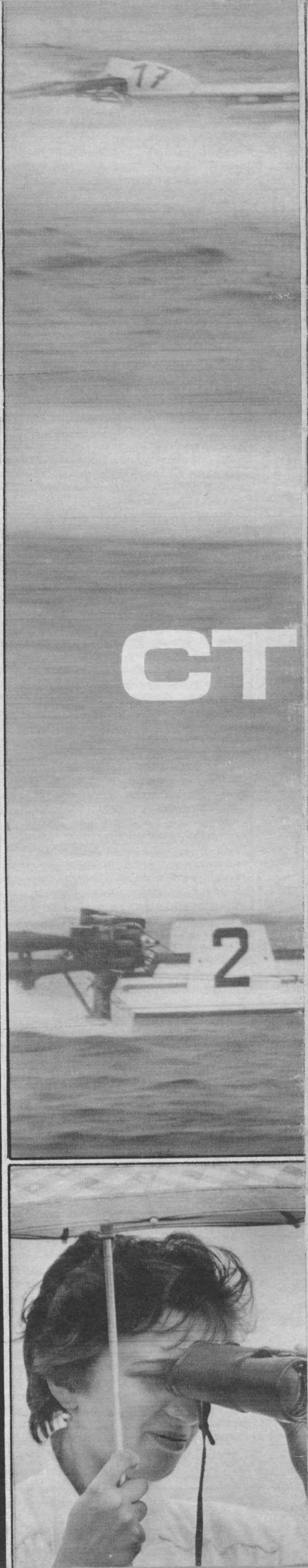
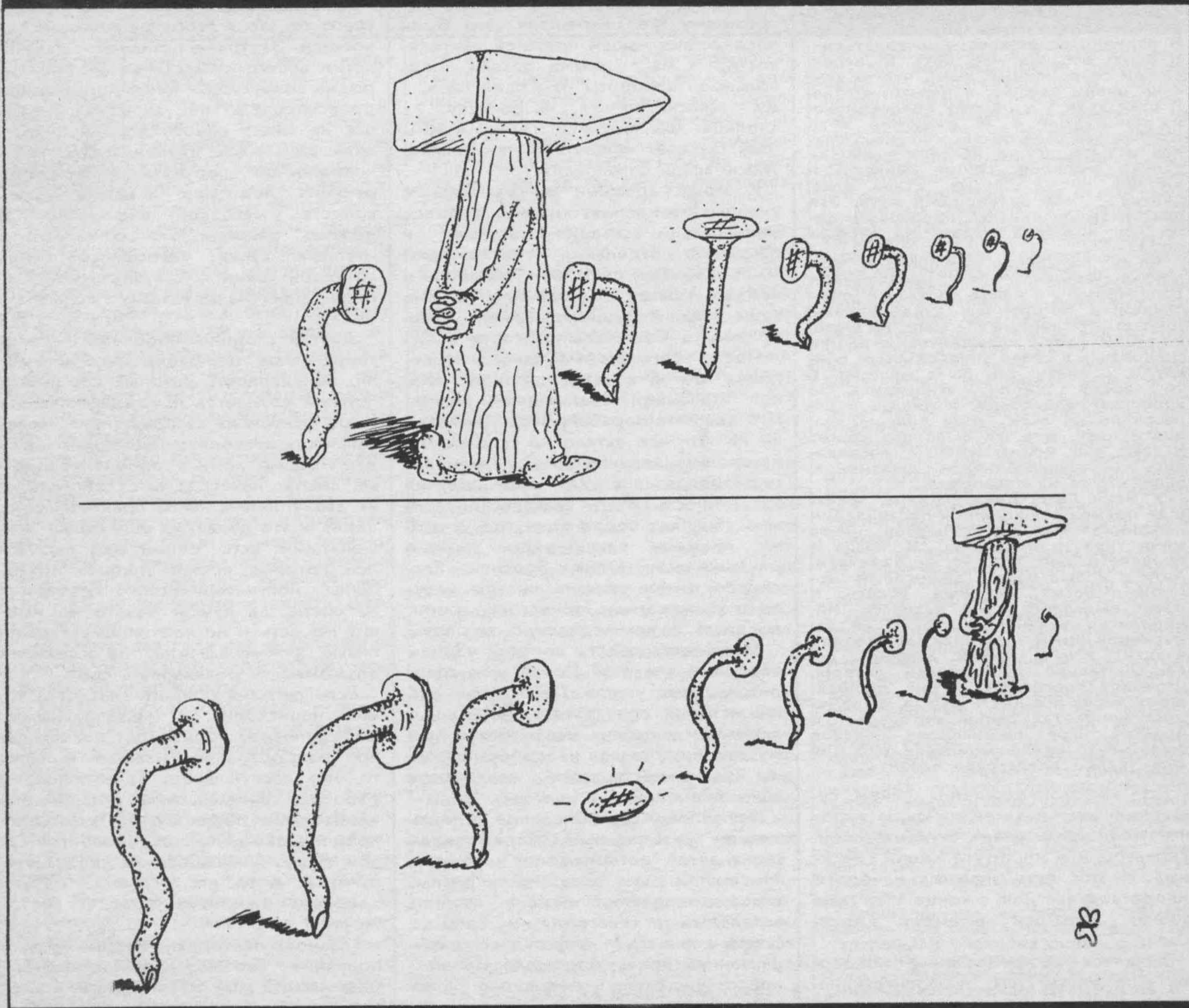
По горизонтали: 4. Героиня сказок «Тысяча и одна ночь». 8. Работа на корабле, выполняемая всей командой. 9. Марка чехословацких автомобилей. 10. Природное минеральное вещество. 11. Город на юго-востоке США. 12. Надпись на документе, удостоверяющая его подлинность. 16. Овощная культура. 17. Форма залегания осадочной горной породы. 19. Рассказ А. П. Чехова. 20. Способ расположения пальцев при игре на музыкальном инструменте. 23. Русский писатель, автор повести «Поединок». 24. Город в Ростовской области. 26. Наиболее удаленная от Земли точка орбиты Луны. 27. Быстрый бег лошади. 28. Мемориальное сооружение, памятник. 31. Река в Западной Европе. 34. Озеро на Среднесибирском плоскогорье. 35. Хищная морская рыба. 36. Советский композитор, пианист и дирижер, лауреат Ленинской премии.

По горизонтали: 5. Грибоедов. 6. Массне. 7. Лысуха. 11. Корбут. 12. Собат. 14. Дуайен. 17. Кинетика. 18. Вивальди. 19. Пиренеи. 20. Экспромт. 22. Спаниель. 24. Цандер. 25. Румба. 28. Линней. 31. Вектор. 32. Анохин. 33. Оранжерея.

По вертикали: 1. Либретто. 2. «Светлана». 3. Брусья. 4. Боксер. 6. «Макбет». 8. Ангара. 9. Горностай. 10. Бельведер. 13. «Бурелом». 15. Лапта. 16. Твист. 21. Руднев. 23. Нансен. 26. Ударение. 27. Бухарест. 29. Гитара. 30. Флорес.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Евгения ВИШНЕВСКОГО (Харьков)

СТ

РЕЛА НА ВОДЕ

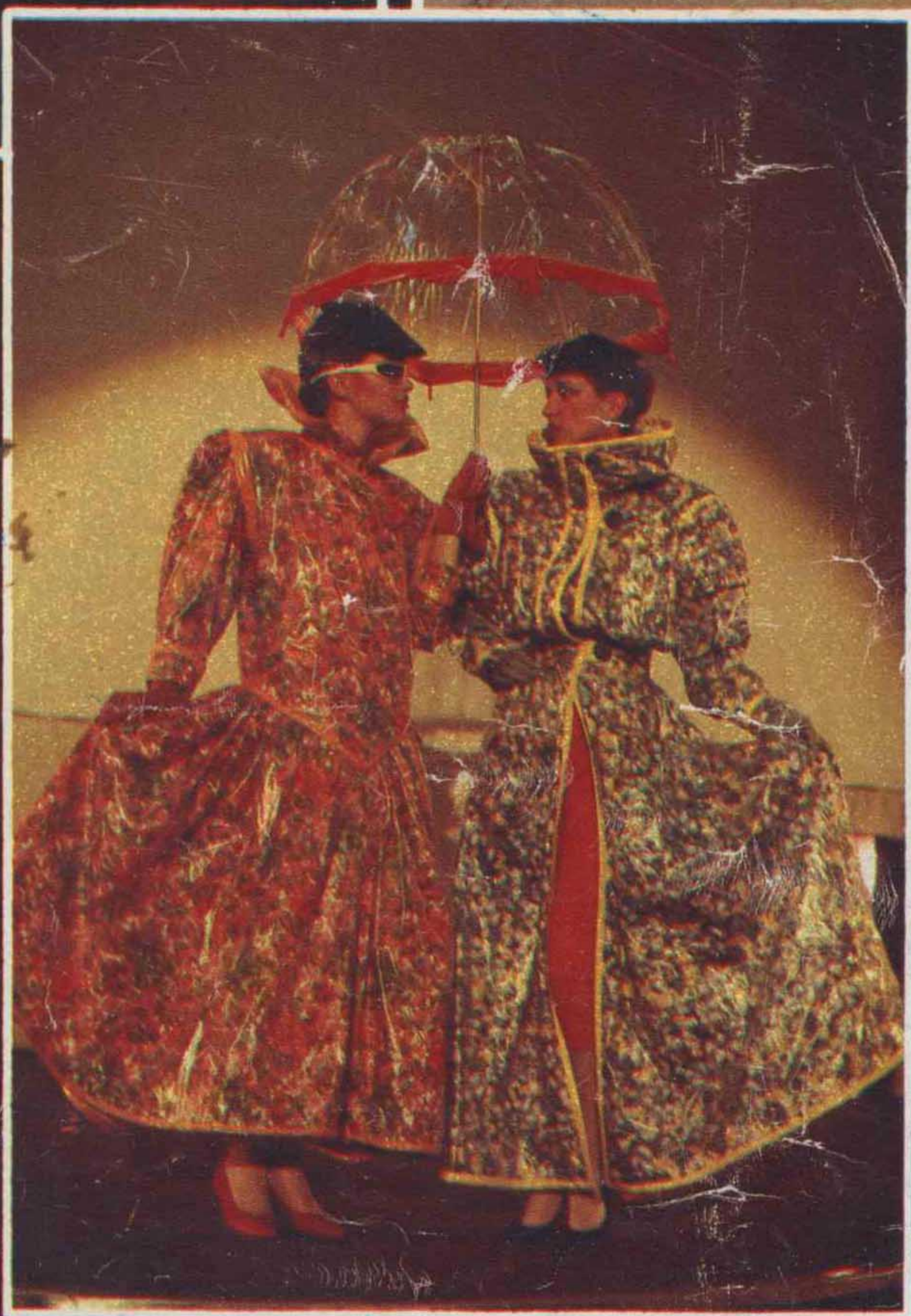
Воздух — густой и вязкий — нехотя обтекает шлем, плотным потоком соскальзывает со щитка и уносится назад, свиваясь с кильватерной струей. И она, пожалуй, ярче всего олицетворяет скорость.

А там, на воде, — стремительность и настойчивое желание улететь за горизонт результата, которого достигли твои соперники. Но скутер — машина не на рельсах: любой гребешок рвет из ладоней руль, любая волна — как ухаб на асфальте. О, жестна водица на гонке чемпионата мира! Тут нужны особые свойства отвага, чувство ветра и чуткая связь с машиной.

Скутер — не пони, это и невооруженным глазом видно. Транспорт умных смельчаков, упрямых и дерзких. Все силы отдают они короткому мигу гонки! Вот потому-то и усталый вид у ленинградца Алексея Ишутина, подтвердившего высокое звание чемпиона мира.

Борис РЯЗАНЦЕВ,
Анатолий БОЧИНИН (фото).

● Тольятти — город молодых, хотя в этом году ему исполнилось 250 лет.

● Тольятти — город экспериментов, и не только в автомобилестроении: доказывают это спектакли театра моды «СТИЛЬ», которым руководит художник Раф Сардаров (это его модели вы видите на фотографиях).

● Тольятти — город проблем, о которых размышляют сегодня руководители производства, социологи, работники культуры...

Читайте в номере очерк Юрия Михальцева «ГОД ЗА ДНЕМ».

Фото
Анатолия БОЧИНИНА
и Станислава КАЗАКОВА

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

ОГОНЁК